

Р2
У-25
459106

Н. Я. Яковлев

II Подруги

Н. Угловский

Подружки

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

Писатель Н. В. Угловский родился в 1921 году в Велико-Устюгском районе Вологодской области. Участвовал в боях против гитлеровской Германии и Японии в качестве военфельдшера. После войны работал фельдшером ремесленного училища в Великом Устюге, а позднее — в редакции местного радиовещания и в районной газете. Член КПСС с 1943 года.

Первый рассказ Николая Угловского был напечатан в 1941 году. Первая повесть «Наступление продолжается» вышла в Вологде в 1950 году. Заметным явлением в литературе были повести Н. Угловского «Огни в Снежном» (1954 г.) и «У нас на Севере» (1959 г.).

В новой повести «Подруги» Н. В. Угловский вновь обращается к волнующей его теме современной колхозной деревни.

Угловский
Николай Васильевич
«ПОДРУГИ»

Редактор В. К. Пудожгорский
Технический редактор С. И. Соколова
Художник Б. И. Шабает
Корректор М. В. Чернакова

ГЕО3074. Подписано к печати 28 августа 1962 года.
Бумага 84×108¹/₃₂ = 3 б. л., 9,84 п. л., 10,33 уч.-изд. л.
Заказ 4009. Цена 46 коп. Тираж 30 000.

Вологодское книжное издательство, ул. Чернышевского, 17.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

I

ХОТЯ Володя и не знал подробностей, он о многом догадывался. Удивительно было то, что Верочка, обычно такая доверчивая, ни словом не обмолвилась о своем намерении. Ладно, он ей это припомнит. Честно говоря, его не очень интересовала вся эта «авантюра», затеянная девчатами, но было неприятно, что Верочка определенно начинает скрытничать. В письмах она была куда откровеннее.

Впрочем, после его возвращения в поселок вообще что-то сломалось в их отношениях. Володя понимал, в чем тут дело, и злился не столько на Верочку, сколько на ее подруг. В последнее время он все реже виделся с нею — и не потому, что не хотел этого, вовсе нет. Ее сдержанность и даже недоверчивость оскорбляли его. Дошло до того, что Верочка уже не раз выговаривала ему за непристойное поведение! Да что она понимает в жизни? Просто повторяет ехидные нашептывания своих «серьезных» подружек. А уж их-то мнение о нем Володя знал отлично.

В один из апрельских дней Володя случайно прослышал, что девчата-добровольцы в 12 часов едут на пленум райкома ВЛКСМ за путевками. Он отпросился у бригадира топливного склада «на часок» и пошел, в чем был — в ватнике и сапогах — к клубу. Здесь Володя увидел, как девушки усаживались в большой автобус, принадлежащий льнокомбинату. Среди добровольцев не оказалось ни одного парня.

«Ну ясно, какой же дурак согласится поехать в деревню», — презрительно подумал Володя, издали наблюдая за шумной и пестрой девичьей ватагой. Верочки он так и не смог увидеть, зато сразу же заметил

Лену и Катю, а это означало, что и Верочка непременно тут.

«Ладно, черти!» — пробормотал он, когда наконец автобус тронулся.

Володя не понимал, что с ним происходит. Потоптался на тротуаре, мешая прохожим. Автобус, набирая скорость, вот-вот должен был исчезнуть за поворотом. Володя исподлобья, будто прицеливаясь, следил за ним. И как только автобус скрылся, он, еще не вполне отдавая себе отчет в том, что предпримет, круто повернулся и зашагал прямо к чайной. Здесь обычно делали передышку машины, совершавшие рейсы между железнодорожной станцией и райцентром. Возле одной из них наскоро докуривал папиросу молодой шофер в роскошных оленьих пимах.

Володя внезапно остановился, глянул на дверь чайной и обратился к шоферу в пимах:

— Подбросишь до района, друг?

— Чего так приспичило? Пассажирские же автобусы ходят, а у меня, видишь, груз.

— Пассажирский через час притопает, а мне срочно надо.

— Валяй, садись, только держись крепче.

— Не беспокойся, не впервой.

— Тогда поехали...

Приняв решение, Володя больше не томился и не размышлял о том, правильно он поступил или нет. «Там посмотрим», — подумал он о себе, как о ком-то постороннем.

В городе он не спеша бродил по улицам, разглядывал вывески и снимки в газетных витринах, долго стоял на набережной Сухоны, любуясь ее могучим разливом. Ледоход еще не кончился, у берегов, выпирая в иных местах на мостовую, теснились опромные льдины, по реке густо плыла шуга. Весна чувствовалась во всем: в слепящих солнечных бликах на синеватых кромках льдин, в радостном чириканье воробьев, в теплом дыхании оттаявшей земли. Володя вспомнил прошлогоднюю весну и довольно усмехнулся. Тогда он не ждал для себя впереди ничего хорошего. Теперь другое дело. Несмотря на многое, что еще и нынче омрачало его жизнь, Володя верил, что эта весна несет и ему новые надежды и радости.

Около трех часов дня Володя очутился в фойе районного Дома культуры, где проходил пленум. В боковом коридоре толпилось немало народу — наверно, из тех, кто любит шум и суету всякого рода собраний и совещаний, но предпочитает отсиживаться в кулуарах. Володя осмотрелся, понял, что до него никому нет дела, и смело вошел в зал заседаний. Вошел — и замер у дверей: на трибуне он увидел Катю.

Обращаясь то к президиуму, то к сидящим в зале, Катя звонким, хорошо поставленным голосом («Ну и артистка!» — подумал Володя) говорила:

— Конечно, товарищи, мы поедем, раз уж так получилось... Вот и путевки нам вручили, спасибо. Конечно, мы понимаем, будет трудно. Я вот даже близко к коровам не подходила. Но раз мы сами решили поехать, и нам доверяют, то доверие оправдаем. Мы же комсомольцы и рабочий класс, а комсомольцы всегда шли впереди. В общем, девчата поручили мне сказать, что трусов среди нас не будет, ну, а кто струсит — тому позор на всю жизнь. Вот и все.

Ей аплодировали дружно и долго. Володя только усмехнулся и вытянул шею, надеясь увидеть Верочку. Он рассчитал правильно: Катя, сойдя с трибуны, села в первом ряду, и сейчас же Верочка приподнялась, поздравляя подругу. «Может, и она выступит? Да нет, куда ей! Интересно, чем все это кончится?» — размышлял Володя.

Но тут секретарь райкома Сергей Поповкин предложил еще раз поприветствовать славных патриотов, опять раздались шумные аплодисменты, а потом еще шумнее все задвигали стульями, и Володя поспешно выскочил в фойе.

В последующие полчаса ему пришлось проявить поистине необыкновенную изобретательность и терпение, чтобы самому все видеть и одновременно избегать встреч со знакомыми. В конце концов ему удалось поймать Сергея Поповкина одного на площадке лестницы.

— Извините, у меня к вам всего два вопроса...

— Пожалуйста, — с привычной вежливостью сказал Поповкин, мельком оглядывая незнакомого рослого парня в сером, небрежно застегнутом на одну пуговицу ватнике. — В чем дело?

— Можете вы мне сегодня выписать путевку в колхоз?

— Сегодня — вряд ли, — невольно улыбнулся Поповкин. — Во-первых, поздно, а во-вторых — откуда вы?

— С льнокомбината. Разнорабочий... — Володя вдруг смутился. — Прежний секретарь меня хорошо знал. Булавин моя фамилия. Владимир Петрович Булавин.

— Комсомолец?

— Был... А разве в колхозы только комсомольцев направляют?

— Нет, почему же? А вы что, были из комсомола по возрасту?

— Видите ли, я недавно вернулся из заключения. Попал в прошлом году за хулиганство. В драку по дуруости ввязался. Поэтому и хотел поговорить с вами.

— А, понимаю. Тогда пойдемте в райком, там побеседуем. Тут рядом.

— Помню, — облегченно кивнул Володя. — Не раз там бегал...

II

— **Н**У, ДЕВОЧКИ, пора нам сматываться, — сбрассывая одеяло, съявила Катя. — Хватит. У меня такое предложение: устроим сегодня прощальную вечеринку, а завтра, чуть свет, манатки в охапку и шагом марш в колхоз. Договорились?

— Как вечеринку? В общежитии нельзя, — робко возразила Верочка.

— Так мы же не танцы будем открывать, чудачка. Полагается же посидеть по-человечески перед дорогой в своей компании. Ясно?

Как видно, Верочке не совсем было ясно, и она вопросительно взглянула на Лену Прилуцкую. Та спокойно сказала:

— Пожалуйста, приглашайте кого хотите, мне все равно.

— Я не собираюсь кого-то приглашать. Ну, к чему это? — досадливо сказала Верочка.

— Ладно тебе, почетная старушка, — отмахнулась Катя. — Я сама за тебя приглашу. Ленка записалась в монастырь, и ты туда метишь? Если хочешь знать,

Володька и без приглашения придет. Он у тебя и спрашивать не будет. Вот тоже скромницы мне нашлись. Противно.

— Хватит, слышали, — брезгливо сказала Лена. — Уже девятый час, а в колхозе, говорят, в четыре вставать придется. Ну и влипли же мы...

Верочка опять не могла понять, шутит она или говорит всерьез. Лена вообще казалась Верочке какой-то загадкой. Сколько у нее было знакомых ребят, а по-настоящему так ни с кем и не подружилась. Да и Катю не сразу поймешь, чего она хочет. Говорит одно, а думает другое. Странно, что судьба свела их, таких непохожих, вместе. Как в поезде дальнего следования. Никогда не угадаешь, с кем тебе придется ехать, да и не думаешь об этом. Но вот проходят первые часы пути, и в каждом купе образуется свой кружок людей. Они почти ничего не слышали о прошлом новых знакомых, но им уже кажется, что они давно знают друг друга. Потом кто-то прощается, выходит из вагона, и о нем забывают. А иногда и нет. Все зависит от расстояния и еще от чего-то, о чем Верочка слышала от других, но сама не испытала.

Ее все считали тихоней. Среднего роста, тоненькая, хрупкая на вид, она выглядела совсем девчонкой, хотя ей уже было восемнадцать лет. Просто удивительно, как родители отпустили ее в дальний путь. Возможно, они думали, что их Верочка после окончания школы ФЗО станет на льнокомбинате если не инженером, то хотя бы мастером и, значит, ей не придется работать физически. Она так и писала им: работаю на прядильной фабрике, управляю сложной машиной, нисколько не устаю... На самом деле она здорово уставала в первое время, потому что не хотела быть в числе отстающих. Опыт и сноровка пришли позже. И хотя ее имя не раз заносилось на Доску почета, Верочка по-прежнему оставалась все такой же — тихой, скупой на слова, неприметной среди других.

Пожалуй, одна Катя, в общем-то не лишенная наблюдательности, иногда с лукавой усмешкой говорила подругам: «Вы не смотрите, что она тихонькая. Это только видимость, я-то ее знаю. В тихом омуте черти водятся, слышали? Вот так и Верочка наша: молчит, а затронь ее за больное — и взорвется».

Как бы там ни было, Верочку нельзя было не любить. Ее чуткость и подчас неожиданное понимание таких вещей, о которых не принято говорить вслух, поражали не только простодушную и прямую Катю, но и скрытную, нередко нестерпимо высокомерную Лену Прилуцкую. Лена была всех старше и красивее, она даже в рабочем халате выглядела интеллигенткой, как отзывалась Катя, которая вместе с Верочкой втихомолку гордилась своей подругой, такой красивой и непонятной. Они приехали сюда, на льнокомбинат, в разных поездах, но за два года невидимые нити, казалось, прочно связали их. Надолго ли? Вот этого они не могли сказать. До сих пор у каждой были свои планы, а теперь, выходит, им снова выпала одна и та же дорога. Ну, что ж, посмотрим, как все это будет на новом месте... Откровенно говоря, никто из них не считал остановку в колхозе конечной...

Досыта набегавшись днем по разным делам, они к вечеру снова собрались в своей комнатухе — в последний раз, как они думали. Ни о какой вечеринке Катя больше не заговаривала. «Интересно, видела ли она Виктора?» — подумала Верочка. Катя прилегла на койку отдохнуть, и по ее утомленному, злому лицу Верочка решила, что если она и видела Виктора, то уж больше видеть его не захочет. Верочке всегда казалось, что Виктор слишком воображает и вообще между ним и Катей ничего серьезного нет. А вот Володю Верочке за эти дни так и не удалось встретить. Сегодня она нарочно прошла мимо дома, где он жил с сестрой, но дом оказался на замке. Днем в столовой его тоже не было. Может, будет в клубе? Ну, туда-то уж она ни за что не пойдет. Этого еще не хватало. Если уж ему все равно, что она уезжает, то ей и подавно. Непонятно только, куда он запропастился? Неужели опять загулял с друзьями? Ох, уж эти дружки! Надо ему уехать отсюда, пока снова не попал в беду...

Катя внезапно спустила ноги с кровати, неприязненно посмотрела на подруг и сказала:

— Тут Виктор должен прийти. Я ему вина велела принести. Вермуту. Вы не возражаете?

Лена подняла голову от письма, которое она писала второй день и все не могла кончить, и пожала плечами. А Верочка словно обрадовалась:

— Ну и пусть. На стол надо бы чего собрать.

— Собрать-то нечего, — усмехнулась Катя. — Стаканы достань, и ладно. Я пирожков с повидлой купила. А может, он и не придет. Я ведь в шутку ему сказала. Пойдем тогда в клуб. Ты, Ленка, свою поэму закончила?

Лена промолчала. Только перо быстро забегало по бумаге. Как видно, она спешила, боясь, что ей помешают дописать.

— Интересно все же, кому ты пишешь? И куда столько писать? Будто навек с кем-то прощаешься, — безжалостно продолжала Катя, не обращая внимания на умоляющие жесты Верочки. — По-моему, письма — это вообще пережиток. Уж если в глаза врут, так чего же от бумаги ждать? Сроду никому не писала и не буду.

— Не зарекайся, — упрекнула Верочка.

— Не буду, не буду, не буду, — упрямо и зло, словно мстя кому-то, повторила Катя. Она надела туфли, порывисто выпрямилась, достала с полки сверток с пирожками. — Давайте перекусим, они еще теплые. Ленка, ставь точку, ну их...

Лена, не оборачиваясь, надписывала конверт. Верочка сказала:

— Подожди минутку...

— Не понимаю, чего ты нервничаешь, — насмешливо сказала Лена, пряча письмо в чемодан. — Ну их... а сама только о них и думаешь. Если ты никого не ждешь, я ложусь спать.

— Ложись и мечтай, а мы пойдем гулять, — с вызовом ответила Катя. — Да, Вера, чего же это Володя не показывается? Ты его видела?

— Нет.

— Ну и дура. Погоди, а он, может, того... в пивной, может, пропадает? А ты даже и не поинтересовалась.

— Что я ему — нянька? — вдруг вспыхнула Верочка, сверкнув на Катю своими большими голубыми глазами.

— Ну, не нянька, а все-таки, — смутилась Катя. — Он же всегда к тебе хорошо относился.

— Мало ли что...

— Ну и дела, — от души рассмеялась Катя. — Поглядеть на нас со стороны — прямо трагикомедия. Невесты без женихов, и ехать завтра надо черт знает

куда, и ссоримся, как маленькие. Пойдем-ка лучше в клуб да тряхнем стариной напоследок. а?

— Меня уволь, — сухо сказала Лена.

— Я бы пошла, только... — нерешительно сказала Верочка.

В этот момент в дверь постучали, и тотчас в комнату вошел Виктор. Он уже не раз бывал здесь и чувствовал себя уверенно. Вообще с тех пор, как его взяли на ТЭЦ помогать монтировать оборудование, Виктор Червинский всюду чувствовал себя уверенно. В конце года ТЭЦ должна была войти в строй, и он не сомневался, что останется там работать. Чтобы подковать себя по теории, Виктор изучал электротехнику по учебникам дома. Верочка знала, что Виктор своего добьется, и невольно сравнивала его с Володей. Сравнение оказывалось явно не в пользу Володи. И все-таки Виктор Верочке не нравился. Чем — она и сама не могла бы объяснить. И Кате, по ее словам, он тоже не нравился, но Верочка не верила этому. Он был славный парень, Виктор, — вел себя культурно, вежливо, хорошо одевался, не пил. Лена, к примеру, хвалила его за манеры, но почему-то избегала с ним разговаривать.

— Добрый вечер, девчата. Катюша, можно снять пальто? А я думал, у вас — компания. Чего это все такие пасмурные?

— Откуда ты взял? — ворчливо ответила Катя. — Все не пасмурные. Собрались вот идти в клуб.

— В такую рань? Там же никого нет. Я принес, что ты заказывала.

— Ничего я не заказывала, — нахмурилась Катя.

— Я сам догадался, — обезоруживающе улыбнулся Виктор.

— Ну, это другое дело, — повеселела она.

Виктор достал из карманов две бутылки белого вермута. Верочка поставила на стол стаканы, Катя на газете разложила пирожки. По приглашению Виктора подседа к столу и Лена.

— Нет, девушки, как хотите, а я не понимаю, с чего вам вздумалось ехать в деревню? — говорил Виктор, чокнувшись и выпив со всеми. — По-моему, несерьезно это. Ну чем вам было плохо на комбинате?

— Не в том дело, что плохо, — не совсем уверенно стала возражать Катя. — Мы же комсомольцы и долж-

ны понимать, что в животноводстве требуются молодые, грамотные кадры...

— Послушал бы ты, как она выступала на пленуме, — смеясь, сказала Лена. — «Конечно, мы поедем, раз уж так получилось...» Выходит, она тут ни при чем, а уж так как-то вышло, что приходится ехать. Ну и смеялись же там...

— И вовсе никто не смеялся, зачем ты так? — негромко, неизвестно почему краснея, сказала Верочка. — Катя все правильно говорила, особенно насчет трудностей и доверия.

— Конечно, правильно, — самолюбиво подтвердила Катя. — Жалко, что заранее не подготовилась, а то бы аплодисментов еще больше было.

Верочке не нравился этот разговор. И Катя говорит не то, и Виктор, как видно, не понимает их. От вина Верочка покраснелась, это и смущало, и забавляло ее. Ей не хотелось сейчас говорить о том, что она не умела выразить словами. Это было в ее душе, торжественное и невыразимое, и она хотела сберечь его на будущее чистым и целостным, как оно зародилось еще там, на пленуме.

Но она не знала, как переменить разговор. Интересно, что сказал бы Володя, если б увидел ее опьяневшей? А ведь она и в самом деле опьянела, и ей хотелось, чтобы Володя сидел рядом, а не Виктор, который ничего не может понять и, наверное, жалеет их.

— Нет, как же вы решились? — посмеиваясь и явно не веря в серьезность их намерений, спрашивал Виктор. — Кто был зачинщиком?

Девушки переглянулись. Теперь им уже трудно припомнить, как это началось. Ну было комсомольское собрание, потом беседа в комитете, потом горячие споры в общекитии... И вдруг Катя, удивляясь собственной догадке, воскликнула:

— Точно! Сейчас я вспомнила: это Верочка первая сказала, что поедет. Верно, Верусь?

— Не знаю. Нет, нет, этого не может быть, — отпиралась Верочка. — Многие девчата так говорили.

— Нет, я точно помню, не отпирайся. Сперва ты, а потом та, с косами, из бельно-отделочной... Ну и мы тоже. Вместе учились, вместе жили — чего же нам разлучаться? Вот так и получилось.

Виктор прищурился, разливая вино в стаканы.

— Раз уж вам захотелось отличиться, почему бы не махнуть на целину или еще дальше? Это было бы дело, а то надумали... под коровами лазить.

Он постарался смягчить упрек своей обезоруживающей улыбкой, но Верочка тотчас возмутилась:

— Не всем же на целине быть. Под коровами лазить — тоже не просто. Нет уж, раз взялись, передумывать тут нечего.

— Молодец, Верочка! — похвалил Виктор, и она никак не могла понять, смеется он или говорит искренне. — Что ж, за дальнюю дорогу! — поднял Виктор стакан.

— Какая же она дальняя? — бодрясь, проговорила Катя. — До нашего колхоза всего двадцать километров.

— Жизнь не километрами меряется, — без прежней иронии сказала Лена, беря стакан двумя пальчиками и задумчиво рассматривая его.

Но выпить им не пришлось. В комнату без стука вошел Володя. Возможно, он и стучал, но они не слышали, чокаясь. Верочка испуганно поставила стакан на стол. Ей показалось, что Володя пьян и что он сейчас устроит скандал. Катя и Лена переглянулись. Их взгляды, казалось, сказали друг другу: ну вот и испорчен вечер, надо же... Верочка закусил губу. Виктор сказал с небрежным радушием:

— А, Булавин... Садись, выпьем за компанию.

— Не стоит, — качнулся Володя, оставаясь на прежнем месте, у дверей. — Извините, что помешал. Вера, мне бы надо с тобой поговорить.

— Да нет, почему же помешал? — вскочила Катя; ее тронуло это «извините», сказанное просто и искренне. Она подошла к Володе и взяла его за рукав. — Мы Верочку так не отпустим. Посидим пять минут и разойдемся. Мы тоже собираемся в клуб.

— Ладно, — недоверчиво сказал Володя и неуловимым движением плеч сбросил плащ, повесил его поверх пальто Виктора. Пригладил обеими ладонями небрежно причесанные, упрямо топорщившиеся волосы и уверенно шагнул к столу.

Катя посадила его между Леной и Верочкой. Лена с любопытством наблюдала за ним, Володя это заметил и почему-то слегка смутился.

— А собственно, по какому случаю выпивка? — спросил он, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Ты не знаешь? — удивился Виктор. — Девчата завтра уезжают в колхоз. Видал, что придумали?

— Слыхал, — как-то непонятно усмехнулся Володя и оглядел девушек повеселевшими, озорными глазами. — Это вы здорово придумали, чего уж там... И надолго?

Верочка, сидевшая до этого ни жива ни мертва, вдруг огрызнулась:

— На неделю!..

Все, кроме Верочки, расхохотались, и пуще всех Володя. Он смеялся легко, от души, обнажая мелкие крепкие зубы, откинув назад русоволосую голову и положив руку на спинку стула, на котором сидела Лена. Она тоже улыбалась, позабыв о всегдашней своей сдержанности.... Она была очень красивой, Лена, когда вот так, непринужденно и охотно, улыбалась удачной шутке и сама шутила без презрительности и затаенной злости. Правда, такие минуты случались редко, и сейчас Верочка положительно не узнавала подругу. «Да ведь мы все пьяные», — внезапно подумалось Верочке, и от этой мысли ей тоже стало легко и весело. Она была благодарна Володе за то, что он догадался прийти и ведет себя, ну, совсем прилично и скромно. Только было бы, пожалуй, лучше, если бы он больше не пил.

— Что же, и неделю там прожить — тоже наука, — ничуть не обидевшись и как будто приняв слова Верочки всерьез, сказал Володя. — Не люблю домоседов. В жизни все надо испытать...

«Ты-то уж испытал, небось», — хотела сказать Катя, но вовремя удержалась. А Верочка подумала: «Ну, конечно, тебе наплевать, что я уезжаю. Ну и пусть, так даже лучше».

— Испытания разные бывают, — многозначительно заметил Виктор, наливая в стакан Володи. — Некоторым нравятся испытания ради испытаний, а тут цель должна быть.

Володя неприязненно покосился на него. Он не был, как неделю назад спрашивал у Виктора, нет ли на ТЭЦ подходящей работенки, чтобы быть поближе к технике, а тот, явно важничая, ответил: «У нас же в основном специалисты требуются...»

— А некоторые присосутся к одному месту и думают, что нашли пуп земли, — сказал Володя и хотел еще кое-что добавить, но, не желая обидеть Катю, поднял стакан. — Ну, девочки, за вашу удачу!

Лена первой вслед за ним подняла свой стакан, и Володя поневоле должен был повернуться к ней. Их взгляды встретились.

— И за твою, — негромко сказала она, и Володя понял, что это было сказано не для всех, а ему одному.

— Что ж, согласен. И за мою тоже...

Они чокнулись. Верочка не могла отказаться и тоже выпила. Они поговорили еще немного, но Володя почти не участвовал в разговоре. Его странно стесняло соседство Лены, ее необычное возбуждение. Как ни старался он все время смотреть на других, его взгляд то и дело отмечал малейшие перемены на лице Лены. «Чего это она сегодня такая? — беспокойно думал Володя. — Смотрит, будто в первый раз меня увидела. Изучает, что ли? Вот уж не ожидал, что она из любопытных...»

Извинившись, он встал, вышел из-за стола. Ему долго пришлось стоять, шелестя плащом, у дверей, пока Верочка подняла глаза, но все еще робея подняться. Выручила обоих Катя. Она вдруг всплеснула руками, не без досады сказала:

— Да одевайся же скорей, Вера. Ну, что это такое, в самом деле? Идите в клуб, мы вас догоним.

Лена в это время стояла у окна, спиной ко всем, опустив голову. Ей в клуб идти было незачем...

— Дойдем вон до того угла, — сказала Верочка, застегивая легкое поношенное пальтецо до самой верхней пуговицы. Хотя снегу на улицах не было и Сухона почти очистилась ото льда, настоящая весна еще не пришла. Снег держался в оврагах, он белел среди деревьев в сосновом бору, знакомые очертания которого смутно угадывались на облачно-грязноватом вечернем небе. На Нижнем озере плавала огромная круглая глыба льда, дышавшая холодом. Зябко передернув плечами, Верочка вспоминала, как было чудесно на озере и в бору летом, и ей стало совсем грустно. Все-таки она здорово привыкла к поселку, он стал для нее почти

родным. Можно дойти до земляного мостика, разделявшего Нижнее и Верхнее озера, и оттуда будет виден кусочек пляжа и за ним — дорожка вверх, к бору, где множество уединенных уголков напомнили бы Верочке самые счастливые минуты в ее жизни. Володя, конечно, о них забыл — что ему?.. Он и в то время не очень-то восхищался такими прогулками. Его больше тянуло в клуб, в людскую толчею, там он чувствовал себя, как рыба в воде, особенно когда выпьет. Интересно, где он пропадал все эти дни? Ведь не мог же он не знать, что она уезжает. Знал, конечно: об этом ведь говорил весь комбинат, — да что ему за дело до нее? Вот и хорошо, и незачем было ему приходить сегодня, в последний день. Ну, правда, зачем она ему понадобилась? У нее и без того голова кружится, и на улице совсем холодно, и ей вовсе не хочется в клуб...

— Пожалуй, я дальше не пойду, — сказала Верочка, останавливаясь и все еще не глядя на Володю, потому что так ей было легче думать про него самое плохое. Она дивилась его молчанию, он никогда не отличался сдержанностью, а тут молчит и молчит, только беспрерывно курит, и зачем-то распахнул плащ, словно ему жарко. Они стояли на углу, у самого спуска к мостику, к которому притулилась плавающая льдина, но Верочка все еще не решалась оглянуться туда, на пляж и на дорожку к бору. Она чувствовала, как у нее мерзнут руки в карманах и по-прежнему кружится голова: стоит на секунду закрыть глаза — и она бы, наверно, упала.

— Слушай, что это была за женщина... ну та, с которой вы разговаривали там, на пленуме? Такая черноволосая, в сапогах? — спросил Володя стеснительно, даже робко, что было вовсе не в его привычках.

— На пленуме? Кто тебе рассказал?

— Понимаешь, я там был и все видел. Случайно вышло, ей-богу... Она подошла к вам в коридоре, когда все кончилось. Она не из колхоза?

— Ну да, из колхоза, — сказала Верочка, — Марта Ивановна, зоотехник. Специально приехала, чтобы познакомиться. Но как же ты-то там оказался? Это, наверно, тебе Катя рассказала?

— Да нет, причем тут Катя? — поморщился Володя. — Говорю тебе, что был там и все слышал... — Он

глубоко затянулся дымом и швырнул окурок под ноги. — В общем, я тоже еду с вами, поняла? Все утрясено, я уже и расчет получил. А чего я тут буду делать? На топливном складе и без меня обойдутся, а там, говорят, руки нужны. Я же и механиком могу, в колонии в механической мастерской довелось поработать. Пристрастился к этому делу, а здесь меня на склад определили...

Верочка не верила ни одному его слову.

— А, да ну тебя! — злась не столько на нее, сколько на себя за то, что не смог всего толком объяснить, махнул рукой Володя. — Не веришь, что ли? Ладно, завтра увидишь. Я не хотел при всех говорить, ну их... Еще испугаются. А мне наплевать. Я-то знаю про себя, что делаю.

— Ну да, ты-то, конечно, знаешь, — с внезапной злостью сказала Верочка. — Ты всегда все знаешь... Только почему же раньше мне ничего не говорил? То же было наплевать?

— Ну как ты не поймешь? — досадливо сказал Володя. — Я же не знал, что у меня получится... думал, откажут. Но в райкоме мне поверили. Этот Поповкин оказался толковым парнем, наверно, начитался в газетах про таких, как я. Да если бы не разрешили, я все равно бы поехал. Надцело мне тут, я же не слепой, вижу, что некоторые на меня косо посматривают. Мне, конечно, наплевать на таких, не в них дело, понимаешь? Чего же обижаешься?

— Я не обижаюсь, зачем? Только... — Верочка загнулась, не решаясь поднять на него глаза.

— Ага. Ясно, — сухо сказал он. — Боишься, что твои подружки стесняться меня будут? А я и не спрашиваюсь в вашу компанию. Один дорогу найду.

Володя качнулся, доставая из кармана папиросу, и Верочке показалось, что он уходит. У нее не хватило бы смелости остановить его, но Володя лишь повернулся боком, прикуривая. Верочка в этот момент совершенно не знала, что сказать, только руки вынула из карманов и сжала их в кулачки, дрожа уже не от холода, а от охватившего ее волнения.

— С ними в клуб пойдешь? Тогда валяй, а то опоздаешь, — спокойно и, как показалось Верочке, насмешливо проговорил Володя.

— Нет, я домой, — торопливо и растерянно ответила она. — А ты?

— Найду, где время провести...

— Зачем же ты меня позвал? Ну и иди, веселись со своими приятелями. Интересно, как же ты без них в колхозе будешь? Там ведь и пивной нет. Сюда будешь бегать?

Нет, нет, она не это хотела сказать. Она не хотела его оскорбить. Вовсе он не хулиган и не пьяница, и не все его дружки плохие. И все-таки, сказав про дружков и пивную, Верочка чувствовала в душе, что и в самом деле сомневается в хороших побуждениях Володи. Ну зачем он так вдруг решил поехать в колхоз? Что скажут Лена и Катя? Ведь ясно же, что Володя не выдержит там и недели. А позор падет на их голову. Нет, на нее одну. Лена первая упрекнет Верочку, что это она сагитировала своего «милого». Как это все глупо получается. Никогда она не предполагала, что Володя способен на такое. И ради чего? Просто очередная блажь, вот и все. Уж лучше бы он ничего не говорил сегодня. Взял бы и приехал в колхоз один, позже, а не с ними...

Ей было стыдно и больно так думать про него, но она ничего не могла с собой поделать. Слишком все это выглядело несерьезным. И уж совсем нелепым это покажется Лене и Кате. Однако сказать об этом вслух Верочка не решилась. И без того она, кажется, сказала лишнее. Что теперь сделает Володя? Ударит ее, оскорбит грязным словом или презрительно усмехнется и уйдет?

Она отвернулась и со страхом ждала, что будет.

— Значит, не веришь? — холодно сказал Володя после тягостной для обоих паузы. — Думал, поймешь, а ты — про пивную. Вы, значит, полноценные люди, а я, по-вашему, так себе, вроде ушибленного. Боитесь, что подведу? А я и не нуждаюсь в вашем мнении, как-нибудь без вас обойдусь. Понятно?

Верочка покраснела, поняв, что он угадал ее мысли, и промолчала. Он выждал некоторое время и вдруг устало и безразлично проговорил:

— Прощай, мне тут надо в одно место зайти...

Она встрепелась, хотела спросить: «Постой, как же так?» — но он уже шагнул прочь от нее.

«Девчонка! — жуя твердыми губами мундштук папиросы, думал Володя. — Ей начистоту, а она заладила одно и то же... Погодите, я вам докажу. Нет, не стоит. Все равно не поймут, скажут: рисуется. А может, Ленка поняла бы? — Он даже остановился, пораженный этой мыслью. — Наверяд ли. А уж для меня она и вовсе непонятная. Нет у меня к ней ничего...»

III

МАРТА Ивановна Репина, познакомившись на племнуме с девушками-добровольцами, загорелась мыслью взять их под свое особое покровительство. Девчата показались ей очень уж молоденькими и несмышлеными — ну будто со школьной скамьи. Не верилось, что они уже работницы со стажем и кое-что испытали на своем коротком веку. Марта Ивановна увидела в них свою далекую молодость, когда она так нуждалась в добрых советах и наставниках, но была лишена их. Что ж, видно, тогда было другое время... Ее даже обрадовало, что родители девушек живут далеко: по крайней мере, вмешиваться не станут. Отныне только она, Марта Ивановна, будет их другом и защитником. Да, это ее долг. Души и сердца у нее хватит с избытком — в этом Марта Ивановна не сомневалась. Вот и кончилось ее одиночество.

Накануне приезда девушек между Мартой Ивановной и председателем колхоза произошел следующий разговор:

— Я думаю направить их на вторую ферму подменными доярками. Пусть сначала осваиваются, учатся, а потом посмотрим, кого куда определить. Ферма рядом, приглядывать за ними легче.

— Что ж, на вторую, так на вторую, — охотно согласился Логинов. — Кстати, Павла Замараева давно просит замену. Ну, а остальных двух куда?

Марта Ивановна на минуту задумалась.

— Не хотелось бы мне их разлучать. Сам понимаешь — подружки, на одной фабрике работали. Есть у меня одна думка, только не знаю, выйдет ли что...

— Да уж договаривай, — улыбнулся Логинов, догадываясь, что у Марты Ивановны все уже обдумано заранее.

— Не торопи, выслушай, — неожиданно строго сказала она. — Дело серьезное, а ты — лишь бы с рук поскорей.... Тетя Паща замену просит — знаю, говорила с ней. Ляпунову и Скобликову переведем на третью ферму, им и ходить туда ближе, а Аню Шустикову оставим здесь — она же ровесница новеньким. Вот и будет у нас комсомольская ферма. Понял?

Логинов отнесся к этим планам без особого энтузиазма.

— Не рано ли? Они не имеют никакого опыта, могут завалить дело, и виноваты будут не они, а мы с тобой.

— Не беспокойся, уж я постараюсь, чтобы не завалили. Да и не сейчас это будет, а попозже, когда девчата подучатся. Для того и посылаем их к опытным дояркам.

— Только не надо спешить, Марта. А кроме того, согласятся ли отдать своих коров в чужие руки Ляпунова и Скобликова? Принуждать их к этому мы не можем.

— Я им дам группу не хуже. И вообще все это я беру на себя, — твердо заявила Марта Ивановна.

Логинов внимательно посмотрел на нее, усмехнулся — так, как только он умел это делать: полунасмешливо, полуодобрительно.

— А ты, видать, здорово надеешься на этих девчат, — сказал он. — Смотри, не осрамись. Это у них сейчас задору много, а вот настанут будни-трудни — другое запоют. Такую могут канитель развести, что не рада будешь.

— Что же, по-твоему, на них рукой махнуть, предоставить самим себе?.. Хорош председатель, нечего сказать! К нему добровольцы, они искренне хотят внести лепту в общее дело, а он заранее поет зауспокойную. Тогда уж прямо скажи им завтра, что, дескать, пока не поздно, возвращайтесь назад, плюньте на свои комсомольские путевки, ничего у вас хорошего не получится...

— Ну-ну, дальше, — словно любясь ее благородным возмущением, весело сказал Логинов.

— А ну тебя, — обиженно отвернулась она, теребя концы красивой с синей каймой косынки, недавно присланной одной старой подругой из Ленинграда.

А он и вправду любовался ею — обиженной и обезоруженной его иронией. Впрочем Логинов знал, чем все это кончится... Вот и сейчас Марта Ивановна медленно, как бы давая ему возможность извиниться, повернулась в его сторону, на смуглом, чуть зарумянившемся лице — немое ожидание и затем улыбка, еще робкая и уже неуловимо кокетливая, от которой у Логинова всякий раз теплело на душе.

В такие минуты он всегда вспоминал жену, такую же добрую и преданную, и с особой остротой чувствовал и понимал, как плохо быть одному в такие годы, как у Марты. Но он ничем не мог ей ответить, кроме бескорыстной дружбы.

— Нет, серьезно, Сергей, как ты думаешь насчет девушек? Я, и верно, очень на них надеюсь.

— И я тоже. Я только говорю, что пока это задача с тремя неизвестными. Постараемся ее решить правильно, вот и все. С их помощью, конечно. Вообще-то они молодцы, раз решились поехать сюда, но, имей в виду, это еще не самое трудное. Я ведь не забыл, как чувствовал себя в первые дни в деревне, да и ты, кажется, не раз раскаивалась...

— Напротив, я рада была работать здесь...

— Ладно... Послушай, а где мы их разместим, твоих девочек?

— Хотела у себя устроить, но хозяйка категорически против, — каким-то потухшим голосом ответила Марта Ивановна. — Договорилась с тетей Пашей, у нее половина дома пустует. Надо их продуктами обеспечить, подъемные сразу выдать, словом — принять как следует. Говорят, первое впечатление самое сильное...

— Да, да, — мягко произнес Логинов, и она поняла, что он хочет извиниться перед ней за напоминание о прошлом. — Не беспокойся, я все сделаю, что могу.

Катя, Лена и Верочка вовсе не ждали, что их встретят речами и музыкой. Все это было уже позади, теперь начинались те самые рабочие будни, к которым они привыкли на льнокомбинате. Но какие будни их ждут в колхозе — об этом подруги имели приблизительное представление. Ну рано придется вставать,

три раза в день доить коров, убирать навоз, а еще что? Гадать об этом не стоило: на месте все выяснится. Главное — держаться независимо и бодро, и тогда все «образуется». Комсомольские путевки ко многому обязывают...

Однако на душе у каждой скребли кошки: как-то все это будет?

В дороге — сначала на автомашине, потом от тракта до колхозной конторы пешком — девушки почти не разговаривали друг с другом, и уже это одно подчеркивало серьезность и неотвратимость того, что они предприняли. Лена Прилуцкая весь путь сохраняла на своем вызывающе красивом лице то иронически-безразличное выражение, которое с недавних пор как бы прилипло к ней и которое всегда раздражало Катю, а Верочку почему-то смущало и вызывало необъяснимую жалость к подруге. Катя выглядела решительной и строгой, словно заранее готовилась кому-то дать отпор. А Верочка потерянно плелась позади всех, часто оглядывалась и -со страхом думала о предстоящей встрече с Володей. Неужели он все-таки явится? А может, уже явился и, посмеиваясь, ждет их? Можно себе представить изумление и возмущение Кати и Лены! Надо было бы предупредить их сразу, так нет — решимости не хватило. Да и не хотелось им портить настроение. К тому же все это может оказаться шуткой — Володя мастак на такие выходки. Будь что будет. Если говорить откровенно, Володе и в самом деле незачем оставаться в поселке. Только хватит ли у него воли порвать со всем тем, к чему он привык? Ох, плохие это привычки... Пусть они поссорились, но Верочка желает ему добра. Вовсе он не такой плохой, что бы там ни говорили о нем. Вполне возможно, что Володя решил съездить ради нее. Трудно в это поверить, но все-таки...

Занятая такими мыслями, Верочка молчала упорнее всех, избегала встречаться взглядом с подругами и казалась подавленной. Катя несколько раз подозрительно посматривала на нее, однако расспрашивать ни о чем не стала: ей самой было не очень весело, хотя она и храбрилась, как могла.

Марта Ивановна не знала, в какой час приедут девушки, поэтому с утра сидела в конторе, а когда явился Логинов, она и его не отпустила в третью бригаду,

куда он собрался было идти. Посмеиваясь над ней, Логинов занялся просмотром ведомостей на выдачу колхозникам аванса, а Марта Ивановна, принаряженная и сердитая от волнения, раз пять выходила на крыльцо и посылала ребятишек на дорогу посмотреть — не идут ли. И все-таки прозевала. Встретить девушек довелось чуть ли не на пороге конторы. Они оставили на крыльце свои пожитки и, войдя, вразной поздоровались.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои, — засуетилась Марта Ивановна, подавая им стулья. — Ну, как же вы добрались? Вижу, устали, на улице же грязь какая — ноги выворачивает. Садитесь, садитесь, сейчас я вас с председателем познакомлю, а потом на квартиру сведу. Сергей Емельянович!

Но Логинов уже вышел из своего кабинета и с радужной улыбкой протягивал руку сидевшей поближе Кате, затем остальным. Рука у него была большая, жесткая и, видимо, очень сильная, потому что уж очень бережно, даже опасливо пожал он Верочкину ладошку, хотя вполне мог бы и крепче.

Познакомившись, Логинов взял от стенки свободный стул, поставил посредине комнаты и, оседлав его, щуря в улыбке серые, с лукавинкой, глаза, заговорил:

— Значит, к нам? Полагаю, насовсем? Очень хорошо. Не скажу, что у нас будет легче, чем было на льнокомбинате — я бывал там, имею представление — да ведь любое дело при желании можно освоить. К примеру, кому из вас приходилось раньше коров доить?

Девчата смущенно переглянулись.

— Что ж, и это не страшно, — беспечно сказал Логинов. — По крайней мере, переучивать не придется. Верно, Марта Ивановна?

При посторонних он всегда называл ее по имени и отчеству.

— Не велика наука. Научим, — бодро ответила Марта Ивановна и тепло улыбнулась девушкам.

— Между прочим, это вы на пленуме выступали? — внезапно обратился Логинов к Кате.

— Я, — не успев даже удивиться, сказала Катя. — Как вы угадали? Это вам Марта Ивановна передала, да?

Марта Ивановна отрицательно покачала головой.

— Нет, фамилии она не называла, а как угадал — секрет. — Логинов озорно, как-то по-домашнему подмигнул Марте Ивановне. — Ну что ж, девушки, будем считать, что мы познакомились. Не знаю, как для вас, а для меня это приятное знакомство. Если нет вопросов, не буду вас задерживать. Идите, устраивайтесь с жильем, так сказать, приглядывайтесь. Вот ваш первый друг и начальник, — он кивнул на Марту Ивановну, — но, прошу, и меня не забывайте. Может, и пригожусь при случае, как знать.

Он легко поднялся, отставил стул, протянул руку Кате. Девушки чинно распрощались с ним и гуськом вышли из конторы. Марта Ивановна, подхватив на крыльце чей-то чемодан, повела девчат на квартиру.

— Ну как наш председатель, понравился? — спросила она.

— Очень, — не задумываясь, ответила Катя. — Только, по-моему, он очень хитрый.

— Да? Вот не думала, — рассмеялась Марта Ивановна.

— Не хитрый, а умный, — робко поправила Верочка. Она опять шла позади всех и мучительно размышляла над тем, почему в колхозе не оказалось Володи. Если б он пришел раньше их, Марта Ивановна, конечно, сразу сообщила бы об этом.

— Я же и говорю — умный, — с полной убежденностью подтвердила Катя. — Но как он мог угадать, что выступала я, а, допустим, не Лена?

— Ты же у нас прирожденный оратор, по лицу видно, — отозвалась Лена.

— Ну это ерунда, у тебя, к примеру, на лбу не написано, что ты стихи сочиняешь, — отпарировала Катя. — Нет, Марта Ивановна, это вы про меня ему сказали.

— Не говорила, Катюша, — серьезно возразила Марта Ивановна. — Просто не пришло в голову. Конечно, он случайно угадал.

— Нет, он очень, очень мне понравился, — с чувством, словно желая убедить в этом не только себя, но и других, повторила Катя. — А тебе, Лена?

— По-моему, обыкновенный председатель, ничего особенного я не заметила, — пожала плечами Лена. Ей было даже немного стыдно перед Мартой Ивановной за

наивную восторженность подруги. Подумать только, в первый раз увидела человека и уже восхищается им, хотя причин для этого не было никаких.

Однако ответ Лены лишь подстегнул Катю.

— А ты знаешь, что это такое — обыкновенный? — напустилась она на подругу. — Это ни рыба ни мясо, ну все равно, как наш мастер Коренков. Спросишь — ответит, а так ходит, бубнит себе под нос, никакого тебе вдохновения. Конечно, Сергея Емельяновича я еще не знаю, а только думаю, что он не из таких.

— Полноте, девушки, — вмешалась Марта Ивановна, с интересом прислушивавшаяся к их неожиданной перебранке. — Спорить-то пока не о чем, вот узнаете Логинова поближе, тогда и составите о нем свое мнение.

— Но вы-то давно его знаете — какой он? — допытывалась Катя.

— Какой? — Марта Ивановна непонятно улыбнулась, ответила не сразу, будто припоминая что-то. — Логинов хороший человек, но есть у нас и такие, которые его не любят.

— Это за что же?

— Мало ли за что... Колхоз большой, людей много, на каждого не угодишь.

— И правильно, — авторитетно сказала Катя. — Ежели каждому кланяться — толку не будет. Он что, тридцатитысячник?

— Не совсем, — замялась Марта Ивановна. — Он давно здесь, еще с 1954 года. Тогда колхоз был совсем маленький, всего пять-шесть деревень.

— А теперь?

— Теперь один из самых крупных в районе. Год назад к нему еще два колхоза присоединились.

— И его председателем оставили?

— Как видишь.

— Ну вот, я же говорила — он очень умный, — торжествующе сказала Катя. — Обыкновенного бы не оставили.

Лену коробила ее словоохотливость. Хорошо еще, что на улице было безлюдно и, кроме ребятишек, никто не слышал Катиной болтовни. Детвора неотступно следовала за девушками, но ее, по-видимому, интересовал не разговор, а сам вид новоприбывших «практиканток» и цель, ради которой они приехали. А может

быть, это шефы, концерт ставить будут? Или лекцию читать? В прошлый раз приезжали шефы с механического завода, так те и навоз вывозили, и лекцию читали, и концерт ставили. Не прозевать бы...

— Марта Ивановна, — снова заговорила Катя, — а где мы работать будем? Нам главное, чтобы вместе.

— Постараемся, чтобы вместе, — успокоила Марта Ивановна. — Ну вот мы и пришли. Тетя Паша, принимай гостей...

IV

НЕПРЕДВИДЕННАЯ размолвка с Верочкой смутила Володю, и это было хуже, чем если бы он мог разозлиться на нее и махнуть на все рукой. Сколько он ни убеждал себя в своей правоте, злости не появлялось. Ничего подобного Володя до сих пор не испытывал. Обвинять во всем Верочку у него не хватало духу.

«Амбиция чертова подвела, — досадливо морщась, думал он, не переставая, однако, удивляться собственным покаянным мыслям. — Она же про пивную так, без сердца сказала, и нечего мне было свой характер выставлять. Только обидно, ежели она не поняла, что я из-за нее в колхоз решил ехать. Да она и вообще-то не поверила, что я собираюсь ехать с ними. Ладно, назло ей завтра махну в колхоз, а там видно будет...»

Он не слишком выбирал дорогу и, то и дело попадая в лужу, истово чертыхался, с трудом выбирался на сухое. Поселок еще не спал, и видны были яркие огни в окнах клуба, но Володя, надвинув на глаза кепку, решительно повернул к дому...

Он явился в колхоз к вечеру налегке — даже чемодана не взял. Но деньги у него были. Не так уж много, однако на первое время должно было хватить. По старой привычке Володя считал, что с деньгами нигде не пропадешь, даже в деревне. На нем были плащ и вельветовая куртка, на ногах — неизносимые резиновые сапоги. Вид у Володи решительный, брови сурово сдвинуты — и все это только потому, что он так и не решил для себя вопроса: ради чего, собственно, он претя в колхоз? Рассуждения о высоких материях, о долге и сознательности выглядели в его положении смешными, с Верочкой тоже было не ясно, а повернуть назад мешало самолюбие. «Видать, не дорос я до идейности, —

издевался Володя над собой. — Вот Верочке хорошо, у нее, хоть и выдуманная, цель имеется, а я и сам не знаю, чего хочу. Ну и нечего голову попусту морочить, поживем — увидим...»

Однако сознание бесцельности своего поступка угнетало его. Он понимал, что на самолюбии далеко не уедешь, но ничего другого взамен в своей душе не мог найти. Поэтому-то и маскировал собственную растерянность решительными движениями и хмуро сдвинутыми бровями.

«Девчата, конечно, уже определились, а мне не к спеху, — размышлял он, демонстративно разбрызгивая сапогами жидкую весеннюю грязь. — Интересно все-таки, какую работенку мне всучат? И сколько будут платить? Как бы последний плащ тут не оставить...»

Неизвестность беспокоила его. Зря он не поехал вместе с девчатами, ведь видел утром, как они садились в машину и прощались с провожающими. Допустим, Володю провожать было некому, он даже и сестре сказал, что уезжает ненадолго, но все же глупо получилось, что он отстал от девчат и теперь не знает, кто и как должен его встретить, где устроиться с ночевкой. Положим, контору колхоза он найдет, а если там никого уже нет?

«Эх, ты, кустарь-одиночка! — иронизировал он над собой. — И на черта тебе было ввязываться в эту канитель?»

Это было последнее, что Володя успел подумать, поднимаясь на крыльцо. Он нашел контору по вывеске, считая ниже своего достоинства расспрашивать встречающих о ее местонахождении.

Здесь проходило какое-то совещание. Вернее, оно уже закончилось, но люди еще не успели разойтись. Как это всегда бывает, самые срочные вопросы решались именно после официального заседания, так что Логинов, окруженный разноголосой толпой, не мог заметить вошедшего. Володя скромненько присел на заднюю скамейку и, закулив, с любопытством приглядывался к суетившимся вокруг людям, не вникая в смысл их беглого разговора.

В Логинове он сразу признал председателя, потому что тот все еще оставался за столом, за которым, по видимому, сидел во время заседания.

Председатель показался Володе человеком серьезным и простым. На нем была темная тужурка, подбитая мехом, со множеством карманов и цигейковым воротником («Не иначе, в авиации служил», — с уважением подумал Володя), темные бриджи и резиновые сапоги. Лицо обветренное, волевое, чуть тронутое следами не то перенесенной когда-то оспы, не то испещренное въедливой металлической пылью. Голос неторопливый, четкий, басовитый, жесты скупые. Хотя к нему обращалось сразу несколько человек, Логинов, как ни странно, говорил мало. Выслушает одного, второго, усмехнется, поведет правым плечом и в двух-трех словах объяснит, что надо делать.

В конторе остались молодой парень в военной фуражке и белоусый старик в полушубке, усиленно дымивший махоркой. Как видно, они жили в этой же деревне и никак не торопились. К тому же старик пришел позже Володи — скорей всего, просто так, на шум человеческих голосов. Парень, кончивший разговор с председателем, сперва заметил старика и подмигнул ему, на Володю же посмотрел удивленно, настороженно.

Логинов спокойно спросил:

— Вы откуда, товарищ?

Володя неспешно поднялся со скамейки, полез в карман за документами.

— Ах, вон в чем дело! — усмехнулся Логинов. — А я уж подумал: не уполномоченный ли к нам из райкома...

— Ну какой из меня уполномоченный, — смутился Володя. — На работу вот... если примете.

Парень в фуражке, не скрывая любопытства, в упор прищурился на Володю, белоусый старик, не донесши сигарку до рта, простодушно спросил:

— Да ты кто такой будешь, молодой человек? Али в другом месте выгнали?

Володя невольно покраснел, ответить за него поспешил Логинов.

— Рабочий он, Никифор Савельич. Добровольцем по комсомольской путевке приехал. По-твоему, что же, к нам только неприкаянные едут?

— Да я за эти годы что-то никаких не видел. А нам бы и неприкаянные, и всякие пригодились.

— Ну это ты ерунду говоришь, — нахмурился Логинов. — К нам лучшие, самые сознательные едут, путевку не всякому дадут. Тем более в наш колхоз... Видал, какие утром красавицы прибыли? Понимать обстановку надо, дядя Никифор.

— Про красавиц я слышал, ходил смотреть, да Марта Ивановна не допустила. Может, она так и будет их держать взаперти, как невест на выданье, так от этого интересу мало, — разочарованно проговорил старик.

— Не торопись, увидишь, — успокоил его Логинов. — А вы, товарищ Булавин, этих девушек разве не знаете? Они ведь от вас, с льнокомбината.

— Знаком, — не совсем уверенно сказал Володя.

— Я так и подумал, — словно не заметив его замечательства, кивнул Логинов; он с интересом наблюдал за этим высоким, худощавым парнем и пытался угадать его настроение в эту минуту.

«Кажется, ершистый, кое-что повидал в жизни, ну, а о настроении сейчас трудно судить — он, пожалуй, и сам не знает, приятно ему или неприятно, что оказался здесь», — решил Логинов.

— Работу мы вам подберем. Кстати, что вы умеете?

— Все понемногу, — улыбнулся Володя. — Был и слесарем, и грузчиком, на лебедке работал, на сплаве...

— Ясно. Алексей, — обратился Логинов к парню в фуражке (тот по-военному вытянулся перед председателем в струнку), — устрой товарища с жильем, а завтра договоримся конкретно, как и что. Думаю, что подходящее дело найдется на твоём участке.

— Так точно, Сергей Емельянович. Мне мужчины необходимо нужны, — с явно преувеличенной серьезностью ответил тот.

— Познакомьтесь, — сказал Логинов Володе. — Это наш учетчик-нарядчик Алексей Осипов.

Они церемонно пожали друг другу руки.

— Тогда до завтра. Извините, спешу в сельсовет, там заседание сельскохозяйственной комиссии.

V

ВОЛОДЮ несколько ободрило, что председатель обошелся с ним как с равным и что все кончилось быстро, без лишних слов. Из конторы они вышли вмес-

те с Осиповым, и только теперь Володя как следует рассмотрел своего «начальника», как он мысленно стал именовать учетчика-нарядчика.

Не требовалось особой проницательности, чтобы догадаться, что Осипов лишь прошлой осенью вернулся из армии. По всему видать, он гордился своей фуражкой с зеленым околышем, и Володя готов был поручиться, что Осипов носил ее всю зиму. Все на Осипове выглядело ладно пригнанным — китель, брюки с кантом, хромовые сапоги гармошкой, даже телогрейка, небрежно распахнутая на обе стороны. Лицо чистое, румяное, еще по-юношески пухлосщечное — наверно, поэтому-то Осипов часто без нужды крепко сжимал губы, задумывался, многозначительно усмехался, вообще старался выглядеть серьезным и деловым человеком.

Володе он понравился сразу. Как видно, то же чувство симпатии возникло и у Осипова, потому что на улице, для приличия подумав и поморщив лоб, он решительно произнес:

— О квартире не беспокойся: будешь жить у меня.

— Спасибо. Только скажи прямо: здорово я тебя стесню? — спросил Володя, ничуть не смутившись обращением на ты. — Это чтобы я знал, что можно и что нельзя...

— Ни хрена ты его не стеснишь, у него одна старуха-мать обитается, — весело сказал Никифор сзади. — У него можно...

Что «можно» — Володя не понял и не стал допытываться. Хоть старик давеча и отозвался о нем нелестно, даже заставил покраснеть, Володе он теперь тоже понравился. Осипов внезапно остановился, строго спросил:

— Ты чего увязался за нами, дед? Ну?

— Да как же, Леша... человек новый, парень боевой и к тому же твой квартирант... не грешно бы...

— Ну, а ты тут причем?

— Я, Леша, всегда причем, без меня же вам все равно не обойтись, — прямо глядя светлыми, отнюдь не старческими глазами в лицо Осипову, сказал Никифор.

Осипов воровато оглянулся, быстро достал из нагрудного кармана смятую двадцатипятирублевку, ловко сунул ее в подставленную ладонь Никифора. Тот с живостью кивнул:

— Я мигом...

Володя понял и не хотел при первом знакомстве прослыть «некомпанейским» парнем. Он не менее ловко проделал то же самое, что и Осипов. Обрадованный Никифор тут же скрылся в каком-то переулке.

— Это ты зря, — сказал Осипов. — Обошлись бы.

— Ладно, не будем считаться, — беспечно ответил Володя.

Было уже сумеречно. Чуть примораживало. Размытая и перемешанная днем ногами и колесами грязь покрывалась тонкой корочкой, мягко хрустевшей под сапогами. А в то же время кое-где с нагретых тесовых крыш продолжала тихо падать капель.

Они шли долго — и все по одной, главной, улице, так что Володя невольно окрестил ее Советским проспектом. Он заметил несколько новых домов, это его удивило и обрадовало. «А говорили, что из деревни бегут... Верно, у нас на комбинате много деревенских, но это же все давнишние. Настоящий хлебороб, я думаю, не побежит, он сердцем к земле прирос. На нем все и держится, а мы так... сбоку-припеку, под ногами зря будем мешаться...»

Он усмехнулся, поймав себя на том, что повторяет где-то слышанные слова и все еще считает льнокомбинат своим. Но Володя и не мог рассуждать иначе. Деревню он знал плохо и чувствовал себя здесь чужим. Быть может, позже... но думать об этом сейчас было бесполезно.

Дом Осиповых оказался старым, даже немного покосившимся. У крыльца не хватало одной ступеньки. Осипов не предупредил об этом своего спутника, и Володя, оступившись, едва не разбил себе нос. Осипов смущенно крикнул и, погромев дверным кольцом, вошел в сени. Огня в избе не было. Володя стукнулся головой о полати и машинально растопырил руки, чтобы не наткнуться еще на что-либо, но Осипов уже включил свет. Вся деревня получала электроэнергию с ТЭЦ льнокомбината.

— Раздевайся, будь, как дома, — бодро предложил Осипов и, словно с мороза, смачно потер ладонью о ладонь. — Мамаша, ты спишь?

— Сейчас слезу, — донесся с печки негромкий женский голос.

— Она у меня прихварывает, на печке больше лежит, — объяснил Осипов. — А вообще старуха еще бодрая, износу не будет. Остались у тебя огурчики, мать? Сейчас дед Никифор явится.

— Носит его нелегкая, — пробормотала женщина, шаркая старыми валенками по некрашенному полу. — Связался со старым хрычом, будто других товарищей нет...

На ней была теплая кофта, чистый передник, на голове — простой серый платок, из-под которого выбивались прямые посеребренные прядки волос. Лицо суровое, с глубокими морщинами, внушившими Володе невольное уважение. Однако Володя сразу же заметил, что сына мать побаивается, а может, и жалеет, как единственного кормильца в семье.

— Я, мать, квартиранта привел, из городских. У меня будет работать. Поужинать собери... Чудно, ей-богу, — рассмеялся он, обращаясь к Володе, — то из деревни бежали, а теперь в деревню едут. Ты-то, небось, тоже из бывших деревенских, а?

— Отец и мать крестьяне были, но я этого дела не помню, — сказал Володя. — А тебе что, не нравится, что мы приехали?

— Мне? Что ты! Это ваше личное дело, я так считаю. И ежели я, допустим, завтра махну в город — это тоже мое личное дело, верно?

— Не знаю. По-моему, не совсем личное...

— Но ты же сам захотел поехать?

— Понятно, никто мне не приказывал.

— Ну и мне никто не может приказать.

— Ты это всерьез? — удивился Володя.

— Да нет, шучу, конечно... Где это Никифор запропал? Ладно, подождем. Он из-под земли выроет, а пустой не придет.

— Ох, добегаются он до греха, свернет себе шею, — осуждающе вставила хозяйка.

— Ты, мать, в наши дела не вмешивайся, — сухо предупредил ее Алексей.

Однако Володя испытывал странную неловкость перед хозяйкой и, пожалуй, был бы рад, если бы дед Никифор пришел «пустой».

Никифор Савельич не заставил себя долго ждать. Он явился возбужденно-веселый, раскрасневшийся, со

сбитой на затылок шапкой, суетливый и разговорчивый. Лихо сбросив с плеч полушубок, он с торжествующим видом стукнул двумя бутылками о стол и только тогда повернулся к хозяйке:

— Здорово, Татьяна. Все ворчишь? А ты плюнь, не бабье это занятие — на мужчин жаловаться. В старину за всякие поперечные слова попадало вашему брату, помнишь?

— Старину не приплетай, старик, она тут ни к чему. Они молодые, ну, а ты-то когда угомонишься, непутевый? Какой ты им товарищ, скажи на милость?

— Я всем товарищ — молодым и старым, молодым-то еще полезнее, потому как я жизнь прожил и многому научить их могу. Да и начальству я человек нужный. Логинов, к примеру, то и дело со мной советуется. И на работу я спорый, вот только теперь малость хворь одолела, а то бы я... А и невесело же болеть, братцы. Я на эти самые лекарства все свои сбережения потратил, ей-богу.

— Чем же ты лечишься, Савельич? Стрептомицином или, может, из Москвы что выписываешь? — с напускной серьезностью осведомился Алексей.

— Вон он чем лечится, вся деревня знает, — зло сказала хозяйка, ткнув пальцем на бутылки.

— Ты сроду такая, Танька, хоть и били тебя, и уму-разуму учили достаточно. Брякаешь невесть что, а посторонний человек за правду может принять.

— Правда и есть. Ползими на печке валялся да на водку у своей Палаши клянчил — вот и вся твоя хворь.

— Вот же чесотка, не дай бог, — рассмеялся Никифор. — В самую маковку угораздила, да только все равно мимо. Я ежели и выпью, так на свои трудовые, вон Алексей знает. Сколько я ему за это время делов переделал — не сосчитать. И зачем ты, Алексей, ее с печки стащил — не понимаю. Ее дело там прогреваться, а нам с другом-товарищем чокнуться. Правильно я говорю?

— Необходимо правильно, Никифор Савельич. Ты у нас — голова, таких поискать. Пелагея Васильевна должна бы гордиться таким заслуженным мужем, а она тебя притесняет. А ведь вполне вероятная вещь, что ты мог бы на купеческой дочке жениться, с ней, известно, совсем другая бы жизнь была. Как по-твоему?

— Это ты верно сказал, что я заслуженный, — скромно согласился Никифор. — По моим трудовым и прочим заслугам мне давно бы надо орден дать. Ты налей-ка по второй, а то что-то не прожгло...

Старик заинтересовал Володю. Он видел, что Осипов нарочно вызывает Никифора на разговор, чтобы позабавить гостя, но старик, выпив второй стаканчик, усердно закусывал хлебом и солеными огурцами, звучно жевал, поблескивая из-под белесых бровей веселыми ясными глазами.

Трудно сказать, сколько ему было лет. Может быть, пятьдесят, а может, и далеко за семьдесят. Когда он снял шапку, обнаружилось, что лишь над висками у него топорщились два белых жиденьких пучка волос, а череп светился младенчески-розовой кожей; на крепкой и тоже розовой шее почти не заметно морщин, зато около задорно поблескивающих глаз их было великое множество. Аккуратно завитые кончики сивых усов едва прикрывали язвительно-горькую, видать, давно прижившуюся усмешку.

— На Пелагею ты не грехи, она баба верная, — запихивая в рот хлеб и ломтик огурца, вновь заговорил Никифор. — Одного со мной роду-племени, такая же сирота была. А женить меня, действительно, пробовали на другой, да ничего из этого не вышло...

— Не понравилась, что ли? — спросил Алексей.

— Не в том дело, даже совсем наоборот... Служил я в ту пору у волостного старшины Федора Коловейдина. За харчи да за одежонку в поле работал, кучером был, детишек нянчил. Подрос, и вот Коловейдин задумал меня женить. Своенравый был, пьянчуга отчаянный, да и чего ему было не пить, ежели в каждой избе подают. Боялись его, как огня... Вызывает раз, спрашивает: «Хочешь, Никишка, жениться?» — «Не охота, говорю, ростом не вышел, да и годков маловато». — «В самый раз, говорит, а невесту я уже подобрал...» Ну пришла блажь, а спорить с ним и не пробуй. Дал мне красную рубаху, поясок шелковый, новые валенки, поехали. Я за кучера, сижу, как замороженный, а хозяин веселится, руки потирает. Приезжаем в Синегорье, правим прямо во двор к Егору Петельникову, а тот уж нас ждет, с подносом Коловейдина встречает. В избе народу полно — жениха пришли смотреть. Я и глаз не знаю

куда девать, и удрать невозможно — хозяин в спину подталкивает. Посадил на лавку, сам к столу, наливают по второй, а я сижу ни жив ни мертв и не замечаю, что у меня ноги до полу не достают. Понятно, люди хихикают: вот так женишок... Хозяин углядел, шепчет мне: «Сядь на самый край, а ноги повытани в голенищах, чтоб валенки на полу стояли». Ладно, вытянул, а тут и невеста вышла. Я вполглаза глянул на нее, только хотел потверже на лавке утвердиться, как хлоп на пол, а дальше уж и не помню, как все было. Очутился на улице без шапки, сориентировался малость да такого дал стрекача, что и валенки не попросту не помешали...

— Так и расстроилась свадьба? — смеясь, спросил захмелевший Володя.

— Ясное дело, — весело подтвердил Никифор. — Потом Коловейдин еще раза три возил меня по невестам, так, ради смеха, а женился я уж после службы, по своей воле. Свадьбишка куцая получилась, да с солдата какой спрос?

— Ты уж расскажи заодно, как Ефрема уморил, — не без ехидства попросила Татьяна с печки, куда она успела снова забраться.

— А тебе его жалко? — тем же тоном сказал Никифор. — Ну, ясное дело, жалко, ты ведь у него не один год батрачила. Вот и глупая, потому как доживи Ефрем до коллективизации, все равно его, вражину, в Соловки пришлось бы упрятать. Но ты, Владимир, не думай, будто я его уморил, он сам уморился. Приехал я в ту пору на станцию, то ли за гвоздями, то ли за другой какой рухлядью — не помню. Ну, справил свои делишки, собираюсь обратно, вдруг, откуда ни возьмись, — Ефрем. А он, оказывается, в гости к зятю ездил, никак в самую Вятку, а теперь домой прется. Вижу, навеселе человек, да оно и понятно: на дворе стужа лютая, дорога не близкая, подзаправиться не лишне. Я бы и сам выпил, да не на что было. Я-то в старой шинелишке, еще с фронта привез, а Ефрем в меховой шубе. Подвези, просит. Ладно, говорю, а сам смекаю: Ефрем же богатый, может, и меня догадается угостить. Где там! Доезжаем до Мякинной слободы, он и говорит: погоди минутку, я тут к куму загляну, дело есть. Известно, у него везде дела, он и к зятю, наверно, насчет товара ездил... Ну,

жду, прыгаю возле саней, а уж ночь наступила. Проклинаю себя, что с таким зловредным человеком связался, а совесть все-таки не позволила его бросить...

Гляжу, выводят моего Ефрема под руки, а он «Златые горы» орет. Ах, ты, сволочь, думаю... Ладно, звали Ефрема в сани, кумовья мне шумят: дескать, ты аккуратней вези, не выпал бы ненароком. Это, выходит, я опять за кучера, как в царские времена. Ну, черта с два! Однако поехали. Спервоначально Ефрем песни пел, потом, чую, притих. Шуба на нем, конечно, добрая, но он ее распахнул, лихость свою показывает. Этак через час Ефрем как-то нехорошо хрипеть начал, однако не похоже, чтоб со сна. Неладно, думаю, что-то с мужиком. Тем более, что голова в сене, а все остальное снаружи... Въезжаем в Синегорье, у меня там знакомый фельдшер жил — я к нему. До этого сто раз у него бывал, а тут никак дом не найду. С перепугу, наверно... Плкнул на все и давай дальше ехать. Приезжаю прямо к Ефремихе, она в чем была выскочила, кинулась к Ефрему, а он уж готов, спекся. С вина, значит, сгорел...

— И дыму не было? — усмехнулся Алексей.

— Как же, не без этого, — беспечно ответил Никифор. — По волостям и следствиям таскали, а я-то тут причем? Кабы я с Ефремом пил или торговал, тогда другое дело, а так с какого пятерика я отвечать стал бы? Отступились. Верно, кумовья Ефремовы ловчились подкараулить меня на узкой дорожке, только ни хрена у них не вышло. А в тридцатом году я же их и раскулачивал. С тех пор и пошла моя жизнь на повышение. Ты не гляди, Владимир, что я два класса кончил, мы все тогда не шибко были грамотные, когда колхоз на ноги ставили. Зато линию свою крепко держали. Тогда я в большом почете был, не то, что теперь...

— Да вроде и теперь тебя никто не обижает, Никифор Савельич, — по-видимому, с искренним уважением сказал Осипов, подливая старику в стакан. — Сам же говоришь — Логинов с тобой часто советуется.

— Это, конечно, так, — вздохнул Никифор, любовно косясь на стакан, однако воздерживаясь брать его. — А только все равно полного удовлетворения мне нету, Алеша. Вот хворь немного одолею, пойду к Логинову постоянную должность просить. Я же и руководить

могу, характеру у меня хватит. Тут дело такое развернулось, колхоз опять в гору пошел, сев на носу, а я вроде в стороне...

В голосе старика Володе послышалась неподдельная грусть. Хотя и трудно было представить Никифора на руководящем посту, Володя почему-то сочувствовал ему, даже готов был поверить, что старик справится с любой должностью. Между тем Алексей Осипов уже наморщил лоб, размышляя, затем солидно заговорил:

— Слушай, Никифор Савельич, ты же, говорят, когда-то на маслозаводе заворачивал, должен знать все эти тонкости — становись туда для контроля. А то жалобы кругом, будто жирность там занижают. Может, и мы виноваты, я же, сам понимаешь, за всем углядеть не могу, а молоковозчик и вовсе неопытный, не разбирается в ихних пробирках.

— Верно! — оживился Никифор и даже кулаком по столу пристукнул. — Когда это было видно, чтоб молоко от наших коров на три процента жирности получалось? Это же разоренье колхозу, а вы ушами с бригадиром хлопаете, маслодельщикам в рот заглядываете. Ты думаешь, за что меня в тридцать третьем году на сепператорку поставили? За честность — вот за что. Тогда тоже всякие там примазывались, но я их живо на чистую воду вывел. Я, брат, эти дела на зубок знаю, даром что малограмотный. И ты, Алеша, не хвались, что, дескать, редко на заводе бываешь. Хоть каждый день ездь — все равно могут надуть. На твоих глазах прямо.

— Ну, это, знаешь!.. — оскорбился Осипов.

— Вот и не знаешь, а я тебе точно говорю, — загорячился старик. — И между прочим, я сам могу тебя в любую минуту надуть. На одну сотую, а обтяпаю. Хоть ты и рядом стоять будешь.

— Ладно, ладно, — снисходительно пробасил Осипов, давая понять, что он нисколько не верит в подобную ловкость Никифора. — Так пойдешь на завод? Я поговорю с Логиновым.

— Нет, не пойду, — хитро ухмыльнулся старик. — И дело знаю, а не пойду. Не справлюсь из-за старости. Там же работы до лучшего — и молоко принимать, и жирность эту самую определять, и план, само собой, выполнять надо. Это же с утра до вечера крутиться придется, а у меня, сам знаешь, прежней резвости нет.

Ты бы что-нибудь полегче придумал, какую-нибудь руководящую должность, там бы я свой характер проявил, это уж без осечки.

Володя расхохотался. Повеселел и Алексей Осипов. Чокнувшись со стариком и перестав играть роль бывшего человека и «начальника», он, едва сдерживая смех, сказал:

— Тогда становись наблюдающим прорабом по плотницкому делу. Мы тут доильный зал начинаем строить, механическую дойку будем вводить — вот тебе и работа по душе. Плотники подобрались толковые, да только до тебя, Савельич, им далеко. Молодежь в основном, из стариков один Емельян...

— По-твоему, Емельянушка — хороший плотник? — усмехнулся Никифор. — Да ему и топорщица настоящего не вытесать. Строили мы как-то амбар, он у меня за старшего был. А я не поддавался, тоже свой вкус имел. Ну и, понятное дело, спорили с ним прямо-таки до белого каления. Он же спорщик незаменимый, знаешь, небось. Никак ему не втолкуешь, а потом я приспособился: давай, говорю, Емельян, на кулаки? Чья возьмет, того и правда... Ну, он супротив меня слаб был, отступался. И ты теперь будешь говорить, что он хороший плотник?

— А ты, может, скажешь, что и Семен Степанович плох? — с вызовом спросил Алексей, незаметно подмигнув Володе.

— Нет, про Семена не скажу. Но тоже, брат, промахи бывали, — прищурился Никифор. — Починяли мы как-то, годов этак тридцать пять назад, конюшню у покойного Ивана Пряхи... помнишь, Татьяна?.. Э, уснула старуха, бог с ней, — не получив ответа с печки, махнул он рукой. — Ну и напочиняли, чтоб Ивану в гробу не перевернуться. Прижимистый и жадный был мужик, Ефрему ровня. Помню, мальцом я был, придешь к нему с корзинкой, кусок подаст и непременно разные наставительные слова произнесет. Такой уж умственный мужик — учить всех любил...

— Ну, а с конюшней-то как? — не утерпел Володя.

— Известно как: через полгода задняя стена начисто вывалилась. Э, да что вы понимаете, нынешние, — с неожиданной горечью и затаенной обидой проговорил старик. — Вам, конечно, корзина и все прочее

в диковинку, а я, как вспомню прежние свои мытарства, холодным потом обольюсь, потрясу этак головой и спрошу себя: да неужто ты жив и здоров, Никифор Савельич? Вот как... Помню, лет шесть мне было, как раз первый день пасхи. Для меня эти праздники — самое милое дело: и люди добрее бывали, и опять же стряпня разная, пироги там, селянки мазаные... Обошел я с корзиной всю Сосновку — подают и подают. Набрал с пупырем, надо домой возвращаться, а я эту корзину, будь она неладна, обеими руками едва поднимаю. Однако пошел. Выбрался на мостик у омута — не могу нести и все. Реву, а выбросить и кусочка жалко: мазаного-то я только два раза в году и пробовал — в рождество да в пасху. Допер-таки, однако какую-то жилу надорвал, с месяц болел. Ежели бы у меня такое юношество было, как у вас теперь, мне бы вовек износу не было...

— Да тебя и сейчас палкой не уколотишь, черта белесого, — внезапно раздалось с печки.

— Скажи на милость! — изумленно всплеснул руками Никифор. — Не спит ведь, чесотка! А и верно, братцы, колотили меня в молодости за девок досмерти, а я отлежусь и опять пружу на игрища. Любил, любил девок, не таюсь, да уж и они меня жаловали. Ну, теперь, конечно, отпрыгался. По ночам худо сплю, а утром кашель душит и все такое прочее. Только тем и спасаюсь, что зараз три сигарки собственного самосаду выкурю да вот водочкой согреюсь...

— Эти лекарства, конечно, необходимо эффективные, но и к медичке не лишне бы обратиться, — посоветовал Алексей.

— Э, что она понимает, твоя краля? Вот солнышко скоро пообогреет — я опять закукарекаю. А фельдшерица, и правда, девка завидная, не зря ты возле нее увиваешься. Что ж, женись, по крайности хоть я на свадьбе погуляю.

— С этим успеется, никакой такой необходимости пока нет, — поджал губы Алексей. — Насчет проработы ты так и не сказал — согласен или снова на попятную?

— Ты с этим не шути, — строго остановил его Никифор. — Доильный зал — это же механизация, а что я в ней смыслю? Тут инженер требуется, так я слышал.

Насчет работы я с Логиновым побеседую, он обещал подумать. Инспектором по севу, говорит, назначим, только уж ты меня, говорит, не подведи и про нездоровье свое забудь... А когда я подводил, скажи на милость? Да ежели мне дадут развернуться, я самого себя переживу, напополам разорвусь, а сделаю. Я так и сказал Логинову Сергею Емельяновичу: выведем колхоз по севу на первое место, а там я вроде как на пенсию выйду и беспокоиться о своем стариковстве не буду. Так-то вот, Алеша. Давай еще по одной, и я домой постопаю, пока моя старуха сюда не нагрянула. Товарищ-то твой, — он кивнул на Володю, — видать, серьезный парень, говорит мало, все приглядывается, думает. Ну, за вашу, значит, дружбу...

Когда дед вышел, Алексей, улыбаясь, спросил:

— Ну, как старик? С таким не загорюешь, верно?

— Д-да! — восхищенно отозвался Володя. — А он, по моему, не так прост, как кажется.

— А это смотря какое у него настроение. Бывает, напустится на нашего брата, руководителей, и тогда спасу от него нет. То плохо, там прошляпили, тут недосмотрели — бить, дескать, вас некому. Он и перед Логиновым не стесняется, режет, что на язык взбредет. Вообще, с чудиной старик... выпить любит.

— А ты? — с невинным видом спросил Володя, целясь вилкой в ломтик огурца.

— Что я? — не понял Алексей.

— Ну, это самое... часто закладываешь?

— Ах, ты вон про что! — кисло усмехнулся Осипов. — Бывает... с тоски. А какие еще здесь развлечения? Одна малохудожественная самодеятельность. Я вот в Свердловске служил, познакомился через одну девочку с компанией — эх, деньки были! Шик! Культура! Сидишь, бывало, на вечеринке и без вина пьяный: танцы, музыка заграничная, девчата в шелку, по последней моде. А главное, все у них свободно, без всяких церемоний... Приехал сюда — как в другой мир попал. До сего времени забыть не могу да и не хочу.

— Ну тебя-то, конечно, там давно забыли...

— Не в том дело, — отмахнулся Алексей. — Я хотел в Свердловске остаться, да вот мать, куда ее денешь? Ну и живу тут пока по необходимости, развлекаюсь вот... Что ж, дольем?

— Давай, — охотно согласился Володя, думая о своем. — Я ведь, знаешь, тоже оказался у вас по необходимости, так что, как говорится, поживем — увидим...

— Интересного мало, прямо скажу. Не понимаю я вашего брата, добровольцев, и не верю в ваши благородные порывы. В прошлом году, говорят, много таких понаехало в колхозы, а кто остался? Единицы. По-моему, шумиха одна. Ты не подумай, — подозрительно глянул на Володю Осипов, — что я тебя отговариваю, боже упаси. Живи тут на здоровье, если тебе это нравится.

— Тебе-то, я смотрю, не очень нравится, но я не вмешиваюсь. Мне тоже кое-где пришлось побывать, попробуй сам разобраться. Какую же работу дашь, Алексей?

— Пока жерди для культурного пастбища будешь заготавливать, а там пойдешь на строительство доилки. Платить будут прилично, у нас хозрасчет кругом, нормы и расценки на все — успевай только считать да записывать. Тебя я не обижу, не беспокойся.

— Спасибо, — небрежно кивнул Володя. — Видать, этот ваш Логинов — дельный человек?

— Да как тебе сказать? — наморщил лоб Алексей. — Хозяйствует толково, но какой-то он угловатый, черт его знает... Избаловало его прежнее районное начальство, ну он и ершится, всех удивить хочет. В общем, палец ему в рот не клади, а так, по-моему, мужик справедливый.

— Ага, понятно, — сонно пробормотал Володя, он почувствовал усталость как-то сразу — может быть, потому, что до этого все время держался напряженно, скованно. А Осипов, опьянев, стал еще более самим собой — перестал без нужды морщить лоб и поджимать губы, его жесты приобрели мальчишескую непринужденность. Он был симпатичным парнем, этот Алексей Осипов, и Володя без всякой зависти подумал, что бывший сержант, конечно, должен нравиться девушкам.

Как бы угадав его мысли, Алексей внезапно спросил:

— Давеча я видел ваших девчат — ничего себе... Ты, случайно, не за ними увязался? По необходимости, так сказать?

— Не болтай ерунду, — вяло проговорил Володя, за внешним безразличием скрывая легкое смущение.

— Ты же знаком с ними?

— Ну, знаком. Так, по-шапочному...

— Все равно. Там одна есть — как глянула, у меня мурашки по коже... Ну, ладно, утро вечера мудренее. У тебя уж глаза посоловели. Отдыхай, а я еще посижу, подумаю...

Володя тяжело поднялся, прошел за занавеску к кровати. Раздеваясь, подумал: «Уж не Верочка ли ему приглянулась? Ну это, знаешь ли...»

И упал на кровать поверх одеяла.

VI

— **КАТЯ**, вставай! Да поднимайся же, уже четыре часа! Опоздаем же! — отчаянно торопила Верочка подругу, лежавшую на постели лицом к стене и упорно натягивавшую на себя цветастое байковое одеяло.

Верочка, уже почти одетая, разозлилась и, изловчившись, сдернула одеяло на пол. Катя села на кровати, крикнула:

— Сейчас же отдай одеяло! — увидев, что Лена тоже одевается, плаксиво запричитала: — Ну куда вы торопитесь, девочки? Ведь и коровы еще спят, а по порядку мы должны дойку в пять начинать. Я прямо как побитая после вчерашнего, и нечего было меня будить, я бы вас все равно догнала.

— Мы тоже вчера не прохлаждались, — отрезала Лена.

— И в клуб можно было бы не ходить, вот и выпалась бы, — сочувственно отозвалась Верочка, поднимая одеяло.

Но Катя уже окончательно поборолa сон. Она прыгнула босыми ногами на прохладный пол, вскинула над головой руки, присела, быстро выпрямилась, до хруста в пояснице наклонилась назад... Скованность мышц постепенно проходила, только поясница продолжала ныть и по-прежнему болью отзывалась на каждое движение. А все потому, что вчера Катя старалась работать за двоих, хотела показать, что они не на такое еще способны, даром что всего десятый день в колхозе.

Уж такая она, Катя, — для нее на людях и смерть красна. Но по утрам ей приходилось плохо...

Вчера Юра Ивашкин, комсомольский секретарь, организовал молодежный субботник по вывозке навоза. Логинов выделил трактор, бригадир комплексной бригады Бугров мобилизовал всех свободных лошадей. Дороги почти не было — последний снег сошел несколько дней назад. Но у скотного двора скопились огромные залежи навоза, которые нельзя было добыть зимой. Их решили убрать сейчас. Конечно, у доярок и без этого хватало хлопот, да их никто и не заставлял участвовать в субботнике, но Верочка пошла «из-за принципа» — ей противен был этот непорядок возле скотного двора, Катя — чтобы «доказать», а Лена — из солидарности с подругами.

Пришлось потрудиться и Володе, но он ковырял навоз вилами с таким нескрываемым презрением, что вызвал недовольство даже у Алексея Осипова. Алексей оказался молодцом: он успевал всюду, распоряжался, подбадривал, работал с завидной неутомимостью. И при всем этом ухитрялся постоянно находиться возле Лены Прилуцкой. Володя мог быть спокоен: Верочка Алексея нисколько не интересовала, как и он ее. Впрочем, на Володю она тоже почти не обращала внимания. Он и хотел бы поговорить с ней по-хорошему, но его удерживала мысль, как бы Верочка не подумала, что он приехал сюда из-за нее. Этого еще не хватало!..

Все-таки Осипов тогда, на субботнике, вывел Володю из равновесия. Заметив, что его новый друг то и дело морщит нос от острого навозного запаха и старательно обходит мутные коричнево-маслянистые лужи, Алексей громко проговорил:

— Что, не нравится, Булавин? А между прочим, хлеб-то на навозе растет, не забывай.

— Умные вещи приятно слушать, — буркнул Володя. — А я и не догадывался. Чем мозоли набивать, ты бы побеспокоился бульдозер да погрузчик сюда доставить, а этим, — он приподнял вилы, — и дурак может орудовать.

— Но-но! По-твоему, тут все дураки, один ты умный нашелся? — сомкнул к переносью брови Осипов.

— Да нет, ты же умную речь завел... а я уж как-нибудь с вилами. Дело нехитрое.

К их перебранке прислушивались. Верочка почему-то покраснела и не поднимала глаз, Лена снисходительно посмеивалась. Юра Ивашкин, черноглазый, с крупными веснушками на курносом лице, подвижный и ловкий, весело сказал:

— Вилы — тоже инструмент, ты их, Булавин, не охайвай. Они еще нам послужат. А ну, ребята, навались, немного уж осталось!

Володя криво усмехнулся, однако под многими любопытными взглядами, устремленными на него, вынужден был поглубже воткнуть «инструмент» в навоз...

А Катя перестаралась с самого начала. И вот теперь, закончив зарядку, она с ужасом посмотрела на свои ладони, протянула их к Верочке.

— Как же я доить буду? Вот уж не ожидала...

Ее выразительное лицо, чуть припухшее и нежное после крепкого сна, страдальчески сморщилось. Еще так недавно она гордилась своими руками — тонкими и нервными, с белой кожей, с длинными пальчиками. Что с ними стало? На ладонях — побагровевшие за ночь волдыри, суставы противно утолтились и не переставали ныть с первого дня, кожа потемнела и шелушилась, несмотря на смазывание кремом. Особенно приводил Катю в отчаяние запах, исходящий от рук, — это был смешанный запах парного молока, навоза и крема. Правда, сама Катя постепенно перестала его ощущать, но это еще больше расстраивало ее: она живо представляла гримасу Виктора, когда она при встрече подает ему руку, и он почувствует этот невообразимый запах.

У Верочки ладони выглядели не лучше, однако ее это мало беспокоило. Но Катю она искренне пожалела.

— Как же ты? Говорила ведь тебе — надень рукавицы...

— Да ведь все были без рукавиц, — возразила Катя. — Ладно, обойдется...

Лена, как всегда, отмалчивалась. Верочку пугала ее замкнутость. О чем Лена думает? Как относится к их новому положению? Раньше она, по крайней мере, иронизировала над всем и над всеми, а теперь только усмехается изредка, скажет «да» или «нет» и делает свое дело, словно автомат какой. А то вдруг вспыхнет ни с того ни с сего, как искра на ветру, и опять

молчит. Верочка предполагала (хотя внешне этого не было заметно), что Лене, наверное, достается труднее всех, но когда она попробовала заговорить на эту тему, Лена неохотно ответила:

— Чего уж там, раз назвались груздями — нечего обратно из кузова лезть. Не стоит философствовать...

В другой раз она сказала с затаенной горечью:

— Другие же работают доярками — чем они хуже нас? А привыкнуть ко всему можно.

Верочка только вздохнула...

Старые доярки, которых они должны были заменить, приняли девушек хорошо, учили, показывали, делились многолетним опытом. Тетя Паша, их хозяйка, уходившая по старости с фермы совсем, взяла под свое шефство Верочку, Фаина Скобликова готовилась передать свою группу коров Кате, а Лена должна была принять группу Анны Ляпуновой. Была еще одна доярка — смугленькая, расторопная, с тугими косами, Аня Шустикова, работавшая на ферме всего второй год. Официально к ней не была прикреплена ни одна из новеньких, но добродушная Аня помогала им, пожалуй, больше всех.

Вскоре, однако, выяснилось, что Анна Ляпунова вовсе не намерена так просто отдать своих коров в чужие руки. Строгая, любившая командовать, она на второй день заявила Лене:

— Показать — покажу, а на животинку моих ты, девка, не зарься. Не для тебя я их растила да холила, уж ты сама таких для себя воспитай.

— Мне все равно, — сухо сказала Лена. — Дадут нетелей, буду их готовить. Это решит Марта Ивановна.

— Как бы она там ни решала, а коров я не отдам. До отелов отдала бы, а сейчас — нет. Пока они на сухостое были, я же ничего не зарабатывала, а теперь у меня самая захудалая по шесть литров надаивает. А каждый литр денег стоит, поняла?

Лена понимала доярку и была согласна с ее доводами. Ей было очень неприятно, что она явилась причиной недовольства и раздражения Ляпуновой, и при первом же удобном случае сказала об этом Марте Ивановне.

Та успокоила девушку, объяснив, что Ляпуновой, конечно, жалко расставаться с коровами, которых она

подбирала и раздаивала несколько лет, но что ей дадут на второй ферме племенную группу доярки Изотиной, уходящей на отдых. Марта Ивановна уверяла, что стоит Анне показать изотинских коров, как она уцепится за них обеими руками.

— Это ее поначалу жалость разбирает, вот она и злится, — с понимающей улыбкой сказала Марта Ивановна. — Она же к ним, как к детишкам своим, привыкла, ну и они к ней тоже. Думаешь, легко расставаться? Подожди, поработаешь с полгода, тогда поймешь, как это непросто...

Лена усомнилась, будет ли она через полгода жалеть своих коров так, как Анна Ляпунова, но возражать не стала. Она видела только, что Марта Ивановна бесконечно верит в них и хочет, чтоб девушки работали вместе.

И вот сегодня подруги впервые должны были работать самостоятельно, без постороннего догляда. Они бодро сбежали с крыльца, провожаемые напутствиями тети Паши. Стоя в дверях, старушка украдкой осенила их крестным знамением.

Утро нарождалось теплым, солнечным. Дорога просхла и слегка пылила от пробегавшей спозаранку автомашины. Молоденький шофер высунулся из кабины и помахал девчатам смуглой от ветра и загара рукой. Они тоже помахали ему. С этой минуты хандры у Кати как не бывало. Она, словно первоклассница, вприпрыжку взбежала по тропинке на взгорок, перелезла у одного из домов через изгородь, миновала огород и очутилась на задворках, откуда открывался необозримый простор земли и неба. Налево полого спускались к Сухоне бурые, кое-где начинающие зеленеть пастбища, направо черными квадратами распластались пахотные земли. Реку отсюда не было видно, но извивы ее берегов угадывались по неширокой полосе кустарников. Противоположный берег был высок, обрывист и казался недоступно-суровым из-за сплошной зубчатой стены оседлавшего его леса. Где-то за поворотом, там, где стена резко понижалась, раскинулся поселок льнокомбината. Катя посмотрела в ту сторону, вздохнула и вдруг отчаянно трянула головой:

— Поеду! Сегодня же съезжу домой. Верусь, ты заменишь меня на денек, а?

— Что это тебе вдруг надумалось? — мягко улыбнулась Верочка; ее нисколько не удивило внезапное решение Кати, она давно уже ожидала этого. — И сколько же у тебя теперь домов?

— Ну не домой, так в гости. Спасибо, Вера, я так и знала, что ты подменишь. Я только на вечерок...

Они побежали вниз по широкому зимнику, уже укатанному подводами, подвозившими семена к селякам. Справа до девчат доносился непрерывный, чуть приглушенный расстоянием рокот трактора.

— Слышишь, Катюша, пашут. Они, наверно, уже давно пашут, а ты говорила — рано, — упрекнула подругу Верочка.

— Чудачка, они же по двое на тракторе, в две сме- ны жмут, а нам какво? — со смехом возразила Катя.

Скотный двор находился в километре от деревни, но его до сих пор не было видно, потому что пологий спуск к реке здесь круто обрывался, словно стесанный бульдозером. Внизу, в овальной уютной ложине, вблизи пастбищ и мелких озер, и выбрал Логинов место для коровника пять лет тому назад. Отсюда зимник сворачивал вправо, к пашням.

По лесенке, вырубленной прямо в земле и изрядно осыпавшейся, девушки спустились в ложину. Двери коровника были открыты ночным сторожем, и оттуда несло разноголосое мычание.

Надевая в молокоприемной синий, не по росту просторный, халат, Верочка говорила:

— Сперва, девочки, уберемся, все чин по чину, а потом уж и доить. Я попрошу у Осипова известки, надо стены и столбы побелить. Раз уж подстилки нет, пусть хоть опилки дадут, а то просто ужас...

— Ой, как же я рада, что у меня отелы все прошли — ну как бы я стала принимать? — запоздало сокрушалась Катя.

— Приняла бы, если бы пришлось, — насмешливо отозвалась Лена. — Марта же Ивановна показывала.

— С ней-то приняла бы, а ежели бы одна?

— А у меня Беленькая вот-вот должна растелиться, — сказала Верочка. — Придется сегодня ночью де- журить.

— Да сторож же знает, чего ты волнуешься? — успокоила ее Катя.

— Нет, мне самой надо. Ну как же так — сторож, а я и знать не буду... Лена, как у тебя Смелая? Лучше стала молоко отдавать?

— Вроде лучше, но я не уверена, — озабоченно ответила Лена. — Посмотрю сейчас. Если как вчера — придется ветеринара вызывать...

— Анна Петровна очень за нее беспокоилась. В прошлом году Смелая по восемнадцать литров после отела надаивала.

— Она мне наказывала, — кивнула Лена.

Они говорили теперь о своих коровах так же, как раньше в прядильной говорили об уткѣ, угарах и обрывности, доставлявших им немало хлопот. Но если пять-шесть дней назад и даже еще вчера они только делились впечатлениями, во всем полагаясь на своих старших наставниц, то сегодня они смело называли коров своими, словно знали их несколько месяцев. Этот переход к самостоятельности произошел просто и как-то незаметно для них самих, потому что, собственно, все предыдущие дни были трудной и волнующей подготовкой к этому событию.

Они убирали, чистили и выметали скотный двор с особенным старанием, протерли окна, убрали в углах паутину — и все это молча, будто священнодействуя. Аня Шустикова, вообще-то привыкшая к давнишней грязи и не замечавшая ее, в душе подивилась необычному усердию подруг, а потом, радуясь собственной догадливости, воскликнула:

— Ой, это мы к майскому празднику чистимся, да, девочки?

— Ну да, к празднику, — коротко сказала Лена.

А Верочка добавила:

— И после праздника у нас чисто будет, Аня.

— Конечно, чисто, как же иначе? — согласилась та, нисколько, впрочем, не уверенная, что и после праздника «новенькие» будут так же стараться в наведении никому не нужной чистоты.

«Это они только сейчас хотят себя показать, а потом приутихнут, — с усмешкой подумала Аня. — Укажут сивку крутые горки...»

Потом они принялись за дойку. По распорядку надо было прежде закончить дойку, а потом производить уборку, но девчат это нарушение правил не смущало.

Верочка радовалась, что все идет так, как она думала и хотела. Она уже ловко доила кулаком, хотя всю первую неделю учебы у тети Паши это у нее не получалось. С улыбкой Верочка вспомнила сейчас тот злополучный день, когда она подоила первую корову. Как давно и как недавно это было! Через пять минут у нее онемели пальцы — а они были такими же тонкими и по-девичьи нежными, как у Кати, — заныла поясница, от чрезмерных усилий потемнело в глазах. Корова беспокоилась и переступала ногами. До этого Верочка боялась коровьих рогов, но тогда ей было не до боязни — она должна была во что бы то ни стало довести дойку до конца. С одной коровой она все-таки справилась, но на большее у Верочки не хватило ни сил, ни решимости. Она возненавидела свои пальчики — такие нежные и слабые. Пока Верочка мучилась с одной коровой, теть Паша подоила трех...

Конечно, пальцы побаливали и теперь, они будут, наверное, ныть еще долго, но Верочка понемногу стала уважать их. Они ныли, а все-таки делали свое дело. Правда, вид у них был неважный, хуже некуда, но с этим приходилось мириться. Как говорит Лена: «Эта кожа сойдет, другая появится, попрочнее».

Ох уж эта Лена! Верочка никак не думала, что Лена окажется такой терпеливой. Только откуда у нее это равнодушие ко всему? Уж лучше бы она злилась и ворчала, как Катя, чем вот так отделяться непонятными намеками. Надо как-нибудь ее разговорить, вызвать на откровенность. Но как? К ней ведь не подойдешь просто так, не скажешь: «А ну, Лена, выкладывай, что у тебя на душе». Она, может, и сама тяготится своей скрытностью, не зря же иногда раздражается по пустякам, да, видно, время не пришло высказать сокровенное. А может, некому? Может, тот, кому она могла бы высказать, далеко, там, откуда Лена приехала. Уж не матери, конечно, она пишет такие длинные письма...

В задумчивости Верочка встала со скамеечки и пошла сливать молоко в бидон. Ее взгляд упал на Катю, ожесточенно дергавшую соски у невзрачной на вид черной коровы.

«Спокойней же надо, чего она так?» — с досадой подумала Верочка,

С Катей тоже не все было ладно. Главное, она вообразила, будто в работе доярки никакой хитрости нет. «Ну, подоить, корма задать да навоз убрать — это и дурак сумеет, — сказала она как-то. — Подумаешь, специальность!» «А почему же тогда у разных доярок коровы по-разному доят?» — спросила Верочка. «А это уж от коров зависит, доярки тут ни при чем», — ответила Катя.

Переубедить ее было бы трудно, да Верочка и сама толком не знала, в чем тут секрет. Но она уже догадывалась, что дело не в одних коровах. Вот ведь у них на ферме коровы все не чистопородные, и кормили их одинаково, а почему же Ляпунова от своей группы получала молока больше всех? Все это было не так просто, как представлялось Кате. Да она, пожалуй, над этим и не задумывалась. Может, потом спохватится, а пока, видать, не то у нее на уме. Вот в поселок собралась, приспичило ей... Через три дня праздник, могла бы тогда сходить, да разве Катю отговоришь? Ей, видите ли, завивку непременно надо сделать, а здесь парикмахера нет. Верочка и сама мечтала о завивке, но как же уйти сейчас? Только начали самостоятельно работать — и вдруг уйти. Что бы подумала о них Марта Ивановна? Нет, надо попробовать отговорить Катю. Должна же она понять...

После дойки девушки собрались в молокоприемной. Надо было записать в ведомость утренний удой. До сих пор это делала Анна Петровна Ляпунова, она считалась старшей на ферме. Кто же будет вести учет без нее? По опыту — Аня Шустикова, но она замахала руками и отказалась наотрез. Катя так устала, что ей было все равно, хотя бы и совсем ничего не записывать. Лена подала карандаш Верочке:

— Пиши, я еще руки не вымыла.

Верочка безропотно стала записывать. В этот момент и появилась в молокоприемной Марта Ивановна.

— Доброе утро, девчата, — приветствовала она доярок. — Быстренько вы управились, вот уж не ожидала. Захожу — и не пойму, почему так светло стало. Оказывается, вы окна протерли. Пожалуй, их пора совсем выставить. Ну смотрела я твою Смелую, Лена, думаю, все обойдется. Но еще денька два-три не давай ей сидоса,

— А он и так весь вышел, — сказала Аня.

— Ничего, сейчас-то мы продержимся. Через недельку можно будет на час-полтора на траву коров выгонять.

Как всегда, Марта Ивановна была ласкова к своим «воспитанницам» — пока все шло так, как она наметила, а это означало, что в скором будущем девушки себя покажут «по-настоящему». Девчата же откровенно восхищались Мартой Ивановной — во-первых, потому, что она была красива и обаятельна, во-вторых, умела красиво одеваться, возбуждая девичью зависть, в-третьих, без обидной снисходительности держалась на равной ноге с ними. В этот раз на Марте Ивановне была синяя кофточка с крупными белыми цветами и широким воротником, узкая и тоже синяя юбка и бежевые туфли на низком каблуке.

— Ой, ну как же вы ходите по фермам, Марта Ивановна, даже на туфлях пятнышка нет, — изумилась Катя.

— Привычка, — улыбнулась Марта Ивановна. — Вы бы посмотрели на меня, когда я сапоги надеваю — по уши в грязи. Только это ни к чему. Не стоит привыкать к грязи, даже когда работаешь на скотном дворе. А то ведь иные нарочно вымажутся, дескать, смотрите, как я тружусь, себя не жалею... Когда сам грязный, то и вокруг грязи не замечаешь, а это плохо.

— Но как же?.. — недоуменно спросила Верочка.

— А очень просто. На днях я вам выдам вместо синих белые халаты и уверена, что вы их постараетесь зря не пачкать. Ну, конечно, чтобы не пачкать, придется на скотном дворе полный порядок поддерживать, сами понимаете.

— А мы уж и так сегодня чистили, чистили, я даже под потолок лазила, — похвалилась Аня.

— Видела, — кивнула Марта Ивановна. — Теперь за коров надо взяться. Впрочем, пятна на белых халатах вам покажут, где еще надо поскрести. Ну, а начали вы хорошо, я очень рада. Бригадир у вас есть?

Девушки переглянулись.

— Мы могли бы назначить, но хотим, чтобы вы сами себе вожака выбрали, — пояснила Марта Ивановна.

Катя потупила глаза. Верочка скользнула по ней взглядом, подумала и сказала:

— По-моему, Лена могла бы, больше некому.

— Нет, — тряхнула головой Лена. — Я не гожусь... Я предлагаю Веру.

— Верочку? — удивленно переспросила Катя.

— Да, Веру, — решительно подтвердила Лена. — Уверяю вас, Марта Ивановна, наша Верочка сможет.

— Лена! — умоляюще сложила на груди руки Верочка.

— Я тоже думаю, что Верочка сможет, — серьезно проговорила Марта Ивановна. — Других предложений нет? Ну и отлично, так и запишем...

VII

ПОЛУЧИЛОСЬ так, что 1 мая с утра к Осиповым пришли гости — хозяйкин брат с женой и еще одна пожилая тетка, то ли родственница, то ли просто знакомая. Володя из деликатности хотел сразу же уйти, но Алексей не отпустил, сказал, что ему одному со стариками говорить будет не о чем, а посидеть с ними для приличия необходимо. Володя присел к столу.

— Смотри, недолго, у тебя же три трактора пашут и сеют, люди в поле, — предупредил он Осипова. — Логинов узнает — спасибо не скажет.

— Не беспокойся, у меня все налажено, я же вчера каждому растолковал, что надо делать, — заверил Алексей, нетерпеливо поводя носом при виде бутылки и закусок, выставленных на стол матерью.

— Мне-то что, сам рассчитывай, — пожал плечами Володя.

— Для всех праздник, а он что же, окаянный? — вступилась за Алексея мать. — В кои-то веки родные навеснят, и уж посидеть с ними нельзя?

Володя промолчал. Собственно, его это не касалось, и предупредил он Осипова потому, что слышал, как Логинов наказывал учетчику-нарядчику с полной отдачей использовать переброшенные с другого участка тракторы, обеспечить их всем необходимым. Почва поспевала неодинаково, и Логинов маневрировал техникой, чтобы не прозевать, быстро засеять подсохшие поля.

Говорить с гостями, действительно, было не о чем. Выпив, они расчувствовались, вспоминали старину и

умерших родственников, жаловались на жизнь и болезни. Алексей изредка поддакивал и подливал в стаканы, Володя смотрел в окно и думал о том, что никогда еще в такой праздничный весенний день ему не было так скверно и тоскливо, как сегодня.

Они проканителелись с гостями до полудня. Володе некуда было спешить — изгородь, которую он ставил на пастбище вместе с Юрой Ивашкиным, могла спокойно подождать хоть до послезавтра. Вряд ли вышел на работу и Юра, ему хватит хлопот с подготовкой праздничного концерта. Об Алексее Володя больше не беспокоился — пусть расхлебывает сам, если что случится.

— Пройдемся со мной по полям, тебе ж все равно делать нечего, — предложил Алексей.

Володя кивнул: ему было все равно, куда идти. Дурак он, что не махнул с утра в поселок, вот и пропал день...

На улице ему стало веселее. Где-то играла гармошка, из раскрытых окон пятистенной, обшитой тесом избы всплесками вырывались захмелевшие бабьи голоса, слышался отчаянный перепляс обутых в новую обувь ног. А улица была безлюдна, только ребятишки в нарядных рубашках играли в какую-то свою игру возле большого, наглухо запертого амбара. Там стояли распряженные подводы, на подставке — бочка для протравливания семян, ящики с золой.

Володя удивился, что амбар заперт, но вслух сказал:

— Ну, брат, и родственнички у тебя...

— Старье, чего с них возьмешь? Зато выпили, — ухмыльнулся Алексей.

Выпили они порядочно, Осипова даже чуть пошатывало, хотя он не подавал виду и говорил, что вполне мог бы выпить еще столько же.

— Ладно, мы это сообразим вечером. Двинем по зимнику, на ферму зайдем, поздравим девчат с праздником. Они сейчас как раз на ферме. Ты как?

— Давай, — вяло согласился Володя. Его беспокоила встреча с Верочкой, хотя он и понимал, что глупо с его стороны избегать встреч с ней. Раз уж они оба оказались в колхозе, давно пора бы сказать Верочке, что он приехал сюда из-за нее. Только поверит ли она ему? Еще подумает, что он к ней навязывается. Хуже

всего то, что Верочка, наверно, все еще стыдится за Володю перед Леной и Катей. Подумаешь, авторитеты! Что они могут понимать? Дед Никифор случайно назвал Володю «неприкаянным», так тут и обижаться не на что, неприкаянный он и есть, но не по своей же это воле. А эти дуры считают его ниже себя, потому что он в колонии сидел. И в поселке чересчур уж «порядочные» люди косились на него, побаивались, как бы он чего-нибудь не спер или скандала не учинил. Но не доказывать же каждому свою честность! Они бы его оскорбляли, а он бы доказывал? Черта с два!.. И Верочке не будет доказывать — сама должна догадаться.

Алексей неожиданно спросил:

— Слушай, Володя, эта Лена — всегда она такая?

— Какая? — переспросил Володя, обрывая собственные мысли.

— Ну гордая, что ли... — замылся Алексей. — Слова лишнего не вытянешь. Или переживает, что в деревню попала?

— Понятия не имею. По-моему, просто воображает о себе много.

— Н-нет, вряд ли, — покачал головой Осипов; его румяное лицо приняло растроганно-задумчивое выражение, глаза из-под козырька фуражки смотрели вдаль серьезно и отрешенно, словно он увидел там что-то такое, чего не мог увидеть и понять Володя.

Володя и в самом деле не понимал. Он искоса посмотрел на товарища и присвистнул насмешливо:

— Влюбился что ли в нее? Не иначе, она на ту девочку, из Свердловска, похожа, а? Помнишь, ты как-то рассказывал?

— Ну не совсем, — деланно усмехнулся Алексей и умолк.

Володя, насвистывая, прошагал за Осиповым метров двадцать, потом напомнил:

— Сворачивай-ка, Алеша, вправо, тракторов-то что-то не слышать. Узнай, в чем дело, а потом и на ферму можно. Имей в виду, это, о чем ты думаешь, морока одна. Ленка сама себя раз в год любит, первая над тобой посмеется, точно говорю.

— Ты это всерьез? Я же просто так про нее спросил, а ты уж подумал, что я ею интересуюсь? Вот чу-дак! А может, приревновал, а? — Осипов весело расхо-

хотался, но взгляд его был пристален и холоден. — Ежели так, то давай уж сперва на ферму, посмотрим твою недотрогу.

— Валяй туда один и смотри, сколько хочешь, мешать не буду, — сбитый с толку, обозленно сказал Володя.

— Да ладно, пойдем. Шутки что ли не понимаешь?..

Они спустились по обрыву к скотному двору. Осипов хозяйской походкой вошел в тамбур и был чуть не вышиблен оттуда стремительно выбежавшим из двора Юрой Ивашкиным.

— Ты что, сдурел? — угрожающе схватил его за рукав Осипов.

— Сдуреешь тут! — огрызнулся Ивашкин и почему-то зло посмотрел на Володю. — Видал, какие номера откалывают эти самые добровольцы? У меня праздничный концерт, афиши по деревьям расклеены, а она третий день в колхозе не появляется...

— Кто не появляется, говори толком, — нахмурился Осипов.

— Да она же, эта артистка, активистка и черт ее знает кто еще. Катя Орешкина. Мы ей поверили, в скетч включили, сольное пение в афишах объявлено, и на репетициях у нее здорово все получалось, а сейчас по ее же милости все насмарку...

И Юра опять неприязненно посмотрел на Володю.

— Что же это у вас за самодеятельность, если из-за Орешкиной все насмарку? — насмешливо сказал Володя. — А до этого-то вы концерты ставили?

— Не беспокойся, ставили, — отрезал Юрка. — И теперь обошлись бы, так она же сама заявила: я могу, я умею, на областном смотре выступала... Напросилась, а сама дезертировала.

— Да, это непорядок, — сдвигая фуражку на лоб, сказал Осипов. — Придется обсудить...

Он не знал, как отнестись к этому непредвиденному случаю, зато был явно раздосадован появлением Ивашкина на скотном дворе. А Юрка, казалось, не спешил уходить.

— И обсудим, — кипел он, так что даже веснушки на его смуглом и вообще-то добродушном лице побледнели. — За такие штучки выговор стоит влить, а то и похуже.

— Не горячись, Юра, — спокойно проговорила вышедшая в тамбур Лена. — До вечера еще далеко. Возможно, Катя еще вернется... Я думаю, что вернется, ну, а если нет, тогда я ее заменю. Я знаю ее роль.

— Да? — просиял Юрка. — Что же ты сразу не сказала? Тогда приходи к пяти в клуб, мы еще раз прогоним постановку, чтоб без осечки было. Договорились?

— Конечно, — скупой улыбнулась Лена, развязывая на халате пояс.

Как видно, у Ивашкина гора упала с плеч, но тут же нахлынули другие заботы, и он стремглав бросился к обрыву, с ловкостью кошки взобрался наверх и исчез с глаз.

Осипов поправил фуражку, вежливо произнес:

— Поздравляю вас, Лена, с праздником...

— А вы, кажется, гуляете? Завидую вам, — без обычной усмешки ответила Лена, так что нельзя было понять, шутит она или говорит серьезно.

— Что вы, Лена! — шутливо-обиженно возразил Осипов, однако не сумел скрыть смущения. — Сев же в разгаре, туда-сюда, вздохнуть некогда. Вот только на минутку зашли вас поздравить.

— Спасибо, — чуть приметно кивнула она и ушла в помещение, чтобы повесить халат.

Лицо Осипова вытянулось. Володя нетерпеливо сказал:

— Подожди, они сейчас выйдут.

— По-твоему, она заметила, а? — с беспокойством спросил Осипов.

— Не слепая. Да и разит от нас за версту.

— Брось. Я абсолютно трезвый. Да и какое это имеет значение?

— Для меня — никакого. Подумаешь! Плевать мне на их мнение.

Володя и в самом деле сплюнул, раздраженный неизвестно чем — то ли обвинениями Ивашкина, то ли упрямством Осипова. Он поднял с земли обломанный прут и, постегивая им по сапогу, медленно зашагал к обрыву, к лесенке, ведущей вверх. Осипов продолжал нерешительно топтаться возле тамбура.

Девушки вышли минут через десять. Лена и Верочка были в легких ситцевых платьях, в одинаковых козыньках, в туфлях на босу ногу. Аня Шустикова все

еще не могла решиться сменить сапоги, на плечах у нее небрежно болталась поношенная жакетка.

Лицо Верочки выглядело расстроенным, Лена казалась усталой, но, как всегда, спокойной и рассудительной. Только что у них состоялся такой разговор:

— Неужели ты сыграешь, Лена?

— Ну и сыграю, что ж такого?

— Но ведь ты никогда не выступала...

— А сегодня выступлю.

— Это же просто ужас, что Катя сделала. А может, с ней случилось что-нибудь?

— Да уж наверно случилось, — невесело усмехнулась Лена.

Осипов был поражен весенним видом девушек, особенно Лены — такой он ее еще не видел. Платье почти насквозь просвечивало в солнечных лучах, облекая ее чуть полнеющую фигуру, тонкие губы показались Осипову не менее яркими, чем тогда, когда Лена красила их, только темные глубокие глаза оставались по-прежнему холодно-насмешливыми, несмотря на усталость, на солнце, на праздничный день.

— Дорогие наши труженицы и патриотки, позвольте вас поздравить с праздником! — торжественно и восхищенно заговорил Осипов, испытывая необычайный прилив чувств, хотя вызваны они были лишь присутствием Лены. — Хочу сделать для вас приятное: избавить от вечерней дойки. Как? Очень просто: уговорю двух-трех старушек, им же все равно в клуб не идти, а подоить они сумеют на совесть. Положитесь на меня, девочки, и все будет в порядке.

— Вот хорошо было бы, — вздохнула Аня. — Пропадет же вечер...

— Ни в коем случае, — горячо сказала Верочка. — Как же это так: мы будем гулять, а кто-то за нас работать? И не стыдно тебе, Аня?

— Катя же гуляет, — невинно опуская глаза, возразила Аня.

— И кроме того, Лена должна выступать, — встал Осипов.

— Все равно, — упрямо мотнула головой Верочка. — Лену мы сами заменим, да и Катя... — Она вдруг заметила Володю, на мгновение остановилась и, словно испугавшись, что он сейчас исчезнет, бросилась к нему.

— Вот это да-а... — изумленно и не без зависти протянул Осипов. — Значит, у них это, так сказать... — И он вопросительно посмотрел на Лену.

— Ничего это не значит, товарищ Осипов, — сухо проговорила Лена и поспешила добавить: — А со старушками у вас ничего не выйдет.

— Напрасно, напрасно, — посочувствовал он. — Ничего в этом предосудительного нет, зря Верочка упрямится... Но вам же все равно придется выступать.

— Конечно, если Катя не придет.

— А вам бы не хотелось сегодня побывать в поселке?

— Нет. Какая разница — что там, что здесь?

— Но, может быть... — Осипов смотрел ей прямо в глаза, затаив дыхание, но Лена спокойно ответила:

— Нет, в поселке мне делать нечего. Скажите, есть тут другая тропка наверх?

— Ясное дело, есть, — радостно сказал Осипов. — Пойдемте, покажу...

Володя, завидев Верочку, в первую минуту хотел вернуться и вместе с Алексеем проводить девушек, но потом раздумал. Помахивая хворостинкой и изредка незаметно оглядываясь, он не спеша поднимался со ступеньки на ступеньку, пока не услышал за спиной такой знакомый голос:

— Володя, подожди!

Он вздрогнул, постоял с секунду, не оборачиваясь, и сел там, где настиг его Верочкин оклик.

Верочка опустилась рядом с Володей.

— Ты чего? Платье-то измяла, видишь... — несколько растерянно проговорил он, уступая свое более удобное место.

Она машинально выправила платье, прикрыв оголенные колени, переведя дыхание, заговорила:

— Слышал, что наша Катя учудила?

— Ну слышал. Ты же ее нахваливала...

— Она хорошая, Катя, ты не думай, только взбалмошная. Ну где она может быть? Поехала на день, и вот третий день нету. Это же пятно на всех на нас, понимаешь? Вот я и подумала... — Верочка ухватила за Володин рукав, почувствовала запах водки, поморщилась, но рукав не выпустила, сказала умоляюще: — Володя, съезди ты на велосипеде в поселок, разузнай,

где она. Не верю я, что Катя заболела, а если и заболела, нам тем более надо это знать. Чтоб люди худое не думали, понимаешь? А то вон Юрка бог знает что о ней да и о нас думает...

Володя высвободил руку, хлестнул прутом по голенищу и почти злобно сказал:

— Не поеду. К черту! Что я, нянька твоей Катьке? Она там с Виктором будет тары-бары разводить, а я в ихние дела вмешиваться?

— Причем тут Виктор? — пыталась возразить Верочка, в душе убежденная, что всему виной именно Виктор.

— А кто же? — зло и мстительно спросил Володя. — Да еще оба, наверно, дураками нас считают, а себя умными. Я про себя не говорю, мне на них наплевать, но и другие некоторые Катю идеалом считали.

— Да не в ней же только дело, Володя...

— Не поеду. У нее своя голова на плечах. Вон какую речь на проводах завернула... Да ты чего о ней беспокоишься? Лена же сказала, что выступит.

— Она же никогда не выступала, и роли несколько не знает, — чуть не простонала Верочка. — Опозорится, а потом неизвестно, что с ней будет.

— Ерунда, суфлер подсказет.

— Значит, не поедешь?

— Нет. Сказал — нет, значит, нет.

— Тогда я сама поеду, — и не успел Володя опомниться, как она уже карабкалась вверх.

— Ну и глупая, — пробормотал он, до хруста повернув шею, чтобы видеть, как Верочка взберется на кромку обрыва. — А ведь и в самом деле поедет. Вот черт... Догнать, что ли?

Но догонять не стал. Одна мысль, что он должен где-то разыскивать эту взбалмошную Катю, которая наверняка веселится сейчас с Виктором, приводила его в бешенство. «Небось, я уехал, так Верочка и не заметила бы, а тут, видишь, места себе не находит...»

Все-таки ему было страшно досадно, что он так грубо отказал в ее просьбе. И во всем была виновата эта дура Катя, которую Володя теперь, как ему казалось, возненавидел на всю жизнь. А Верочка? Неужели поедет? Она ведь на велосипеде-то с грехом пополам ездит. Если только попадется попутная машина...

В несколько прыжков Володя достиг края обрыва и глянул на зимник. Верочка была уже далеко, догонять и отговаривать ее сейчас было бы нелепо. Добежит до деревни и одумается. На всякий случай Володя ускорил шаг, но тут его снова окликнули.

С пашни, нелепо размахивая руками, петушиным скоком бежал дед Никифор, еще издали запаленно кричал:

— Эй, обожди, парень! Алешку-греховодника не видал?

«Ну, так и есть: что-нибудь стряслось, — не без тревоги за товарища подумал Володя. — А он, дурья голова, за Леной увязался».

Володя сказал:

— Да Осипов же на пашню пошел, минут этак десять назад...

— На пашню! — чуть не подпрыгнул Никифор. — Его там и следа не было! Я с самой зари между тракторами мотаюсь, дело организовываю, потому как Логинов мне строго-настрого приказал: смотри, говорит, чтоб все в ажуре было, а что касается праздника, то трактористы и сеяльщики, говорит, вечером отгуляют. Ну, ребята понимают же обстановку, взялись по-ударному, но и они взъелись на Осипова за его нахальство. Сперва один трактор сломался, а потом семена кончились. Только то и рассеяли, что вчера было привезено, а сегодня ни зернышка не подвезли. Это как называется, по-твоему?

— Худо, Никифор Савельич. Что же теперь делать?

— Я лошадь выпряг, послал тракториста в мастерскую за нужной частью, а сам бегу семена добывать. Да разве же это мое дело? Мое дело — контроль, а на побегушках находиться мне годы не указывают. Где он может быть, паршивец? Не в гостях?

— Нет. Вот что, Никифор Савельич, ты возвращайся к тракторам, а я Алексея живо найду, и семена мы тебе через час доставим.

— Не врешь? — подозрительно глянул на Володю старик.

— Слово даю. Ты топай назад, а я это дело обтяпаю. Никакой паники. Утихомирь там ребят.

— Ладно, пойду, — неохотно согласился Никифор. — Бегом-то мне все равно духу больше не хватило

бы. Но я этому стервецу устрою! Все как есть Логинову доложу, он ему пропишет. Хотя и выпивали вместе, а доложить непременно доложу, так и передай Алешке...

VIII

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ выезд района не только не принес удовлетворения, а еще больше взвинтил секретаря райкома Самойлова. Всюду, где ему удалось побывать, он встречал какое-то непонятное, глухое противодействие. Нет, председатели колхозов не говорили прямо, что не могут усилить темпы сева, напротив, они обещали принять меры, но как обещали? А так, словно делали секретарю личное одолжение. Их непоколебимое хладнокровие в эти горячие, решающие дни казалось Самойлову кощунственным. Он резко, а подчас и грубо критиковал председателей и многих бригадиров — ему никто не возражал, все соглашались, что да, техника используется плохо, но они постараются исправить положение, наверстают упущенное. Самойлов сильно сомневался в этом, потому что сев по-прежнему шел вяло, не так, как мыслилось и хотелось секретарю.

Конечно, Самойлов в спокойные минуты раздумья отдавал себе отчет в том, что за пять-шесть месяцев нельзя перевернуть все «вверх дном», изменить психологию людей настолько, чтобы они мыслили и действовали вопреки старым привычкам. Но это соображение ни в коей мере не могло оправдать ни его самого в собственных глазах, ни тех, кто упорно не хотел менять этих старых привычек. Препятствия лишь подстегивали Самойлова и придавали его действиям все большую решимость и резкость.

«Так или иначе, я должен сломить этот консерватизм и сломлю, — в бешенстве думал он, возвращаясь в насквозь пропыленной машине в райком. — Хватит им ссылаться на так называемые «специфические» условия севера: дескать, и почвы у нас бедные, и климат мокрый, и людей маловато... Сев — это экзамен, и я должен его выдержать или уйти. Они думают: поершится, мол, секретарь на первых порах и успокоится. Ну нет, этого не дождуся. Спокойно жить я им не дам, хватит. Привыкли, черти, жаловаться на «объективные» причины да помощи просить, а чтоб самим ини-

циативу проявить — отвыкли. Да и разучились, пожалуй. Что ж, научим. Обязательства приняты, и будьте добры их выполнять, а не хныкать...»

Самойлов торопился: заседание бюро было назначено на два часа, а он не привык опаздывать и не терпел этого у других. Мысль о созыве внеочередного бюро возникла у него рано утром, и он сразу же позвонил с ближайшего телефона второму секретарю, распорядился, кого надо вызвать. Жаль, конечно, что не удастся предварительно переговорить с членами бюро, предпринять некоторые меры, но это обстоятельство Самойлова мало беспокоило. В их мнении и поддержке он не сомневался. Факт остается фактом: сев в районе идет плохо. Да, плохо, несмотря на то, что район в областной сводке занимает место в первом десятке. Вот это-то, как видно, и застилает многим глаза. Обольщаются сейчас высокими процентами, а если завтра хлынет дождь? На том и сядут, где остановились, а тем временем другие районы вырвутся вперед...

Зал заседаний райкома заполнили работники аппарата, секретари парторганизаций, председатели колхозов, в том числе и те, которых повестка дня как будто совершенно не касалась. Это тоже было одним из новшеств Самойлова. Раньше обычно присутствовали члены бюро и те, кто отчитывался. Теперь количество вызываемых доходило иногда до трех десятков человек. Самойлов стремился каждое заседание бюро сделать школой партийного руководства для молодых, да и не только молодых, работников. Но, как скоро убедились многие, «школы» не получилось. Своей нетерпимостью к инакомыслящим Самойлов сам портил им же начатое дело. Его стали побаиваться, но настоящего авторитета он так и не приобрел.

Он вышел из своего кабинета ровно в два часа — высокий, чуть сутуловатый, с длинными жилистыми руками, усталый и хмурый. Редкие светлые волосы тщательно расчесаны и приглажены от больших залысин до круглого затылка, аскетическое, обветренное лицо с туго натянутой на скулах кожей выглядело строгим и неестественно напряженным. Проходя по залу, Самойлов бегло, но пристально оглядел присутствующих, так что каждый почти одновременно почувствовал на себе этот прощупывающий взгляд. Почувствовал его и

Логинов, у которого уже было несколько неприятных стычек с первым секретарем. Однако он не опустил глаз и, хотя знал, что мысли Самойлова сейчас заняты другим, всем своим видом Логинов как бы хотел сказать ему: «Можешь думать обо мне что угодно, а все-таки тогда был прав я, а не ты, и поэтому буду поступать по-своему...»

Первым отчитывался председатель колхоза «Вперед» Дубцов. На вид ему было далеко за пятьдесят. Лицо крупное, багровоносое, под пиджаком — черная, наглухо застегнутая косоворотка и приметно округлившееся брюшко, походка степенная, с развальцем. Вот уже лет пятнадцать председательствовал Дубцов, бесчисленное множество раз выступал на различных собраниях и совещаниях, а без бумажки и до сих пор как без рук. И сейчас, шагая к столу членов бюро, Дубцов на ходу достал из кармана сперва измятую ученическую тетрадь, потом очки, аккуратноенько оседлал ими мясистый нос и, пожевав «для разгона» губами, начал не спеша читать: в колхозе имеется столько-то гектаров пашни, столько-то тракторов, столько-то трудоспособных...

Но тут его перебивает Самойлов.

— Дайте-ка вашу шпаргалку. Так... А теперь рассказываете: почему заваливаете весенний сев?

— То есть, как заваливаю? — сдвигая на лоб очки, с недоумением и обидой говорит Дубцов. — Супротив прошлого года впереди идем, никакого сравнения не предвидится. Посудите сами, товарищи, — обращается он в зал, — в прошлом году мы пятого мая только-только пахать начали, а нынче на это число половину яровых посеяли. Какой же это, извините, завал?

— Самый позорный, — сразу повышает тон Самойлов и, как обычно в подобных случаях, рывком встает, прочно опирается тяжелыми ладонями о стол. — До каких пор вы — это относится ко многим здесь присутствующим — будете ссылаться на прошлое? Было плохо, а теперь стало чуть лучше — вы и обрадовались, готовы ура кричать. Не рано ли? Почему у вас, товарищ Дубцов, трактор ДТ-54 простоял два дня? Почему никто не наказан за преступную халатность? У вас имеется добрая сотня лошадей, вы им скормили лучшее сено, отняли его у молочного стада, а сколько их

работает в поле? Всего восемь. В пятой бригаде лен сеют непротравленными семенами, а вы помалкиваете. В колхозе есть суперфосфат, сульфат аммония, зола, а вы сеете лен почти по неудобренной почве. Это, повторяю, преступление. За счет чего же вы собираетесь получить миллион, как записано в обязательстве? У меня складывается такое мнение, что вы и не думаете всерьез принятое обязательство выполнять. Так или не так, товарищ Дубцов?

— Со льном, это действительно, мы промахнули, — охотно согласился Дубцов, потому что знал — ошибки принято признавать, жесткие упреки секретаря тоже в порядке вещей, так было и будет всегда, такая уж у секретаря должность. — Но мы, понятно, примем меры и недостатки устраним...

— Я думаю, товарищи, нам незачем терять время на объяснения и обещания, — обращаясь к членам бюро, сказал Самойлов. — Считаю, что товарищ Дубцов не сможет обеспечить руководства колхозом, как требует этого партия, сама жизнь. Давайте решать вопрос конкретно...

Только теперь Дубцов понял: это конец. Никакие слова ему не помогут. Секретарь уже принял решение — быть может, еще тогда, когда был в колхозе — а известно, что с Самойловым шутки плохи. Что ж...

Дубцов глубоко вздохнул, покорным жестом снял со лба очки, хотел что-то сказать и... тяжело, словно с непосильной ношей на плечах, пошел на место.

Самойлов даже не взглянул в его сторону, он просто торопился покончить с этим неприятным, но неизбежным в его положении делом.

— Есть предложение рекомендовать председателем в колхоз «Вперед» другого товарища, способного там выправить положение. Возражений нет?

Возражений не последовало. Логинов ждал, что так и будет. Еще до укрупнения колхозов, осенью прошлого года, райком собирался заменить Дубцова, да так этот вопрос и повис в воздухе. Дубцов работал, как говорится, ни шатко, ни валко, его критиковали, предупреждали, а в общем к нему, как и ко многим другим старым председателям, привыкли и даже считали человеком хозяйственным, себе на уме. Конечно, звезд с неба он не хватал, но и самым отстающим не был. Так

и тянулись годы, похожие один на другой. Когда колхозы объединялись, Логинов никак не думал, что Дубцов останется у руля, поэтому-то сегодняшнее решение бюро и показалось Логинову хоть и запоздалым, но вполне справедливым решением. Да и сам Дубцов, поразмыслив, должен будет признать это.

После него отчитывались председатели колхозов «Большевик» и «Заря» — Мамонтов и Зырянов. У них сев шел не лучше, но это были «молодые» председатели, лишь два-три месяца назад по рекомендации райкома избранные к руководству. Чувствовалось, что им, еще недавно городским жителям, нелегко давалась новая многотрудная работа, однако они не оправдывались и не ссылались на свою неопытность. Оба, по возможности коротко, доложили о мерах, которые принимались ими по скорейшему завершению сева.

— Нас это не может удовлетворить, — резюмируя отчеты председателей, заявил Самойлов. — Вы не назвали сроков, а мы хотим знать, сумеете ли вы к пятнадцатому мая закончить сев. Не чувствуется в ваших словах уверенности, что справитесь с задачей.

— Да, такой уверенности у меня нет, — твердо сказал Мамонтов, широкоплечий, несколько грузноватый человек с резко очерченным крупным лицом. — Если даже ни одна из машин не простоит ни одного часа, а это маловероятно, все равно раньше двадцатого сев я не завершу. Расчеты показывают...

— В таком случае, товарищ Мамонтов, ваши расчеты демобилизуют, а не поднимают людей на ударную работу, — гневно сверкнул глазами Самойлов. — Вы довольствуетесь тем, что трактористы выполняют нормы. Этого сейчас недостаточно. Потребуйте от них большего напряжения. И переведите все машины на двухсменную работу.

— В колхозе не хватает механизаторов, Семен Михайлович, — возразил Мамонтов.

— Чепуха! Их было даже с избытком, но вы их не сумели закрепить, и они теперь сидят на печках или подались в город. Найдите их и заставьте работать. К пятнадцатому сев зерновых, льна и бобовых должен быть закончен — таково решение бюро... Что?

— Я хотел сказать, что это нереально, — угрюмо произнес Мамонтов.

— Нереальны ваши доморощенные расчеты, товарищ Мамонтов, и я вам запрещаю высовываться с ними перед колхозниками. Есть предложение оставить пункт решения по колхозу «Большевик» в той формулировке, какая записана в проекте. Товарища Мамонтова предупредить, что за срыв решения бюро он будет привлечен к строгой партийной ответственности. Есть другие предложения?

— Разрешите, Семен Михайлович! — поднял руку Логинов.

— Здесь заседает бюро райкома, и вносить предложения могут только члены бюро. Когда потребуется, мы спросим ваше мнение, товарищ Логинов. Пора, кажется, знать порядок.

— Я знаю порядок, но мне всего два слова. — Логинов вскочил, мелкие оспины на его лице, до этого почти не приметные, побледнели и стали словно глубже. — Если так ставить вопрос, то есть к пятнадцатому, а Мамонтов говорит, что это нереально, а зря говорить он не стал бы — выходит, ему заранее обеспечен выговор, а то и похуже. По-моему, это явный непорядок, потому что Мамонтову не грозить, а помочь надо.

— Здесь партийный орган, и адвокаты не требуются, — выразительно посмотрев на Логинова, сказал Самойлов. — Я думаю, и сам Мамонтов в них не нуждается. Голосую, товарищи члены бюро...

— Позвольте, Семен Михайлович, — скрипнул стулом председатель райисполкома Иван Максимович Локтев. — По-моему, Логинов прав. Нет смысла записывать в решении заведомо нереальный срок и подобное предупреждение Мамонтову. Он старый член партии и сам сделает выводы из того, что здесь было ему сказано.

— Что же вы предлагаете? — сухо спросил первый секретарь.

— То и предлагаю, — развел руками Иван Максимович.

— Вы же слышали, Мамонтов уже сделал выводы; он не намерен выполнять решение бюро. Что же, потом снова его уговаривать? Это — не метод партийного воздействия. Это попустительство и замазывание ошибок, а главное — плохой пример для других.

— Видите ли, Семен Михайлович, — посерьезнев и даже с некоторой обидой в голосе, заговорил Локтев, — я больше вашего знаю Мамонтова. Да и остальные члены бюро тоже. Так вот, если бы я не был уверен в нем, я бы не стал возражать против вашего предложения.

— Значит, берете на поруки? — иронически спросил Самойлов. — Ну, а как остальные члены бюро?

Локтева поддержали второй секретарь Кармановский и начальник районной инспекции сельского хозяйства Васюков. Самойлов с трудом подавил готовое вырваться наружу раздражение. Он был крайне возмущен мягкотелостью членов бюро. В первый раз с тех пор, как он стал первым секретарем, они не поддержали его безоговорочно. Это представлялось ему открытым вызовом...

Во время перерыва Логинов не успел в коридоре выкурить папиросу, как его пригласили к первому секретарю. «Ну будет сейчас головомойка», — решил он.

В кабинете Самойлова сидел Локтев. Они возбужденно о чем-то говорили, а возможно спорили. При появлении Логинова секретарь оборвал себя на полуслове и сейчас же обратился к нему:

— Мне доложили, что ты, закупая у колхозников телят, оставляешь их в личных дворах и не ставишь на колхозную ферму. Есть прямое указание райкома и райисполкома — всех контрактованных телят немедленно ставить на фермы и выращивать в колхозе. Ты что, не слыхал об этом?

Самойлов испытующе смотрел на Логинова и нетерпеливо ждал ответа. Возбужденное состояние секретаря тотчас передалось Логинову, однако он, пересилив себя, сказал как можно спокойнее:

— Слышал, знаю. Но мы считаем экономически выгоднее оставить телят у колхозников до осени. Они же никуда не денутся, раз у нас заключены договоры. А колхоз экономит на кормах и уходе.

— Черт знает что! — вспыхнул Самойлов, подрагивая острыми скулами. — Вы слышали, Локтев, эти детские рассуждения? Все председатели закупают и ставят молодняк на свои фермы, их Логинов, по-видимому, считает дураками, а себя умным. Он, видите ли, хочет сэкономить сотни, а потом потерять тысячи. Ну

и бухгалтерия... Так вот, завтра же всех законтрактованных телят — всех до единого! — поставить на ферму и обеспечить надлежащий уход за ними. Понятно?

— Не совсем, Семен Михайлович, — упрямо сказал Логинов, чувствуя себя оскорбленным и сбитым с толку. — Непонятно, потому что...

— У меня, к сожалению, нет времени растолковывать общеизвестные истины. Иван Максимович, пошлите завтра Васюкова к Логинову и лично проследите за выполнением наших указаний.

— Хорошо, Семен Михайлович, — с готовностью и даже с явным облегчением кивнул Локтев и, не дав Логинову опомниться, под руку вывел его из кабинета. Ошеломленный Логинов машинально повиновался. Но внутри у него все кипело, словно он получил пощечину и не смог ответить тем же.

Иван Максимович, ухватившись пухлыми, но цепкими пальцами за локоть Логинова, отвел его в угол зала, загородил широкой спиной от проходивших мимо людей.

— Что, брат, ершистый у нас секретарь? — усмехнулся он, почти довольный, и тут же озадаченно тряхнул лысой головой. — Бывает, поговоришь вот так с ним и после целый день как с похмелья ходишь — муторно и вроде бы опять выпить хочется. Но я тебе скажу, что и ему нелегко, это тоже понимать надо. А что касается телят, то тут ты, Сергей Емельянович, кругом неправ...

— Неправ? Ну, допустим, неправ. Так я же и хотел у него узнать фактически — почему, в чем тут гвоздь?

— А вот послушай...

И Локтев, смахнув с лица добродушное выражение, коротко и ясно, как дважды два четыре, объяснил Логинову суть дела. Получалось, что Логинов избавлял себя от хлопот, а осенью втридорога заплатил бы за каждого теленка и, конечно, сдал бы его государству. Где же выгода? Между тем сейчас можно создать нагульные гурты и откормить молодняк на дешевых зеленых кормах.

— Сдаюсь. Вполне резонно, Иван Максимович, — шутливо поднимая вверх руки, сказал Логинов. — Я бы попросту прогорел на этих «варягах», ей-богу.

Удивляюсь, как я сам до этого не додумался. Сбили меня с панталыку старики, сознаюсь. Спасибо за урок, Иван Максимович, — обрадованно говорил он, забыв в эту минуту и о Самойлове, и о разговоре с ним.

— Уразумел, значит? — снова добродушно усмехаясь, сказал Локтев. — А то сперва гнул не попаривши, мог и дугу сломать. Посылать завтра Васюкова?

— Ну его к бесу, сами сообразим, что к чему...

IX

ПОСЛЕ бюро Логинов задержался в райкоме, поговорил с нужными людьми о своих неотложных нуждах. Заручившись обещаниями и дружески распрощавшись со знакомыми, Логинов буравом протиснулся сквозь толпу, бегом спустился со второго этажа и только на крыльце перевел дух. Час был поздний, и Логинов, вытерев платком покрытый испариной лоб, заспешил к перевозу.

Набережная уже обезлюдела, но на реке жизнь не замирала ни на минуту: там и тут сновали по водной глади юркие катера; звучно и трудолюбиво шлепал плицами приземистый желто-черный буксир, таща длинную связку плотов; из огромной баржи, притулившейся к берегу, грузчики споро выносили бумажные мешки с цементом. Да, жизнь шла своим чередом, и Логинов невольно прибавил шагу, вспомнив о многообразных и беспокойных делах, ждавших его дома.

Пассажиров на переправочном катере оказалось немного, и Логинов сразу заметил сидевшего в одиночестве на корме Мамонтова. Лицо его, мужественное, строгое, словно высеченное из цельного куска мореного дерева, было мрачно. На коленях — тощая, изрядно потерявшая, но все еще сохранившая прежний щеголеватый вид папка из красной кожи. Еще недавно прокурор Мамонтов ежедневно шел с этой же, только новенькой и туго набитой бумагами, папкой на службу. Уж не в память ли о прошлом не расставался с ней Мамонтов до сих пор?

Логинов давно знал Мамонтова и даже имел с ним как-то весьма неприятное объяснение по поводу падежа поросят. У него осталось о прокуроре мнение как о вдумчивом, но несколько суховатом человеке, предан-

ном своему долгу. Постепенно это мнение менялось, вернее — дополнялось новыми впечатлениями. Став председателем соседнего колхоза, Мамонтов не раз приезжал к Логинову, и у них установились хорошие, больше того — доверительные взаимоотношения. Да и перед кем же еще председатель колхоза мог отвести душу, поделиться своими радостями и горестями, как не перед таким же собратом по работе, которого волнуют те же осточертевшие, прикипевшие к сердцу вопросы?

Увидев Логинова, Мамонтов молча подвинулся, давая ему место рядом, молча достал из бокового кармана прокурорского, но уже без петлиц, пиджака пачку папирос, протянул ее Логинову.

— На катере же курить воспрещается, — сказал Логинов и вдруг озорно тряхнул головой. — Ладно, задымим, авось не заметят.

Пряча в ладонях огоньки папирос, они осторожно выпускали дымок, долго молчали. Потом Мамонтов спросил:

— У тебя на той стороне машины или лошади нет?

— На кой они черт? — оживился Логинов. — Ты смотри, вечер-то какой! Люблю пешком ходить. Для мозгов это полезно, имей в виду.

— Пожалуй... А и везет же этому Самойлову! — с неожиданным и каким-то веселым изумлением воскликнул обычно сдержанный Мамонтов и даже ладонью по папке хлопнул, словно найдя долго ускользавшую нужную мысль.

— То есть, как это — везет? В чем? — не понял Логинов.

— Ну как же! Гляди, что в природе-то делается, — улыбаясь, все с тем же детским изумлением заговорил Мамонтов. — Погодка держится, — ну прямо как по заказу. Лет пять такой не припомню. А что прошлой весной было, помнишь? Как зарядил дождь с первого мая, так и мочил нас, грешных, весь месяц с небольшими перерывами. Ты, к примеру, когда в прошлом году кончил сеять?

— Да, считай, в первых числах июня, будь он проклят...

— Вот я и говорю... И ведь как бились, по грязи сеяли, тракторы по ступицу засаживали, а все равно

на последнем месте в области плелись. Не представляю, как бы в этих условиях чувствовал себя Самойлов. Всем председателям головы поснимал бы, наверно. Уж ежели сейчас... Впрочем, черт его знает, он, пожалуй, и тогда заставил бы всех крутиться в два раза проворнее. Знаешь, мне нравится его напористость.

— Нравится? — недоверчиво переспросил Логинов. — А мне не совсем. Разная бывает напористость. А с севом, пожалуй, ему действительно повезло. В обкоме, наверно, сравнивают прошлогодние темпы с нынешними и думают: молодец Самойлов, хороший разбег берет. Значит, не ошиблись, когда рекомендовали в отстающий район... Может, и не ошиблись, это осень покажет. Но ежели Самойлов и дальше будет так же вожжи натягивать — толку будет мало. Да и шумит он пока с одними председателями, народ его почти не знает. Почему он, по-твоему, поставил твой отчет на бюро? Да потому, что хочет на других молодых председателей страху нагнать. Дескать, соображайте, почему фунт лиха. Ну, а я по опыту знаю: иные, которые послабее духом, действительно испугаются, махнут на все рукой и будут ждать, скоро ли их снимут. Сам-то ты не имел такой мыслишки там, на бюро?

— Нет, — твердо сказал Мамонтов. — Из колхоза я никуда не пойду. В конце концов, и райком — это не один Самойлов, а меня послала в колхоз партия. Я обязан сделать что-то полезное... и чувствую, что смогу сделать.

— Правильно, — кивнул Логинов. — Но, видишь ли, не все у нас рассуждают, как ты. И надо бы Самойлову это учитывать.

— Да... — раздумчиво проговорил Мамонтов, бросая окурок за борт. — Извини, я забыл поблагодарить тебя за заступничество. Спасибо.

— Не стоит. Был бы другой на твоём месте, я сказал бы то же самое.

— Он не из-за этого тебя вызывал?

— Представь себе, нет, — усмехнулся Логинов. — Вхожу — и он сразу с места в карьер: ты, такой-сякой, почему контрактованных телят на ферму не ставишь?.. Пробовал я объяснить — куда там! Спасибо Ивану Максимовичу, он растолковал. Так вот, я тебя и спрашиваю: мог со мной Самойлов по-человечески по-

говорить? Или это у него принцип такой — на каждого орать, чтобы, упаси боже, кто-нибудь в его твердости не усомнился?

— Скорей всего, он не хочет уподобиться Стешанову.

— Что ж, Стешанов... Стешанов был умный, грамотный секретарь, но слишком уж деликатный. Нужной твердости у него не было. Хватался за все, а главное упускал. Ну, а наш брат, известно, пользовался этим. Иные до того пораспоясались, что их бы впору из партии гнать, а они идут в райком и еще свои претензии предъявляют. Только в этом, по-моему, не одного Стешанова винить надо, а всех нас. Мы-то, слава богу, не на луне в то время проживали, чего же, спрашивается, молчали?

— Сам-то ты тоже помалкивал...

— Молчал, не отрицаю. Видел, кое-что понимал, а больше все-таки о самом себе пекся. Начальству, думал, виднее, а мне так-то спокойнее... Что ж, вперед наука... А Самойлову мы обязаны помочь.

— Помочь? Чем же?

— Работой, конечно. И критикой, ежели потребуется. — Логинов улыбнулся. — Так или иначе, столкнуться с ним придется. Да это не беда, была бы для дела польза...

Х

ПОСЛЕ поездки в поселок Катя как-то неестественно и вызывающе присмирела, работала истово, но не весело, словно повинность отбывала. Мстила ли она сама себе за удовольствие, которым воспользовалась самовольно и, по сути, за счет подруг, грустила ли о том, что было и так быстро кончилось, или хотела вызывающим смирением предупредить упреки девчат — Верочка так и не могла догадаться.

А они и не собирались ее упрекать. Катя приехала из поселка за полчаса до концерта и играла в тот вечер с блеском, завоевав симпатии молодежи. Сам Логинов отозвался о ее таланте с похвалой, а Марта Ивановна объявила Катю «самородком» и расцеловала ее «от имени восхищенных зрителей». Все могло быть забыто разом, и Катя уже собиралась представить Лене и Верочке свою поездку в самом забавном виде, но оказа-

лось, что ни той, ни другой на концерте не было. Это смутило и даже разозлило Катю. Встретились они уже дома, и только тогда Катя узнала, что эта сумасшедшая Верочка ездила-таки в поселок и там разыскивала ее, а Лена с Аней допоздна проработали на скотном дворе.

Рассказывать и объяснять, да еще в шутливом тоне, было не к чему. Лена вернулась необычно задумчивая, тихая, занятая чем-то своим. На ее странно помягчевшем лице блуждала растерянная улыбка, удивившая Катю, хотя ей в этот момент было не до чужих переживаний. А с Верочкой было еще хуже. Такой Катя ее еще не видела. Всегда такая предупредительная, ласковая, открытая, всех готовая примирить и утешить, Верочка, пристально оглядев обеих подруг большими, овальными, непривычно строгими глазами, коротко спросила:

— Хорошо прошел концерт, Катя?

В другое время она непременно назвала бы ее Катюшей, да и разговор после всего случившегося начала бы не с этого. Катя сразу это почувствовала, подумала неприязненно: «Как же, бригадирша, уж и нос задрала».

— Неплохо, — буркнула она вслух, разбирая постель.

Лена умылась, рассеянно полистала лежавшие на столике книги и незаметно вышла. Катя молча, с сердитым видом, укладывалась спать. Верочка сбросила пропыленную спортивную курточку, хотела снять шаровары, но раздумала и вдруг торопливо выскользнула из комнаты.

Лену она нашла на крыльце.

Обхватив колени длинными, удивительно белыми в сумерках руками, Лена сидела на верхней ступеньке и невидящими глазами смотрела куда-то вдаль, откуда все еще доносился разноголосый, приглушенный, с трудом угадываемый шум затихавшего праздничного вечера.

— Ты чего, Лена? — мягко спросила Верочка, осторожно присаживаясь рядом.

— Так, ничего, — безразлично ответила та. — Устала немного, дай, думаю, подышу свежим воздухом. Слышишь, поют...

— Скрытная ты, Лена, ничего у тебя не добьешься, — вздохнула Верочка и испуганно посмотрела на подругу — не обиделась ли.

— А мне и скрывать от тебя нечего, — просто сказала Лена, по-прежнему не поворачивая головы. — Что было, с тем кончено, а что будет — я и сама не знаю.

— Да что было-то, Лена? Если хорошее, зачем же кончать?

— Ни хорошее и ни плохое, а так... глупость одна. Да без этого, видно, не прожить. Я на два года тебя старше, а сколько глупостей успела наделать, если б ты знала...

— Да не ври ты на себя, Лена, когда же успеть-то было? И какие же могли быть глупости, раз ты такая хорошая? — воскликнула Верочка.

— Гм, хорошая, — усмехнулась невесело Лена. — Я Валерку тоже считала хорошим, лучше его для меня никого не было, а он... Да что говорить, пустое это все, старое, я уж зарок себе дала — не вспоминать.

— Ну и пусть, и не будем об этом, — с готовностью, однако не без внутреннего сожаления согласилась Верочка и снова вздохнула: вот и закрылась самая потаенная створка Лениной души, за которой спрятано ее прошлое. А может быть, это и к лучшему? Раз ей неприятно вспоминать, то и незачем беречь только что зажившее.

И все-таки Верочка не удержалась, спросила тихонько, будто их подслушивали:

— И писем теперь писать не будешь?

— Некому.

— А домой?

— Мама знает, где я, а отец у меня строгих правил, он даже видеть меня не захотел, когда узнал, что я с этим... с Валеркой... жила. Вот я и оказалась здесь.

— О! — только и смогла выговорить Верочка, страдая за подругу.

— Вот так, Верусь, — с каким-то облегчением сказала Лена и выпрямилась, подняв голову от колен. — Ну хватит. Что это на меня сегодня нашло? Катя легла?

— Ага, — печально кивнула Верочка.

— Не надо ей ничего говорить, и без того она как-то настропаленная...

Верочка не сразу поняла, о чем не надо говорить Кате — о том ли, что услышала сейчас от Лены, или об отлучке в поселок. Скорей всего, о том и другом. Но, вспомнив о Кате, Верочка встрепенулась.

— Ну, конечно, не надо, только бы она сама все как следует обдумала. Я Виктора там нашла — смеется: с коровами, говорит, там танцуете или как? Не надоело еще?.. Это ему, наверно, Катя пожаловалась. Ну трудно, так зачем же об этом Виктору говорить? Читала про нас в газете? Патриотками называют, за почин хвалят. Это же не шуточки...

— Какие там шутки, — отозвалась Лена, и в голове ее послышались прежние иронические нотки. — Рас-трезвонят, а потом моргай...

— Это зачем же нам моргать? — удивилась Верочка. — Перед кем?

— Ну мало ли перед кем... перед людьми, понятно. Ты что же, уверена, что выдержишь до конца?

— То есть, как это? А что же нам делать? Нет уж, будь что будет, а я выдержу. Иначе зачем же мы ехали?

— Ездили до нас, поедут и после нас... До конца, говоришь? А ты представляешь этот конец? Всю жизнь дояркой будешь? Согласись, что веселого тут мало.

— Лена, да ты о чем? — растерянно и громко спросила Верочка. — Не нравится тебе здесь? Уходить, что ли, надумала?

— Верно, Верусь, не нравится, только никуда я пока уходить не собираюсь, не беспокойся. И надумала бы, так уходить-то мне все равно некуда, — усмехнулась Лена и мягко обняла Верочку, зашептала ей в распушенные на затылке, пахнувшие дорожной пылью волосы: — Меня сегодня Осипов провожал, смешной такой, слова такие пышные, а сам пьяный. Он меня три часа ждал, пока я с коровами управилась, даже на концерт не пошел. Оказывается, Логинов его за что-то пропесочил, грозил от работы отстранить, вот он и разоткровенничался: давно, говорит, хотел отсюда уехать, а сейчас, дескать, не могу. В общем, в любви признался, а мне смешно. Проспится, и ему самому, небось, со-вестно будет...

— А может, и вправду — что у трезвого на уме, то у пьяного на языке? — улыбнулась Верочка, не зная,

радоваться или тревожиться за подругу. — То-то я давеча заметила — ты какая-то не такая пришла...

— Ну вот еще! Просто устала. Он же всякую чепуху нес, ты бы только послушала. Ладно, встречусь с ним, уж я посмеюсь. Пойдем спать.

— Пойдем. А Кате я все равно завтра выскажу...

— Ты бригадир, делай, как знаешь. Только зря ты волнуешься, никуда она не денется, самолюбие не позволит. Посмотрим лучше, что она сама заговорит...

— Да она теперь неделю молчать будет.

— Вот и хорошо. Хватит времени подумать...

Катя ждала упреков и готовилась их отразить, и это было бы для нее куда легче, чем молчаливое осуждение, которое она иногда ловила в глазах Верочки. Требовалось время, чтобы восстановить былую теплоту в их отношениях, и Катя замкнулась в себе, выжидая и злясь неизвестно на кого.

Дел на ферме прибавилось. Подоив и накормив утром коров, доярки выгоняли их в ближайший перелесок на пробившуюся первую травку — сначала на час-полтора, потом до полудня. Верочка, кроме того, по совету тети Паши, решила после вечерней дойки скашивать в оврагах и на косогорах буйно растущую там траву и задавать ее коровам на ночь. Решить-то решила, но тут встретилось препятствие, о котором Верочка не подумала: она не умела косить. В неудобных, поросших кустарником местах траву можно было взять только косой-горбушей, и Верочка храбро выбрала одну из них, валявшихся на чердаке скотного двора — на ее взгляд, самую легкую и удобную. Ничего не сказав девочкам (она сперва хотела попробовать сама, а затем уж уговорить их последовать ее примеру), Верочка отправилась в ближайший овраг. Там, особенно в самом низу, по обеим сторонам еще не высохшего ручейка, трава была на диво хороша.

Верочка, держа косу на отлете (боялась порезаться), бегом спустилась в овраг, выбрала место поровнее, поплевала на ладошки, судорожно ухватила за кривую, обтерханную множеством других ладоней рукоятку, несильно размахнулась и... угодила носком косы в землю. Трава даже и не шевельнулась. Еще раз — результат тот же. Верочка понимала, что надо косу направлять плашмя к земле, но боялась, что коса срикошетит и

ударит по ногам. Она пробовала и так и сяк, взмокла от напряжения, а перед ней лежали лишь жалкие, срезаемые с землей или по верхушкам пучки травы.

И Верочка сдалась: бросив косу, она опустилась на колени и принялась рвать траву руками. Рвала отчаянно, с ожесточением, с искаженным от усилий лицом, хотя и сознавала, что труд этот бесполезен и бессмыслен.

Но она рвала и рвала, словно наказывая себя за свою беспомощность.

— Эй, ты что тут делаешь? Цветочки собираешь, а? — услышала она над собой откровенно смеющийся, страшно знакомый голос Юрки Ивашкина и испуганно повернулась, покраснев до корней волос.

— Ну и цветочки... тебе какое дело?

— Да мне, понятно, дела никакого нет, собирай на здоровье, — ухмыльнулся Юрка, шмыгнув усыпанным крупными веснушками носом. — Ну-ка, пусти.

Он поднял косу, подкинул ее, поймал на лету правой рукой, неуловимо быстро подхватил рукоятку левой, вынес вперед одно плечо, размахнулся — и ровный пласт разнотравья полукружьем лег у Юркиных ног. Верочка, притаив дыхание, смотрела. Юрка прошел шагов десять, выпрямился, горделиво оперся о косу, как о шпагу, и дружески подмигнул.

— Вот как надо. Руки и тело держи свободно, не напрягайся, замах делай в наклоне, не сверху, а как бы сбоку, тогда коса сама правильно пойдет. Давай, попробуй...

Он отдал косу Верочке, сам встал сзади нее, показал, как надо браться за рукоятку. Прижимаясь к ней грудью, касаясь разгоряченной щекой ее волос, Юрка развернул Верочкины плечи, помог сделать замах и, отойдя, ободряюще сказал:

— Ты, главное, не бойся, коса тебя никогда не ударит, если даже и из рук вырвется. Это же такой закон механики. Ну, начали!

Верочка с силой опустила косу, лезвие тускло сверкнуло в траве и рванулось за спину так, что Верочка пошатнулась.

— Неплохо, — хмыкнул Юрка. — Только силы большой тут не надо. И наклоняйся чуть пониже. Вот так...

Он опять прижался к Верочке грудью, поправляя косу в ее руках. Но она не обиделась, даже не почувствовала его прикосновения — так бережно дотрагивался он до ее плеч и рук. Однако если бы она обернулась, то увидела бы, как изменилось Юркино лицо. Оно стало вдруг напряженным, потрескавшиеся губы вздрагивали, глаза устремлены не на косу, а на маленькую родинку, прилепившуюся у Верочки на шее, там, где кончались завитки волос. Юрка уже почти прикоснулся к ней губами и замер от страха, но тут Верочка сделала движение головой, и его губы еще раз скользнули по ее прохладной нежной коже пониже уха. Невольно отодвинувшись, Юрка пробормотал:

— Давай, сейчас у тебя получится...

Он обессиленно сел на траву и был рад, что Верочка — то ли смутившись, то ли делая вид, что ничего не заметила — не взглянула на него и сейчас же взмахнула косой. Все еще ощущая во всем теле легкую дрожь от пережитого, Юрка молча, исподлобья наблюдал за девушкой. Он случайно заметил Верочку, когда проезжал мимо оврага с возом жердей, но не спуститься сюда, к ней, было выше его сил. И не только потому, что, заметив, как она неумело орудует косой, хотел дружески помочь ей. Нет, его тянуло к Верочке нечто большее, чем дружба — да и подружиться-то они еще как следует не успели — но что именно, Юрка до сих пор и сам разобраться не мог. И вот теперь, когда он нечаянно поцеловал ее, а она не возмутилась, не обругала, не прогнала его, в душе Юрки словно что-то перевернулось. Едва придя в себя, он снова разволновался: а вдруг Верочка не заметила его поцелуя? Вдруг для нее это было не больше, чем укус комара? Вон сколько их тут кружится...

Юрка вскочил, подбежал к Верочке, грубовато буркнул:

— Дай-ка сюда косу, а то с непривычки так уломаешься, завтра рук не поднимешь.

— Нет, нет, Юра, ты посиди, я сама, — умоляюще сказала Верочка и благодарно взглянула на него. — У меня, и правда, немного получается уже, смотри...

Она легко и уверенно взмахнула косой, и новый пласт травы покорно распростерся перед ней. Овальные глаза Верочки торжествующе сияли.

— Здорово! А ты способная, я и не думал, — откровенно любуюсь ею и лаская ее взглядом, тихо проговорил Юрка. Она потупилась.

— Ты посиди пока, если не торопишься.

— Торопиться некуда...

Это ему-то было некуда торопиться! Наверху Юрку ждал воз жердей, жерди ждал Володя, огораживавший пастбище, и их обоих торопили Логинов и бригадир Бугров, потому что дополнительно людей на это дело они выделить пока не имели возможности, а работы было еще много. Но разве мог Юрка уйти, когда Верочка попросила его посидеть? И главное — она не сердилась за поцелуй. Черт воьми, как досадно, что она быстро научилась, он готов показывать ей еще и еще, и пусть бы она опять придумала какое-нибудь дело, которое не умела делать, а он бы умел...

Сидеть Юрка, конечно, не стал. Он бросился собирать накошенную траву и большими охапками выносил ее наверх. Умаявшись, Верочка бросила косу и, счастливая, смотрела, как Юрка — коренастый, черноволосый, веснушчатый, в пропотевшей и выцветшей футболке, обсыпанный травинками — проворно взбирается по откосу и, оборачиваясь, широко улыбается ей, хотя ему было неудобно оборачиваться с тяжелой ношей. И она тоже не могла сдерживать улыбки. А потом вспомнила: на чем же она повезет траву? Лошади Верочка не взяла, потому что не рассчитывала накосить столько, бежать за нею далеко, пробегаешь до ночи, придется оставить траву до утра. Жаль, но ничего не поделаешь. Но уж завтра она добьется, чтобы за фермой закрепили постоянную лошадь.

Юрка, спустившись к Верочке, спросил:

— Телега у тебя где? На скотном дворе?

— Нету телеги, Юра. Я ведь так, для пробы... Не знала, что ты поможешь. Придется до утра оставлять.

— Как же ты так? — подсадовал он и, увидев огорчение на ее лице, решительно проговорил: — Забирай тут, что есть, и тащи наверх. Я сейчас...

Он со всех ног побежал по оврагу к своей понуро стоявшей лошадке, мигом развязал воз, скинул на землю часть жердей и завернул подводу обратно. Гнал оторопевшую лошадь с лихим посвистом, сам бежал с ней рядом, размахивая вожжами.

Верочка ахнула, завидев подводу, но Юрка не дал ей времени на расспросы.

— Быстро, Вера, меня же там Володя с жердями ждет.

— Володя? — расширяя глаза, переспросила Верочка.

— Ну да, он, кто же еще? Вместе работаем. Клади, клади, я завяжу, у меня веревка есть... У нас твердое задание, сам Логинов дал, потому и вкальваем дотемна. Булавину, понятно, не нравится, он же по гудку привык, а у нас не так. Ненадежный парень, нудится чего-то, в сторону посматривает. Говорят, он в заключении был, верно?

Верочка покраснела.

— Не знаю, не слышала... А что?

— Да так, между прочим спросил... Хотя он мне, как секретарю, сам мог бы сказать. Как-никак, по комсомольской путевке приехал.

— Да зачем это нужно? — неизвестно отчего тревожась, спросила Верочка.

— Ну все-таки... Вчера после обеда на работу пьяный явился. С Осиповым Лешкой связался, а тот тоже от колхозного рыло воротит, выпендривается в своей фуражке. Ну все, поехали...

— Езжай, я догоню. Косу забыла взять, — спохватилась Верочка.

— Беги, я подожду, — терпеливо сказал Юрка.

Он присел возле телеги, смотрел, как она, подпрыгивая, быстро спускается наискось по склону. Серенькая юбчонка металась у нее вокруг оголенных икр, светлые волосы рассыпались и тоже подпрыгивали, обнажая знакомую родинку на шее. «А она крепкая, комары ей хоть бы что, — не без гордости подумал Юрка, вновь переживая свою недавнюю близость к девушке. — Знать бы, что у нее на уме... да ведь не спросишь так вот запросто...» Он подивился собственной робости: еще час тому назад он мог бы спросить Верочку о чем угодно, а теперь вот духу не хватает и вообще не сразу придумаешь, о чем с ней разговаривать.

Наконец, поехали. Юрка с беспечным видом помахивал вожжами, изредка посвистывал, а на самом деле был в полном смятении. Верочка шла рядом и, казалось, ни о чем не подозревала. Скотный двор был

уже в сотне метров, и Юрка незаметно попридержал шаг лошади.

— Нравится тебе у нас, Вера? — решившись, глухо спросил он.

— Ничего. В общем, не очень. Может, попривыкну, тогда...

— Должно понравиться, — убежденно проговорил Юрка. — У нас же колхоз один из лучших. Вот скоро электродойку устроят, будет тогда, как на фабрике: включил — выключил... Одна сто коров, а может и больше будешь обслуживать.

— Почему же именно я? — улыбнулась Верочка.

— Ты способная, сумеешь, — подбодрил ее Юрка. — Пойдешь еще завтра косить? Я опять жерди возить буду.

— Завтра я всех девчат с собой возьму. Только как их научить, ума не приложу. Я ведь и сама плохо еще умею.

— Захотят — научатся, — равнодушно сказал он, и глаза его разом потускнели. — Куда траву свалить?

— Вон к этим дверям. Спасибо тебе, Юра, ну, я не знаю, как тебя отблагодарить... Без тебя у меня ничего бы не вышло.

— Ерунда. Хочешь, я тебе покажу одно местечко, там трава — во! Пырейчик растет — прямо шелк.

— Конечно, хочу. Когда еще у вас пастбище готово будет, а коровам подкормка нужна.

— Ладно, я тебе скажу — когда. Не пожалеешь... — Он остановил лошадь и, нагнувшись, развязывая узел веревки, невнятно произнес: — Я, знаешь, для тебя что хочешь сделаю.

Верочка промолчала...

XI

ЕЩЕ не кончилась утренняя дойка, и девушки работали в разных концах скотного двора, но Юрку это не смутило. Он с порога громогласно и по возможности строго официальным тоном объявил:

— побыстрее заканчивайте, девчата, и в красный угол. Проведем небольшое собрание.

— Чего это спозаранку? Другого времени не нашел? — откликнулась Аня.

— Юра, бери-ка подойник, садись вон под Веснушку, живо управимся, — с вызовом сказала Катя, находившаяся к нему ближе всех.

Но Юрку не так-то просто было вывести из равновесия. Тем более в такой момент, когда он пришел на ферму по важному и неотложному «вопросу».

Сохранив на лице строгое, деловито озабоченное выражение, он не спеша шел по двору, с видом знатока осматривая коров, а на самом деле искал Верочку. Он увидел ее возле совершенно черной, зеркально лоснящейся крупной коровы, которую сразу же узнал — это была Змея (так ее по причине коварного нрава кто-то называл раньше, Верочка же обращалась к ней ласково — Змейка), в прошлом рекордистка, а в последние два года резко снизившая надой. Никто не знал, в чем тут дело, даже Марта Ивановна терялась в догадках, хотя и говорила, что Змейка не могла окончательно потерять своих былых качеств. Верочка обхаживала свою нравную корову, которой побаивались даже опытные доярки, с особенным старанием и приучила ее к себе. С каждым днем Змейка все охотнее отдавала молоко, становилась послушней, и не раз Верочке чудилось, что в огромных лиловых глазах Змейки выражалось совершенно человеческое чувство благодарности за лишнюю горсть муки или килограмм картошки. А когда Верочка мыла и чистила ее, Змейка, казалось, гордилась своей блестящей шерстью и мычала от удовольствия.

Юрка не без опаски похлопал по пузатому боку Змейки (та настороженно прижала уши и переступила с ноги на ногу), негромко сказал:

— Здравствуй, Вера. Скоро управишься?

— Сейчас. Еще вот Бедовую подою. Ты чего пришел?

— Забыла? Я же говорил вчера тебе...

— А! С Мартой Ивановной посоветовался?

— Ясное дело. Она бы сама пришла, да на третьей ферме ветеринарный осмотр. Вы, говорит, сами не маленькие, а я не хочу ничего вам навязывать... А потом, ты же знаешь, мне звонил из райкома Поповкин. Да я и сам запялся, видишь...

Он показал на пачку газет под мышкой, спросил, дотрагиваясь до Змейки:

— Сколько теперь дает?

— Вчера пятнадцать литров дала, подкормка помогла. Я же ей побольше подбрасываю.

— Она, чертовка рогатая, все двадцать может дать, ты не отступайся. Ну я пойду в красный уголок, там подожду.

В красном уголке, пристроенном в углу скотного двора, рядом с тамбуром, было чисто, по-девичьи уютно. Стены оклеены васильковыми обоями, над окошком — тюлевая занавеска, рядом — полка с книгами. Ими снабжала доярок сельская библиотека. Юрка с интересом просмотрел ежедневные показатели валового надоя молока, узнал, что Лена по-прежнему идет первой, а Верочка обогнала Аню и занимает второе место. «Дайте срок, Верочка всех обставит, уж я-то знаю. Она же до чертиков способная», — не без гордости подумал он.

Девчата освободились через полчаса. Быстрее всех кончила дойку Верочка, но она не пошла сразу в красный уголок, а выждала, пока освободится Лена. Пока они мыли руки, управились и Катя с Аней. При появлении девушек Юркино лицо, уже покрывшееся загаром, так что почти не было заметно веснушек, приняло то самое официальное выражение, с которым он объявляло собрании. Конечно, с Аней он бы не церемонился, Аня была «своя», деревенская, а с этими горожанками не так-то просто взять верный тон. Дай поблажку — потом тебя же и засмеют. В особенности стесняла Юрку Лена Прилуцкая — вроде бы и вежливая, и скромная, но как взглянет своими неулыбчивыми глазами, да еще этак искоса, словно бы посмеиваясь про себя, так у Юрки новая осечка: запнется, пошелестит газетами и лишь после досадной паузы поймает ускользнувшую нить речи.

А тут еще Верочка почему-то не поднимает глаз — наверно, стыдится его косноязычия. Нет, не так-то просто быть комсомольским секретарем, когда вот придется иметь дело с подобными приезжими. Они-то, небось, не таких секретарей видали...

— Вопрос у нас короткий, — без нужды хмуря черные брови, начал Юрка. — Агитировать вас нечего, газеты, небось, читаете, в курсе, так сказать...

— Ой, я давно не читала, что там стряслось? — округляя глаза, перебила Аня,

Катя улыбнулась, а Юрка строго посмотрел на Аню и продолжал:

— Вот тут пишут, — он развернул газету, — комсомольско-молодежные фермы вступают в соревнование, чтобы, значит, завоевать почетное звание ферм коммунистического труда. По-моему, ясно?

— Немножко, — усмехнулась Катя.

— А мы и так соревнуемся, — вставила Аня.

Юрка покосился на Лену и с досадой сказал:

— Вот и видно, что газет не читаешь. Вы же соревнуетесь только за литры, а тут речь идет о новом этапе, понимаешь? Чтоб, значит, и литры были, и друг дружке во всем помогать, и учиться всем, ну, словом, жить по-коммунистически. Чего же непонятного? Задача тут простая: надо вам всему колхозу примером быть. Чтоб на вас равнялись и пережитки разные бросали, повышали свою сознательность...

— А я сознательная, если у меня только шесть классов? — усомнилась Аня.

— В том-то и суть, что ты работаешь тут который год и дальше своего носа ничего не видишь, ничем не интересуешься. Даже в хор не записалась. Ну, а теперь тебе придется учиться, с шестью классами, понятно, далеко не уедешь.

— Да у тебя самого семилетка, выходит и тебе надо учиться, — простодушно сказала Аня.

Юрка поймал на себе изучающий взгляд Лены, свернул зачем-то в трубку газету, хрипловато ответил:

— Ясное дело, буду учиться, а ты как думала? У меня уж и учебники за восьмой класс есть... Давай-те, товарищи, обсуждать конкретно.

Катя пожала плечами:

— Обо всем этом я, конечно, читала, но, по-моему, мы еще не доросли до такого соревнования. Я понимаю так, что тут надо быть без сучка и задоринки, ну, как святые все равно, а мы же не в монастыре живем...

Юрка не успел собраться с мыслями, чтобы дать достойный ответ, как поднялась Верочка. И опять ни Юрка, ни Катя не узнали ее — такая она была в эту минуту взволнованная и собранная, то стеснительно мямлявшая в тонких пальцах поясok белого халата, то смело, убеждающе глядевшая в глаза притихшим подругам.

— Верно, Катя, не в монастыре мы живем, а на широком белом свете — нас отовсюду видно, и мы должны далеко глядеть. Такими, какие мы есть, в коммунизм, пожалуй, и неловко входить. Святыми мы, конечно, не собираемся быть, а почему же это ты за сучки да задоринки цепляешься? Разные они бывают, сучки... с гнильцой, а то и вовсе гнилые. Зацепишься да и сорвешься ненароком. А бояться тут нечего. Чем мы хуже других? Верно, до коммунистического звания не доросли, так давайте за это звание бороться. Не назад же нам идти... Ну работаем вроде прилично, а ведь можно и лучше. Помогать друг другу в беде и горести — разве это плохо? И учиться надо. Пока мы, если правду сказать, вслепую работаем, а это же целая наука — животноводство. Я осенью обязательно на зоотехника поступлю, на заочное отделение. Марта Ивановна обещала помочь подготовиться. Она и другим не откажет, было бы у нас самих желание. Вот я и думаю, что мы возьмем такое обязательство, чтоб звание заслужить...

— А это обязательно на бумаге? — кисло спросила Катя.

Верочка посмотрела на Юрку. Тот кивнул, солидно добавил:

— Конечно, на бумаге, чтоб ответственность чувствовать. Из райкома звонили, просили ваше обязательство прислать. Может, и в газету поместят.

— Ну это уж лишнее, — опять поморщилась Катя.

— Вопрос не в том, поместят или не поместят, — заметила Лена, до этого упорно молчавшая, — давайте решать главное: выдержим мы или не выдержим? Если не выдержим, тогда и браться не стоит.

— Смотря что запишем, — пожалала Катя плечами.

— Как что? Во-первых, работать еще лучше, применять все новое, потом — всем учиться, во всем, ну совершенно во всем, — Верочка подкрепила эти слова выразительным жестом, — помогать друг другу, выполнять все общественные поручения...

— И насчет пережитков... — вставил Юрка.

— Да какие же у нас пережитки? — рассмеялась Катя. — Я, к примеру, ничего такого не переживаю.

— Ну все-таки, — смутился Юрка. — Вдруг заразишься чем-нибудь. Прическу, скажем, наподобие во-

роньего гнезда сделаешь или брючки-трубочки наденешь...

Тут уж расхохотались все, так что Юрка, собиравшийся развить свою мысль, махнул рукой и оскорбленно сказал:

— Можно бы смешки до другого раза оставить, не маленькие.

— Ох, уморил! — заливалась Катя. — Значит, на счет причесок и брючек тоже записывать, а?

Утихомирились не скоро. Договорились, что Аня поступит в седьмой класс, Лена и Катя решили закончить среднюю школу и получить аттестат зрелости. На зоотехника учиться они отказались, почему — объяснять не стали. У каждой были какие-то свои расчеты.

Юрка в их споры уже не вмешивался. Он старательно записал немногочисленные пункты обязательства на тетрадном листке, пообещал сегодня же заказать местному художнику соответствующий плакат и вывесить его в клубе.

— А себе вы сами оформите, я хорошей бумаги достану, — сказал он на прощанье.

— Да уж постарайся, Юрочка, — насмешливо попросила Катя. — Ты нас втянул в это дело, тебе за нас и отвечать.

Юрка не удостоил ее даже взглядом, чувствовал — свяжись с ней, черт знает до чего можно договориться. У него тоже нервы не железные. К тому же он спешил на работу.

«Вот же заноза, задается, что техникум окончила, на сцене играет, — думал Юрка, шагая лугом к реке, где начинались первые клетки культурного пастбища. — Подумаешь, интеллигенция! Ну ей-то я еще докажу, пусть утрется... А Верочка правильно сказала, что нас отовсюду видно. Она-то понимает свою общественную должность. И Лена, по-моему, понимает, только молчит до поры, до времени. Такой уж у нее, видать, характер. Мне за них, конечно, отвечать трудно, но уж на попятную я им не дам пойти, даром что у меня семилетка...»

Пастбище тянулось по прибрежной пойме километра на три. Всего в нем намечалось выгородить двадцать две клетки примерно по два гектара каждая. Пока стадо после полутора-двух суток пастьбы все

дальше удалялось к последней клетке, в первых трава отрастала снова. Вся поймана ранней весной была подсеяна и подкормлена удобрениями с самолета, а клетки имели выход к реке, так что Юрка, понимавший толк в этих делах, справедливо называл это пастбище «мировым». В знойные часы скот мог укрыться в прибрежном кустарнике.

Уж не потому ли Юрка с такой охотой согласился на предложение Марты Ивановны пойти на лето в пастухи? Впрочем, пастух теперь именовался необычно — «рабочий на пастбище», и это в какой-то мере льстило Юркиному самолюбию. Но главное было не в этом. Марта Ивановна объяснила суть дела так: раз ферма комсомольско-молодежная, то и пастух должен быть комсомолец, а если он еще и комсомольский секретарь, то тут уж успех будет наверняка обеспечен. Юрка скромно согласился с нею, но, конечно, скрыл истинную причину внутреннего удовлетворения. Не мог же он вот так прямо сказать Марте Ивановне, что любит Верочку!

В том, что он ее любит, Юрка теперь не сомневался. Он видел ее во сне, постоянно думал о ней, искал встреч, а очутившись наедине с ней, молча страдал. Верочка, казалось, не замечала его переживаний. Она была с ним дружелюбна и даже предупредительна, но ничего такого, что хотя бы отдаленно говорило об ответном чувстве, в ее словах и поведении не было. А ведь он тогда определенно поцеловал ее, и она не рассердилась! Потом они еще дважды ходили косить траву, и Юрка, правда, не очень-то членораздельно, признался, как он к ней относится, и опять Верочка промолчала. Юрка мучился в догадках, но надежды не терял. Наверно, Верочка испытывает его... Да, конечно, так оно и есть, у них ведь все это бывает иначе, чем у парней, а он... что ж, он подождет, терпения у него хватит и выдержки тоже. Вот выйдет стадо на пастбище, и тогда Верочку можно будет видеть каждый день. Наступит время, и она все поймет...

Юрка проходил одну клетку за другой и невольно любовался делом своих рук, — изгородь была поставлена на совесть, прочно и даже изящно, сам дед Никифор их похвалил. А им с Володией и нельзя было работать спустя рукава: бригадир Бугров сначала хотел

поставить на изгородь стариков, не надеялся на ребят, и вот они доказали ему. Старики по давнишней привычке навтыкали бы колья кое-как, лишь бы ветер не уронил, получили бы денежки, а потом отремонтируй все лето, трать снова средства. Для Юрки же это дело было внове и, как всякое новое дело, пусть и не очень сложное, потребовало особой старательности. Зато Юрка мог дать гарантию, что изгородь не шелохнется до будущего года.

Володя приспособился не сразу, но и постигнув нехитрую «технологию», работал без особого энтузиазма. Видать, не очень-то радовала его новая «специальность», и если в последние дни он трудился не считаясь со временем, то, очевидно, по той причине, что торопился поскорее покончить с этим...

Сейчас он лежал на траве, курил и смотрел на ватно-белые, пронизываемые солнечными лучами перистые облака, неподвижно застывшие в недоступной вышине. Рядом валялись заостренные колья. Ими осталось огородить последнюю клетку.

— Пришлось задержаться, собрание на ферме проводил, — сказал на всякий случай Юрка, хотя и знал, что Володю обычно не интересовали причины опозданий. — Решили ваши девчата работать и жить по-коммунистически.

— А! — протянул Володя, не отрываясь от созерцания облаков. — А до этого они по-какому работали?

— Учиться теперь будут...

— А что им это даст? При коровах и без образования можно обойтись, хлопот меньше, — с явной издевкой сказал Володя и, повернувшись на бок, насмешливо глянул на Юрку. — Не ты их сагитировал, товарищ секретарь? Интересно бы посмотреть, какой у тебя там сурьезный вид был.

— Да уж не такой дурацкий, как у тебя сейчас, — огрызнулся Юрка. — Мне их и агитировать не пришлось, Верочка убедила.

— Верочка? Помнится, ты еще недавно ее Аникеевой называл. А она тебя как — Юрочка, да? Вот младенчики, прямо залюбуешься!

Юрка чуть не задохнулся от обиды и злости.

— Ты что, пьян? Ты мне брось старые замашки, понятно?

— Ага, разведал? Тогда запомни: был бы ты со мной в колонии, я бы с тобой и слов тратить не стал. А сейчас рук марасть не хочу. Честненьким прикидываешься, а свинью товарищу подложить, небось, недорого возьмешь...

Страшное подозрение огнем обожгло Юрку, и он тише, но все еще запальчиво спросил:

— Какую свинью? Что ты мелешь?

— Ладно, ладно, закройся, — презрительно кривя губы, процедил Володя; он рывком поднялся с земли, расправил плечи, насивистывая, пошел к изгороди. Юра ненавидяще смотрел ему в спину, пытался унять дрожь в руках.

«Сволочь! Если бы это было правда, Верочка сказала бы. Запугать вздумал. Черта с два, не на таковского напал. Пускай Верочка сама рассудит, кто ей люб...»

ХII

СЕВ зерновых и льна колхоз закончил 14 мая — не бывало ранний срок для здешних мест.

Настал день, когда Логинов объявил Марте Ивановне:

— Ну-с, теперь можно и открыть тебе мою заветную идею. В следующее воскресенье устроим праздник по случаю завершения сева, понимаешь? Колхоз у нас большой, люди из дальних бригад месяцами не встречаются друг с другом — так вот, пусть они сойдутся вместе, почувствуют, какую они представляют огромную силу. Имей в виду, до войны такие праздники были традицией. Грамоты и премии вручим передовикам при всем народе. Пригласим гостей. Подготовим концерт. Что еще? Ну расскажем колхозникам о перспективах. Ты как?

«Идея» Марте Ивановне понравилась.

— Правильно. Организуем все не хуже, чем в районном Доме культуры.

Логинов потер сухой загорелой ладонью лоб, задумчиво проговорил:

— Есть тут одна загвоздка: неизвестно, как в райкоме к этому отнесутся. Придется их предупредить.

— Это почему же неизвестно? — удивилась Марта Ивановна. — Какой же сумасшедший станет возражать,

коли праздник заслуженный? Дело-то сделано большое, факт?

— Да, конечно, — кивнул Логинов. — Я вот давеча задумался: только ли в хорошей погоде причина? Нет, по-моему, хотя погода и помогла... Люди другими стали. Хорошие вёсны и прежде бывали, а такого подъема не чувствовалось... Чем ты это объясняешь, Марта?

Марта Ивановна посмотрела на председателя с некоторым недоумением. Неужели ему не ясно? Ее отношение к Логинову было странно двойственным, временами она испытывала к нему нежность, временами ненавидела, но никогда в душе не была равнодушной. Да, подчас они бывали резкими друг к другу, потому что привыкли прямо высказывать неприятные вещи, но от этого их взаимное уважение только крепло. Марта Ивановна дорого бы дала за то, чтобы Логинов был свободным, но на его семейную жизнь, какой бы она ни была, Марта Ивановна не собиралась посягать. Она уверяла себя, будто ей достаточно и того, что Логинов рядом...

Она знала его историю, он сам рассказал ей все. Нет, он не по собственному желанию пришел в колхоз в 1954 году, вскоре после сентябрьского Пленума ЦК. Так уж сложились обстоятельства... В то время Логинов заведовал орготделом райкома. Тогдашний первый секретарь с первых дней не взлюбил Сергея Емельяновича за строптивость и прямоту и по всякому поводу придирался к нему, упрекал за малейший промах. В конце концов Логинов не выдержал и заявил: «Как видно, мы не сработаемся. Переведите меня в инструкторы или в другое место». — «Я уже думал об этом, — холодно сказал секретарь. — Почему бы вам не показать пример и не поехать в деревню? Или боитесь, что и там не справитесь?»

Сгоряча Логинов тут же дал согласие. Секретарь через год уехал на учебу, а Логинов так и остался в колхозе. Правда, он пытался уйти, однако новый секретарь, Степанов, убедил его, что бросать хорошо начатое дело не годится. Логинов и сам почувствовал это. Со Степановым было легко работать, он был обаятельным человеком. Быстро сходился с людьми, умел ободрить в трудную минуту, соглашался с дельными советами. По-видимому, эти-то человеческие качества

и помешали многим разглядеть недостатки Стешанова как руководителя. На первый взгляд, было как будто все: собрания и совещания, обязательства и призывы, а подъема не наступало, обязательства не выполнялись — о них к концу года попросту забывали, потому, наверно, что подходило время брать новые обязательства. И брали. Брали охотно, соглашались с любыми цифрами — знали, что так надо.

На третий год председательствования Логинов неожиданно для себя оказался в фаворе у райкома. На всех собраниях и совещаниях, как только заходила речь о животноводстве, неизменно ссылались на колхоз имени Ильича, ставили его в пример. Действительно, Логинову удалось за это время почти вдвое поднять надои молока, однако сам он считал, что это ничего не значило. Во-первых, начинал-то он с крайне низкого показателя, а это, конечно, легче, чем подниматься хотя бы со среднего уровня, достигнутого районом; во-вторых, многие возможности для роста все еще не были использованы. Преждевременные славословия страшно раздражали Логинова, но прекратить их он не мог. В конце концов райкому необходимо было иметь хотя бы один колхоз, который бы постоянно фигурировал в областных сводках.

Таких «передовиков», но уже по другим отраслям, насчитывалось еще несколько. Колхоз «Красный луч», например, славился высокими урожаями льна, «Строитель» — семеноводством, «Большевик» — новым строительством. При случае их хвалили так же, как и Логинова, и умалчивали о том, что эти колхозы проваливали остальные дела.

Вот почему Логинова ничуть не огорчило, когда после укрупнения, уже при Самойлове, колхоз резко снизил показатели по молоку и оказался где-то в середине районной сводки. Так оно и должно было случиться: ведь бывшие соседи Логинова, с которыми он объединился, как раз и «славились» мизерными надоями. Больше всех расстраивалась Марта Ивановна. Логинов с присущим ему оптимизмом и некоторой самоуверенностью убедил ее, что теперь-то они и развернутся по настоящему. Раз у нас есть хорошие фермы, говорил он, нет ничего проще подтянуть отстающие, тем более в одном хозяйстве...

Об этом и еще о многом вспомнила Марта Ивановна, когда Логинов спросил ее, чем она объясняет тот факт, что люди в эту весну стали какими-то другими. Его неожиданный и, как ей показалось в первую минуту, наивный вопрос заставил, однако, Марту Ивановну надолго задуматься.

— Чем я объясняю? — повторила она и сощурила темные глаза, словно всматривалась в далекую даль, вдруг открывшуюся перед ней. — Тем и объясняю, что время такое подошло... необыкновенное. Вся страна на великом подъеме, в большом пути. Будто новые крылья у народа выросли. Мы вот свой семилетний план утвердили — разве ж это не радует? Да я сама переживаю бог знает что, будто молоденькая, а другие, думаешь, хуже нас видят и чувствуют? Взять хоть моих девчат...

— Твои девчата молодцы, я, признаться, не ожидал, что они так азартно возьмутся за работу. Да, решено: праздник мы обязательно проведем. Кого же приглашать будем?

— Соседей, шефов наших...

— Это само собой. Из района кто-нибудь непременно должен быть, но — кто? Эх, Самойлова бы сюда затащить, да боюсь я ему звонить, ей-богу. Сев же в районе еще не закончен, как бы он вместо поздравления нахлобучку не устроил. Обрадовались прежде времени, скажет...

— Ну это ты зря, Сергей, — возразила Марта Ивановна. — Самойлов, по-моему, не из таких. Пойдем-ка в сельсовет.

В сельсовете был телефон. Логинов пошел туда с видимой неохотой. Он доказывал Марте Ивановне, что лучше позвонить накануне праздника, поставить секретаря, так сказать, перед совершившимся фактом, а она упрекала его в трусости и наконец заявила, что сама позвонит в райком. Логинов, посмеиваясь, с удовольствием уступил ей столь щекотливую миссию.

В сельсовете сидела одна секретарша, синеекая девчонка с необыкновенно толстыми косами, от скуки рисовавшая на бланке отчетности остроносую ракету, устремленную ввысь. Марта Ивановна решительно подошла к настенному телефону и энергично принялась крутить ручку, а Логинов уселся на обшарпанный посетителями диван и неспешно закурил. Он знал, что

вызвать город не так-то просто, к тому же было маловероятно, что Самойлов в этот час находится в райкоме.

Однако Марту Ивановну не смущали подобные осложнения. Она потребовала у остальных абонентов освободить линию и вскоре связалась с телефонной станцией. Логинов придвинулся поближе, зачем-то прикрыл отворенное окно. Марта Ивановна, прильнув к трубке, вдруг озорно подмигнула ему и торопливо, незаметно для себя повышая голос, почти закричала:

— Алло! Алло! Это говорит секретарь парторганизации колхоза имени Ильича. Здравствуйте. Семен Михайлович... Нет, почему же, дела идут хорошо, сегодня закончили посадку кукурузы... Да... А в воскресенье у нас состоится праздник. Приглашаем и вас. Семен Михайлович... Да, да, ждем, обязательно приезжайте... Как? Да нет, никаких литавров не будет, мы же понимаем. Почему же зря? Логинов тут ни при чем, решало правление. Это неправда, мы... Значит, не сможете?... Да уж расценивайте как хотите, а праздник мы не можем отменить..

Обескураженная, пунцовая от обиды (когда она краснела, ее смуглое лицо становилось по-девичьи молодым и прекрасным), Марта Ивановна со звоном повесила трубку.

Логинов, откинувшись на спинку дивана, беззвучно хохотал.

— А все-таки праздник мы проведем. Правление, конечно, нас поддержит. — упрямо, но уже без прежнего энтузиазма сказала Марта Ивановна. — Всю ответственность я беру на себя.

— Даже? Смотри ты, какая храбрая, а я и не знал. — усмехнулся Логинов. — А кто говорит об ответственности? Самойлов?

— А то кто же? Он хотя прямо и не запретил, но я же понимаю... Говорит, что всякие празднества преждевременны, никаких успехов пока не видно и что это лишь дезорганизует людей. Словом, надо заниматься делом, вести уход за посевами, закладывать силос, а не предаваться телячьим восторгам.

— Понятно, — смахнув с лица улыбку, сказал Логинов. — Я так и думал. Но, черт возьми, кто-то из районного начальства должен быть на празднике! Не тай-

ком же нам его проводить. Ладно, сейчас я попробую связаться с Локтевым.

Он снял трубку. Ему удивительно повезло: председатель райисполкома оказался на месте. Логинов коротко передал ему разговор Марты Ивановны с Самойловым и сообщил, что праздник все-таки состоится.

Как видно, Иван Максимович колебался, он трижды раздумчиво протянул: «М-да, проблема...» Логинов загорячился:

— Никакой проблемы тут нет, Иван Максимович. Напрасно кое-кто думает, что мы собираемся пустить пыль в глаза. Ерунда это. Именно потому, что мы трезво учитываем обстановку и предстоящие трудности, мы и хотим дать людям зарядку. Они должны почувствовать, что способны на большее. Никаких телячьих восторгов. Мы же, слава богу, не дети, незачем по всякому поводу дергать нас за веревочку...

— Ладно, не трать зря пороху, — перебил вдруг Локтев. — Я приеду...

* * *

Как и предполагал Логинов, праздник прошел весело и, кажется, с пользой для дела. Можно было бы, конечно, просто созвать собрание так называемого «колхозного актива», с докладом и прениями, с одними и теми же выступающими, но колхозники так и остались бы в стороне. Совсем иное настроение царило на празднике. На нем каждый чувствовал себя не только почетным гостем, а и хозяином, нужным человеком. Поди, узнай, кто здесь «активист», а кто нет. Всё было одно целое, имя которому — колхоз имени Ильича.

Просторный клуб, украшенный лозунгами и плакатами, до отказа заполнили полеводы, работники ферм, гости и главные герои торжества — механизаторы. Женщины — в нарядных платьях, мужчины — в новых костюмах, некоторые при галстуках, так что много тракториста, много дней не снимавшего с плеч промасленного ватника, не сразу узнаешь в принаряженной, сдержанно гомонившей толпе. Пришли из ближних и дальних деревень, явились даже те, кто раньше по старости или равнодушию вообще не посещал собраний. Пришлось распахнуть все окна, чтобы опоздавшие могли видеть и слышать то, что происходило в зале. Как

водится, перед началом торжественной части молодежь пела и танцевала под баян, а пожилые стояли кучками поодаль, чинно переговаривались, вспоминали собственную далекую молодость.

В одной из групп Никифор Савельич, оглаживая новехонькую синюю, с белым витым пояском, рубаху, говорил:

— Глядите, сколько много народу собралось — сила! Давно бы соединиться надо было, а то ковырялись порознь, утешали себя: у нас худо, а у соседей, мол, еще хуже, пускай оно так и идет. А теперь не то... Он уж тебе не просто сосед, а свой, и ты его в нужде не покидай. С севом-то вон как управились, дай бог... Ну, а сегодня и поплясать, и выпить можно.

— Ты, Никифор Савельич, с этим потерпи, тебе же грамоту вручать будут, — предупредил бригадир первой комплексной бригады Василий Бугров, тоже принарядившийся и чувствовавший себя в новой одежде стесненно, словно был вовсе раздетый.

— Ты меня не учи, я время знаю, — усмехнулся Никифор. — Грамоту я не упущу, горбом она заработана да ногами. Тебе такого инспектора, как я, больше не найти. Прикорну, бывало, на часок, и то мне этот стервец Алешка Осипов из ума не лезет: а ну, опять прошляпит? Вот как!

— О чем речь, зря бы грамоту не присудили.

— А может, и премия какая выйдет, а? — понизив голос, полюбопытствовал Никифор. — Логинов давеча вроде намекал...

— Чего не знаю, того не знаю, — уклончиво ответил бригадир. — На правлении больше о трактористах разговор шел, а про тебя не упомяну. Может, потом Логинов передумал.

— Ну ясное дело, трактористам вся слава досталась, а только, я тебе скажу, и за ними ох какой догляд требовался. Тоже, брат, и они не без грешков. Ну да Логинов про это знает, он не промахнется, кому премию дать, а кому отказать. Я-то с ним неотвязно всю посевную промаячил, думаешь, это для меня, старика, легко было?

— Наверно, дадут и тебе премию, до срока-то не расстраивайся, — утешил Никифора Бугров, но в голосе его не было уверенности.

Народ повалил в клуб, и Никифор, спохватившись, с немалым трудом пробился в первые ряды. Впрочем, уже было известно, что ему будут вручать грамоту, и люди охотно пропускали старика вперед.

Логинов подвел итоги сева, назвал передовиков, на которых следует равняться и в дальнейшем, рассказал о ближайших неотложных задачах. Потом началось самое интересное и волнующее — вручение почетных грамот и премий. Присутствие председателя райисполкома придавало этому событию отпечаток особой торжественности. Люди выходили на сцену, смущенные всеобщим вниманием, не зная, куда девать руки, что и как сказать. Одни чуть не шепотом говорили «спасибо» одному Логинову, вручавшему грамоты и благодарившему за хорошую работу, другие кланялись президиуму, третьи, посмелее, обращались с краткой речью в зал. Говорили нескладно, с запинками, зато от души. Всех их провожали шумными хлопками, одобрительными возгласами, иногда крепкой шуткой.

Деду Никифору вместе с грамотой Логинов вручил бумажный сверток, перевязанный крест-накрест узкой красной ленточкой. Хотя дед не одного только Бугрова убеждал, что уж он-то честно заработал себе премию, в душе сомневался, в самом ли деле заслужил ее. Да и в правлении народ заседает разный: могли отказать старику.

Он взял сверток из рук Логинова как нечто должное и само собой разумеющееся, с достоинством поклонился, хотел переложить подарок в левую руку, державшую грамоту, но то ли от волнения, то ли в спешке уронил сверток на пол. Однако даже в такой критический момент нимало не сконфузился и сохранил полнейшее самообладание. Возникший было в зале смехок разом оборвался. Логинов поднял сверток, сказал:

— Вот, держи, Никифор Савельич, и будь в дальнейшем таким же боевым стариком, на зависть некоторым из молодых. Премия невелика, да не в ней суть — честь дороже. От имени всех колхозников первой бригады благодарю за помощь на весеннем севе.

— Ну и тебе спасибо, что отметил старика, — с чувством ответил приободрившийся Никифор. — А насчет премии не сомневайся, я ее, конечно, отработаю.

Что подарок уронил — это пустяки, лишь бы дело из рук не валилось. Верно я говорю?

— Правильно, Никифор Савельич! — весело сказал Логинов и первый захлопал в ладоши.

В заключение с кратким приветствием выступил Иван Максимович Локтев. Когда он ехал сюда, то думал, что ему предстоит несколько «срезать» пафос праздника, предостеречь Логинова и колхозников от зазнайства и шапкозакидательства, но сейчас Локтев понял, что это лишнее. Никакого зазнайства ни в докладе, ни в речах он не обнаружил. Празднуя первую победу, люди ни на минуту не забывали о начинающихся завтра буднях.

А потом самодетельные артисты дали большой концерт, и даже Локтев, оставшийся в зале из уважения к гостеприимным хозяевам «на десять минут», так увлекся, что просидел до самого конца.

— Ну вот и опоздал! — сокрушенно говорил он Логинову, торопясь после концерта к машине. — Велено быть дома к шести часам, а сейчас уж восемь.

— Семь бед — один ответ, — рассмеялся Логинов. — Пойдемте ко мне, свежей ухой угощу.

— Нет, нет, и не соблазняй, пожалуйста, — потряс облысевшей головой Иван Максимович. — У меня там племянник в гости приехал, ждет, а от тебя, я знаю, скоро не вырвешься. Давай уж до следующего раза.

— Что ж, коли племянник — не настаиваю. Ну как концерт, Иван Максимович? Наши артисты хотят знать мнение председателя райисполкома. Только напрямки, положи руку на сердце...

— Да чудесный же концерт, ей-богу, — и в самом деле прижав руку к сердцу, сказал Локтев. — И вообще все замечательно прошло, напрасно Самойлов язвил.

— Вы говорили с ним?

— А ты думаешь, нет? Дело вчерашнее, покаюсь: схитрил я перед Семеном Михалычем. Захожу к нему, только рот раскрыл о нашем с тобой разговоре, а он... ну, ты знаешь его характер... брови сцепил, спрашивает: «Что еще Логинов выдумал? Какой праздник, ради чего? Растрезвонит на весь район, а осенью в лужу сядет». Позвольте, говорю ему, тут какое-то недоразумение. Кто вам сказал о празднике? Ах, Репина!

Так она же неправильно выразилась. Обыкновенное собрание об очередных задачах, и я лично, говорю, намерен на нем присутствовать, чтобы обрисовать обстановку... Ладно, говорит, поезжайте, и чтоб на будущей неделе начинали косить травы на силос. Вот так, брат, и договорились.

— К чему же было хитрить, Иван Максимович? — недовольно сказал Логинов. — Вы же видели, как народ настроен.

— Видел, знаю. Пожалуй, не стоило мне выкручиваться, по-детски как-то получилось. А теперь я и другим председателям буду рекомендовать такие праздники провести. Косить-то когда начнешь?

Логинов ждал этого вопроса. Перед кем другим он, может, и схитрил бы, а Локтеву ответил прямо:

— С этим придется погодить. Дождей-то весь месяц не было. Трава и в низинках еще худо подалась. Какой же резон верхушки снимать?

— Пожалуй, ты прав, — вздохнул Локтев. — Но и ждать милости у бога тоже не резон. Сейчас каждый день дорог. Сам понимаешь, тянуть с этим до массового сенокоса нельзя.

— Понимаю, Иван Максимович. Однако и спешить без оглядки не хочу.

— Ну-ну... Ты хозяин, тебе виднее. Будь здоров.

— Всего доброго...

ХІІІ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО девчат было опубликовано в газете и получило широкий отклик. К тому времени по путевкам райкома комсомола в колхозах уже работало около трехсот юношей и девушек, и многие из них с энтузиазмом включались в соревнование за коммунистическое отношение к труду. Верочка получила до десятка писем от молодых животноводов, в которых они делились своими первыми радостями или невзгодами, спрашивали совета, интересовались, сколько Верочка и ее подруги зарабатывают.

Письма убедили Верочку, что их почин и все, что они здесь делают и могут сделать, — это не только их частное дело. Они оказались на виду у всего района, их теперь знали, за ними следили, на них равнялись. Впервые в жизни груз ответственности всей тяжестью

лег на хрупкие плечи Верочки, и если большинство людей этого не замечало, то сама она чувствовала, что взрослеет с каждым днем.

Вскоре к ним приехал корреспондент районной газеты. Весь день он ни на шаг не отставал от девчат — пошел с ними на утреннюю дойку на пастбище, побывал на квартире, и они угостили его немудреным обедом, заглянул в красный уголок на скотном дворе и, ни на минуту не умолкая, расспрашивал, расспрашивал... Лена по обыкновению отмалчивалась, Верочка отвечала на вопросы по обязанности, вежливо и сдержанно, Катю же все это страшно забавляло, и она болтала и дурачилась до изнеможения. Корреспондент был молодой и, видать, веселый парень, он быстро нашел верный тон и шутил с Катей непринужденно, словно был знаком с нею давно.

А через пару дней они вместе читали в газете большой очерк «Счастье трудных дорог». Верочка боялась, что дотошный и веселый корреспондент, наслушавшись не в меру хвастливых и легкомысленных шуточек Кати, напишет о них в столь же игривом тоне, представит все в розовых красках, приукрасит самые пустяковые факты и фактики — читайте, мол, и умиляйтесь, какие они герои, как здорово у них получается. А ведь если вдуматься, они еще ничего такого не сделали и вряд ли сделают — просто будут работать, как работают сотни и тысячи других доярок. О чем тут писать?

Все-таки Верочке любопытно было поглядеть на себя как бы со стороны: что же они такое представляют в глазах других людей? Корреспондент начал издавка — с того, как у них созрело решение поехать в колхоз. По его словам, инициатором была Вера Аникеева. («Ну, конечно, это ему Катя наболтала», — раздраженно подумала Верочка). Затем описывалась их поездка на пленум райкома, выступление Кати, первые дни в колхозе.

«Все оказалось не так-то просто, — писал дальше автор. — Начать с того, что их не поставили сразу на группы коров, а заставили убирать навоз, подносить корма, приглядываться к старым дояркам. Это было нелегко и вовсе не почетно. Дойти они не умели. К концу дня болели поясница, руки, падало настроение, в голову лезли предательские мысли: стоило ли ехать

сюда? Ведь на льнокомбинате было и легче, и веселее, и зарабатывали они немало... Грубели лицо и руки, и не раз самая бойкая из них, Катя Орешкина, страдальчески смотрела на свои тонкие и когда-то белые пальчики, которыми так гордилась...

— Даже пальчики вспомнил, — не без смущения подивилась Катя. — Я же ему про них не говорила.

— Да уж, конечно, пожаловалась, не отпирайся, — сухо заметила Верочка. — Вот и выступление твое описано, откуда же он мог узнать?

— В райкоме, наверно, я тут ни при чем, девочки, — с жаром сказала Катя, прижав ладони к груди. — Я уж и позабыла, о чем тогда говорила, ей-богу.

На этот раз Верочка охотно ей поверила.

О Верочке в очерке было сказано: «Это светловолосая, серьезная и волевая девушка, всей душой полюбившая новое дело...» О Лене еще короче и категоричней: «Это человек, невольно внушающий уважение». Девушки от души посмеялись над этими характеристиками, но концовка очерка несколько смутила их.

«Выбор жизненного пути всегда бывает трудным, и юные патриотки рады, что не ошиблись, нашли свое место в общем строю. Конечно, и сейчас после трудового дня у девушек ноют пальцы, устает все тело, но это уже не та угнетающая усталость, которую приносит опостылевшая и бесцельная работа, а усталость приятная, рождающая горделивую удовлетворенность сделанным, сознание, что самое трудное уже позади».

— Мудрено закрутил, сразу и не разберешься, что к чему, — беспечно сказала Катя, поправляя прическу перед зеркалом. — В общем, ерунда. Про счастье пишет, а сам-то он знает — какое оно? А в городах, что же, все несчастливые живут? Развел философию на мелком месте. Ну ладно, мне пора на репетицию.

Она крутнулась перед зеркалом и, помахав подружкам ручкой, ушла.

Вот так она делала теперь каждый вечер: переоденется, покрутится перед зеркалом, перебросится с подружками парой фраз о том, о сем и уходит. Верочка сначала думала — в клуб, а потом выяснилось, что Катя короткой летней тропкой выбегала на большак, останавливала первую попавшуюся машину и через полчаса оказывалась в поселке. Возвращалась за полночь,

а иногда, не заходя домой, бежала прямо на пастбище, чтобы поспеть к утренней дойке. Невыспавшаяся, вялая и злая, молча доила коров, ни с кем не разговаривала и, случалось, тут же на пастбище укладывалась спать, накрывшись Юркиным плащом. Выспавшись на свежем воздухе, Катя как ни в чем не бывало снова становилась прежней Катей — веселой и разговорчивой, вспыльчивой и озорной. Никогда нельзя было угадать, что она выкинет через минуту. Когда Верочка начинала упрекать ее за рискованные отлучки, Катя слегка хмурилась и спешила прекратить разговор.

— Это мое дело. На работу я не опаздываю? Не опаздываю. Свой обязанности выполняю? Выполняю. Ну и буду ездить, раз мне так нравится. Не привязанная...

— Но чем это может кончиться? Так и будешь всю жизнь туда-сюда мотаться? — сдерживая гнев, спрашивала Верочка.

— Чем кончится, с тем я и буду согласна, это уж моя забота. А свободное время я имею право использовать, как хочу, и ты мне не укажешь.

— Я не укажу, другие укажут. Ты погляди на себя, на что ты похожа стала. Будто из больницы выписалась...

— Ну и пусть! — сердито отворачивалась Катя. — Потом отосплюсь, времени впереди — ой, как много! Это ты собираешься возле коров всю жизнь убить, а меня еще многое на этом свете интересует...

Катя уходила, а Верочка так и не решалась спросить у нее про Виктора. Ведь ясно же, что это Виктор Червинский кружит ей голову, но чего он добивается? Как ни старалась Верочка сердцем понять и, может быть, простить Катю, ничего, кроме смутной тревоги, не появлялось в ее душе. «Потому и не понимаю и осуждаю Катю, что сама, видно, не любила по-настоящему», — с грустью и затаенной завистью думала Верочка...

Катя, помахивая косынкой, пробежала под окнами, скрылась за соседней избой. Верочка свернула газету, сунула ее подальше за рамку, чтобы потом перечитать очерк наедине, сказала раздумчиво:

— На репетицию, говорит, а сегодня и репетиции-то никакой нет. Опять на зорьке явится...

Лена нетерпеливо передернула плечами.

— Чего ты от нее хочешь, чудачка? Может, она завтра замуж выскочит — ты тоже удерживать будешь?

— Если бы замуж... — вздохнула Верочка, от которой не укрылась нотка досады, проскользнувшая в грубовато-невеселом ответе подружки. — Не верю я Виктору, и сама не знаю — отчего...

— Полагаешься на интуицию, что ли? Она-то нас и подводит, Вера. А Катя человек практичный, зря бы не стала бегать.

— Это Катя-то практичная? — усмехнулась Верочка. — Она сроду, по-моему, чувствами жила. Задумает что — вынь да положь, а завтра ей уж другое нравится. Вот Виктор, тот практичный, куда ей до него...

— Тем лучше. Такого и надо Кате мужа, хотя, признаться тебе, и я не очень-то ему верю. Вот про меня, я знаю, говорят... это твой Володя так меня охарактеризовал... будто я себя только люблю, а я бы сейчас любого лаской затопила, кто бы понравился. Да вот боюсь, — Лена улыбнулась какой-то жалкой улыбкой, — да и не умею, наверно. Если хочешь знать, я даже завидую Кате, у нее это естественно и просто получается. И главное, сна не ждет, как мы с тобой, счастья, сама его ищет.

Верочка пропустила мимо ушей упоминание о Володе, но то, что в порыве тоски вырвалось у Лены, поразило и ошеломило ее. А она-то воображала, будто Лена успокоилась и ни о чем таком не думает. И, конечно, не для любого она берегла и копила столько времени свою нежность, а лишь для одного, избранного. Но кто же он? Ведь не Осипов же, с которым Лена, кажется, ни разу не виделась после того случая...

— Лена, — мягко заговорила Верочка, опасаясь осторожным словом вспугнуть и испортить то необычное настроение, которое владело в эту минуту подружкой, — ты знаешь, как я к тебе отношусь... готова все для тебя сделать, о чем бы ты ни попросила. Я знаю, ты не попросишь, но если бы потребовалось, я бы все сделала, чтобы тебе хорошо было...

— Ой не все, пожалуйста, не говори так, — поспешно перебила Лена, отвернулась и еще раз отрицательно покачала головой.

Верочка изумленно смотрела ей в затылок.

— Есть вещи, — глухо произнесла Лена и запнулась, — есть одна вещь, о которой не просят даже самую лучшую, единственную подругу. А может быть, именно потому и не просят, что она единственная и лучшая...

— Ну я допускаю, может, и есть такие вещи... Но ты мне веришь?

— Конечно. Кому же еще и верить, если не тебе?

— Ну так скажи, раз ты сама начала об этом... Ты любишь Осипова? Я ведь потому спрашиваю, — торопливо, как бы извиняясь, добавила Верочка, — что я бы рада была...

— Осипова? — Лена круто обернулась, удивленно взглянула на Верочку, словно впервые услышала эту фамилию. — Ах да! Когда же это я могла его полюбить? — Она улыбнулась, видимо, припомнив давнишнюю встречу с ним. — Правда, он забавный и в общем, по-моему, симпатичный парень, только я о нем как-то не думала. Интересно, с чего ты взяла?

— Мне показалось тогда... — в смятении пробормотала Верочка и медленно подняла на Лену свои овальные, как будто еще больше расширившиеся глаза. — Ну пусть я ошиблась, пусть это вовсе не Осипов, только все равно, Лена, ты любишь, я чувствую.

— Каждый кого-нибудь любит или ненавидит, так уж жизнь устроена. Ты вот любишь же своего Володю, почему же я своего воображаемого Володю не могу любить?

— Какой он мой, — рассеянно проговорила Верочка. — Я и не вижу его вовсе.

Лена под села к Верочке на хозяйкин старинный сундук, покрытый цветным лоскутным ковриком.

— Правда, что у тебя с ним произошло? Помнится, вы и раньше не часто встречались, но ведь встречались же. И в колхоз он, конечно, не случайно поехал, верно? Ты должна знать.

Ее участливость тронула Верочку, и она сказала, слегка покраснев:

— Это правда, я любила его, какой бы он ни был... Только Володя какой-то странный, не поймешь его...

— Гордый, да? — блестя глазами, нетерпеливо спросила Лена.

Верочка коротко и пристально посмотрела на нее. Ей показалось, что Лена возбуждена и даже почему-то взволнована, хотя блеск в ее глазах тотчас же потух. «Неужто и мне завидует?» — с грустью подумала Верочка.

— Гордый? — повторила она. — Да, конечно, ему ведь и нельзя иначе. По-моему, он и в колхоз поехал из гордости. Вчера встретилась с ним на дороге, а он даже и не поздоровался. Я однажды упрекнула его за выпивку, он обиделся, а я чем виновата? Вот же сошелся опять с Осиповым, а тот Володю туда же тянет. И жалко его, и обидно, он же всегда хорошо ко мне относился, а теперь совсем другой стал... Какая же это любовь?

— Ну, а ты сама? Что ты сама к нему чувствуешь? — глухо спросила Лена.

Верочка хотела быть до конца искренней перед подругой и мучительно подыскивала нужные слова, чтобы выразить то, что она думала о Володе.

— Понимаешь, я очень тогда, в поселке, привыкла к нему, очень..., а теперь он стал какой-то незнакомый. Не знаю, как тебе объяснить, но только старого я не могу забыть. Он же такой ласковый и отзывчивый, только виду не кажет. Увижу его хотя бы издали — все, все вспомню, и так тяжело почему-то на душе становится, прямо разревелась бы...

Лена вдруг встала, знакомым и неожиданно противным для Верочки насмешливым тоном спросила:

— А вот с Юркой, как я заметила, тебе куда легче и веселее.

— Да, мне с ним легко, — просто ответила Верочка и невольно улыбнулась. — Он, знаешь, такой добродушный и стеснительный, хотя все, все понимает. Тогда, на собрании, Катя его высмеяла с прической и брючками, а он, между прочим, не про них хотел сказать, только слов сразу не нашел. Он мне потом все объяснил...

— Вот видишь, — начала было Лена и умолкла, прислонилась лицом к оконному стеклу; когда она снова заговорила, голос ее был сух и холоден. — И ты думаешь, что Володя ни о чем не догадывается?

— О чем же тут догадываться? — вспыхнула Верочка. — Разве я что-нибудь скрываю?

— Да, скрываешь, не прикидывайся наивной.

— Я не прикидываюсь, уж какая есть, такой и останусь. Пусть Володя думает, что хочет, а у меня тоже своя гордость имеется.

— Ну и правильно, и успокойся, пожалуйста, — с явным облегчением, улыбаясь и обнимая Верочку, сказала Лена. — Юрка неплохой парень, он мне тоже сразу понравился, и я рада, что ты с ним дружишь. И давай больше не будем об этом, а то, видишь, чуть даже не поссорились, а нам-то уж ссориться никак нельзя.

Столь явное проявление сочувствия никогда не было свойственно Лене, но, странно, сейчас оно почему-то не тронуло Верочку, хотя она с первых дней знакомства гордилась дружбой с Леной. Лена уговаривала Верочку успокоиться и забыть о Володе, а сама чем-то расстроена не меньше ее. Верочку потрясло, что они, и правда, чуть не поссорились — наверно, и Лене это взволновало также сильно, иначе она не сказала бы всех тех горячих, бессвязных и неленых слов, которые звучали особенно смешно и трогательно в ее устах. Впрочем, смешными они показались Верочке позже, когда она попыталась восстановить в памяти все, что между ними произошло, а сейчас она чувствовала гнетущую опустошенность в душе, и слова подруги почти не доходили до ее сознания.

Так, обнявшись, ощущая всем телом дрожь друг друга, они просидели на сундуке с полчаса — под конец молча и как будто окончательно примирившись и успокоившись.

Но Верочка долго не могла уснуть в эту ночь. Хорошо, что Кати не было рядом — наверняка Верочка не утерпела бы и поделилась с ней теснившими грудь, требовавшими выхода чувствами и догадками, а Катя ничего не поняла бы, истолковала все по-своему, вкривь и вкось и стало бы еще хуже. Но и одной тоже не легче. Почему Лена с таким злорадством — иного слова Верочка не могла подобрать — упрекнула ее за дружбу с Юркой? Что она увидела в этом плохого? Или она обижена за Володю? А он-то что же... приехал, надулся, злится неизвестно на кого и молчит. Ну не вышло у них разговора тогда, в прощальный вечер, ну отказался он съездить за Катей — так ведь она уже давно забыла об этом и не собиралась его уп-

рекать. Подумаешь, гордость! Никакая это не гордость, а так... мелкое самолюбие, дурость и ничего больше. Настоящая гордость не такая бывает. Она прямая, честная, принципиальная — вот она какая должна быть. Вот Юрка говорит: «Ну и что, ежели я пастух? А я, если хочешь знать, горжусь, что пастухом работаю. Это дело не каждому поручат...» И он это же в утешение себе говорит, он так и думает. А Володя и сам, наверно, толком не знает, зачем он в колхоз поехал. Ему, наверно, все равно, где работать. Надоест — уйдет так же легко, как и пришел. Гордость! Вот если бы он ее по-настоящему любил, тогда все бы по-другому было. А Лена этого не понимает...

Раньше она была очень скрытная, Лена, а теперь вот разговорилась — и вовсе ее не понять. Допустим, понять-то всякого можно, но Лена чего-то не договаривает. Конечно, она любит. С прошлым она, кажется, распрощалась, оно не мучает ее, как прежде, но — что же тогда мучает? Никогда раньше Лена не заговаривала о любви, о счастье и тем более не расспрашивала об этом других, и вот оказывается, что она все время не переставала завидовать Кате, больше того — даже ей, Верочке. Как она близко к сердцу приняла ее размовку с Володей! А ведь размовки-то никакой не было, это бывает только у влюбленных, а какие же они с ним влюбленные? Конечно, Верочка даже в лучшие времена не ждала от Володи, чтобы он носил ее на руках, но все-таки... Он же какой: придет — уйдет, а теперь и вовсе не приходит. Какая же это любовь...

Нет, не такой любви желала Верочка Лене. Она ведь совсем-совсем другая, Лена, и любовь у нее должна быть яркая, беззаветная, без раздумий и оглядок. Это не то, что у Кати, хотя та сроду оглядываться да примеривать не привыкла. У Кати все это как-то легко и, как сказала Лена, просто получается, только это не яркость, а блеск один — вспыхнуло и нет ничего.

Подумав так про Катю, Верочка покраснела даже под одеялом: какое сна имеет право оскорблять подругу? Что она знает о чувствах Кати к Виктору? Уж если на то пошло, Катя могла бы с бóльшим правом осудить Верочку за легкомыслие в ее отношениях с Володей, а вот не осудила же. И не осудит, что бы ни случилось. Каждый ищет счастья как может и умеет,

и вполне возможно, что Катя уже нашла его. И Лена, наверно, нашла, только боится поверить в него — дважды не ошибаются...

Потом Верочка вспомнила об очерке в газете. Первое смутное, противоречивое впечатление, к тому же сглаженное некоторой долей тщеславия, теперь сменилось недоумением и досадой. По очерку выходит, что они уже сделали окончательный выбор. А ведь они еще и не задумывались по-настоящему об этом. Да, Верочке здесь нравится, это правильно написано, а если бы, допустим, не понравилось — что же ей тогда прикажете делать? Дезертировать? В газете об этом не было, но из писем, которые Верочка получила в эти дни, она знала, что некоторые из девочек, поехавшие в колхозы по комсомольским путевкам, вернулись в город. «Пороху» у них хватило ровно на две недели. Верочка еще раньше понимала, что среди добровольцев могут оказаться случайные люди, и все-таки испытывала сейчас к ним не столько презрение, сколько жалость. Как же они теперь будут смотреть в глаза людям? Верочка просто не могла представить себя в подобном положении. И Лену, и Катю тоже. Попробовала вообразить, как чувствовал бы себя в «дезертирском» качестве Володя, но что-то не получалось. А между тем Верочка почти не сомневалась, что Володя долго не выдержит. Тут было нечто необъяснимое.

А главное — корреспондент пишет: самое трудное уже позади. Ну как же он не понимает, что самое трудное — это выдержать, а решиться может любой. Вот и Володя решился, кто его знает — почему. Он-то ведь наверняка убежден, что без него здесь обошлись бы. А она? Понятно, обошлись бы и без нее, не ахти какой она ценный работник, но тогда ее место было бы занято кем-то другим, и вот этого-то Верочка тоже не могла себе представить. Ее коровы, ферма, колхоз — все это стало своим, привычным, за все это она несла какую-то долю ответственности, и не только перед людьми — перед собственной совестью. Вот почему она выдержит до конца, каким бы этот конец ни был. Но и не может быть плохим, напрасно Лена сомневается. Верочка перевернулась на другой бок, отбросила с лица одеяло и широко раскрытыми глазами уставилась на Лену. Лена лежала к ней спиной, не шевелясь, но неизвестно

было, спала она или тоже думала свои думы. Так прошло несколько минут. И все-таки терпение Верочки было вознаграждено: вдруг одеяло на Лене шелохнулось, поползло вниз, и Лена рукой водворила его на место.

«Значит, не спит. Но о чем она может думать? Не об Осипове же. И не о Кате — в ней-то Лена уверена. О чем же? А может...»

Верочка испугалась собственных подозрений, показавшихся ей нелепыми и низкими. Но они возникали в ее голове вновь и вновь, в особенности при воспоминании о том, как Лена сначала пыталась убедить, что Володя якобы все знает об отношениях Верочки с Юркой и потому избегает встреч с ней, а потом выразила радость оттого, что Верочка и Юрка по-хорошему дружат между собой. Похоже, Лена хочет в душе, чтобы эта дружба перешла у них в нечто более серьезное, но неужели она не поняла, что это невозможно — хотя бы потому, что Верочка даже не задумывалась об этом. Что же касается Юрки...

Позавчера, подоив коров, Верочка пошла на реку выполоскать свой клеенчатый фартук. Наверное, Юрка следил за ней, потому что вскоре она заметила его рядом и насмешливо спросила:

— Ты чего прибежал?

— Ничего, так... — Он ковырял песок подобранной на берегу суковатой палкой и не поднимал глаз.

Верочка улыбнулась и продолжала полоскать.

— Вера...

Голос у него прозвучал столь необычно, что она невольно выпрямилась и тоже почему-то опустила глаза.

— Вот, я давно хотел сказать... Теперь-то я понял, а раньше не понимал, ну и надеялся... Ты, не иначе, Володьку любишь, он сам мне признался, а только знай: я все равно тебя буду любить.

— Не надо, Юра...

— Ладно. Не буду. Только знай...

И он с силой воткнув палку в землю, ушел так же неожиданно, как и появился...

Вот и все, что у них было. Чего же тут скрывать? Лене она об этом не рассказала — зачем? Но если бы это было нужно, Верочка все рассказала бы Володе, пусть он судит ее сам. Только ведь ему сейчас и дела-то до нее нет. Но почему все это интересует Лену?

Верочка почувствовала, что подобные вопросы могут завести ее слишком далеко, а ей без того было стыдно за нехорошие мысли. Она плотнее укрылась одеялом и изо всех сил старалась заставить себя думать о чем-либо другом, что не имело отношения ни к Володе, ни к Лене, ни вообще к тому, что произошло в последние дни...

XIV

В ПАЧКЕ свежих газет Логинов обнаружил письмо. Газеты были принесены почтальоном еще утром, но лишь сейчас, около одиннадцати вечера, Логинов на досуге просматривал их. В июне день несказанно удлинился, подошла пора светлых ночей, и все-таки времени не хватало. Зато уж после одиннадцати Логинов считал себя вправе заняться, как он говорил, «самообразованием».

Письма он недолюбливал, особенно те, которые приходили не домой, а в контору и адресовались длинно и сухо: председателю колхоза имени Ильича тов. Логинову С. Е... Чаще всего в них заключались просьбы, напоминания, извещения. Однако он добросовестно прочитывал их и редко накладывал резолюции — отвечал сам.

Логинов по привычке надорвал конверт и только тогда заметил, что письмо это из редакции районной газеты и адресовано секретарю парторганизации.

— А, понятно, — усмехнулся он. — Опять статью просят. И наверняка положительную. Интересно, на какую тему? Уж не о помощи ли молодым животноводам? Ох, вскружим мы им головы!.. Марта Ивановна! — крикнул Логинов в общую комнату.

В кабинет вошла Марта Ивановна — пышноволосая, в запыленной белой блузке с короткими рукавами, слегка загоревшая.

— Подбили итоги? Кто же впереди за декаду?

— Вторая ферма. Анна Ляпунова держится крепко, но и девочки подтянулись. За месяц второе место им будет обеспечено, а это немало. Думаю, что по полторы тысячи литров за лето они получат.

— Не беда, если получают чуть меньше, зато не в среднем, а действительно от каждой коровы. Конечно, рекордистки нам нужны, да ведь не они погоду делают.

— На второй ферме стадо племенное, а на молодой племенную работу мы, по сути, только начали. Именно на рекордисток у них вся надежда, иначе какая же это коммунистическая бригада без рекордов? У Лены Прилуцкой Смелая надаивает сейчас по двадцати пяти литров, а у Ляпуновой в прошлом году только восемнадцать давала.

— А сколько на ферме таких, как Смелая?

— Ну немного, конечно, но дело не в этом. Как ты не понимаешь, Сергей: если бы Смелой у девочек не было, ее пришлось бы взять с другой фермы и дать им. Тут важен пример, престиж. О них же теперь весь район знает.

— М-да... — Логинов протянул письмо Марте Ивановне. — Вот тут наверно и просят тебя написать об этом... так сказать, поделиться опытом делания рекордов. Извини, конверт я надорвал, но вовремя спохватился.

Марта Ивановна недовольно посмотрела на Логинова, однако он не стал дальше оправдываться и с явным интересом взялся за газету. Она принялась читать письмо.

— Ты подумай только! — возмущенно воскликнула Марта Ивановна и брезгливо бросила письмо на стол, словно оно жгло ей руки. — Какая гадость!

— Что такое? — удивленно спросил Логинов. — К чему такие сильные слова? Ну не хочешь статью писать — и не пиши, не дадут же тебе за это строгий выговор.

— Да ты прочти, прочти, что тут написано, это же безобразие, это черт знает что такое! — выпалила Марта Ивановна, вскакивая со стула.

Логинов беззвучно хохотал: его всегда забавляли подобные вспышки, иногда по пустячному поводу. Все-таки он не без любопытства взял письмо, рассчитывая чуть позже посмеяться над Мартой Ивановной всласть. Однако уже первые строки насторожили его, на крутом подбородке сильнее обозначились мелкие оспины.

«ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ

Сомневаюсь, что мое письмо будет опубликовано на страницах Вашей газеты, но, быть может, вы сочтете возможным ознакомить с ним небезы-

известных Вам В. Аникееву, Е. Прилуцкую и Е. Орешкину. Я прочитала очерк «Счастье трудных дорог», а потом и обязательство этих девушек, решивших бороться за звание фермы коммунистического труда. Позвольте Вам сказать, что я не верю в их благородные побуждения. Все это «показуха» и фальшь, а на деле все обстоит гораздо проще. Увидите, пройдет месяц, пусть даже полгода — и писать о них будет нечего. Мало ли у нас таких «мыльных пузырей»? Развеется, как дым, головокружение от призрачной славы, наступят серенькие будни, и девушки сбегут (как сбегали уже многие) или, если хватит терпения, будут тянуть опостылевшую лямку, как и все. Поэтому что, я уверена, никаких особых патриотических чувств они не испытывали, когда поехали в колхоз, а просто было увлечение очередным «движением», бот и все.

Конечно, на первых порах им постараются создать лучшие условия, даже, возможно, и звание почетное присвоят, но все это будет показное, а не настоящее. Так что умиляться сейчас этими «героинями» преждевременно и смешно.

Эмилия М.

Внизу стояла приписка от редакции:

«Как нам удалось выяснить, Эмилия М. — учащаяся десятого класса, сейчас сдает экзамены на аттестат зрелости. Публиковать ее письмо считаем нецелесообразным, это чистейшая демагогия. Опубликование письма повредило бы и вашим девушкам, и самому автору. Пересылаем его вам для сведения».

— Ну еще бы! — скривила яркие губы Марта Ивановна. — Недоставало только выплеснуть всю эту грязь на газетные страницы.

Логинов повертел письмо в руках, хотел было вложить его в конверт, но раздумал.

— А по-моему, редакция зря испугалась, — накрывая письмо длинной ладонью, сказал он. — Я бы хотел посмотреть, как отнеслись к этому наши девушки. Думаю, ничего страшного не случилось бы.

— Незачем их травмировать. Они не заслужили подобного оскорбления, — горячо проговорила Марта Ивановна.

— Разумеется, нет, — спокойно сказал Логинов, — но, мне кажется, ты не особенно в них уверена.

— Откуда ты взяла? Нет, это просто возмутительно с твоей стороны! — передернула она плечами. — Напротив, я им верю, как самой себе.

— Тогда познакомь их с письмом.

— Ни за что! Кому это нужно? Все идет так хорошо, и вдруг мы сами испортим им настроение. Это нечестно.

— Они уже не маленькие и сами разбираются, что хорошо и что плохо. Пусть бы высказались начистоту. Это было бы честнее. Думаю, что наши комсомольцы дали бы достойный ответ этой Эм依ии.

— Да, да, конечно, я в этом не сомневаюсь, но... — Марта Ивановна с напряженным лицом смотрела на Логинова, но вряд ли видела его. Логинов поразился, как много морщин может уместиться на обычно гладком лбу этой еще молодой женщины. Яркие губы неумовимо дрогнули, когда она сказала:

— Дай сюда это письмо, я подумаю...

Ни в коем случае Марта Ивановна не хотела оставлять письмо у Логинова. Как с ним поступить — это было ее дело и никого другого. Логинов лишь изредка встречался и разговаривал с молодыми доярками, а Марта Ивановна, как ей самой казалось, знала их не хуже, чем если бы они были ее собственными дочерьми. Кому же, как не ей, оберегать их от всяких неприятностей? До сих пор все шло как нельзя лучше, и вот какая-то мешанка пытается заронить в их души сомнение, напакостить в большом и нужном деле. Конечно, можно представить негодование девчат в первую минуту, но что будет потом, когда они останутся наедине со своими мыслями? Нет, нет, это нечестно. Разумеется, Марта Ивановна покажет им письмо, но только не сейчас, позже...

Логинову тоже было над чем подумать, когда Марта Ивановна поспешно вышла из кабинета, а затем и из конторы. Она забыла даже попрощаться, и это одно говорило о многом. Однако почему она так разволновалась? Надо бы попытаться самому получше разузнать о настроении девушек, тогда все было бы яснее. Да, ему, пожалуй, давно следовало это сделать. Что там ни говори, им нелегко на первых порах. Конечно, сначала

было увлечение, но это же так естественно в их годы! Самое главное, что это увлечение было чистым, во всяком случае — у большинства добровольцев. Дальше пошли будни, и счастлив тот, кто сохранит юношескую увлеченность до конца дней своих. Не всем это удастся, и причины тому разные. Истинное призвание открывается не сразу, но помочь его найти можно. Да вот вопрос: как помочь? Хотя он, Логинов, и советовал Марте Ивановне познакомить девочек с письмом и даже опубликовать его в газете, сейчас и он не уверен, будет ли это для них помощью. А вдруг наоборот?

И все-таки Логинов в глубине души считал, что скрывать письмо было ошибкой. Таких, как Эмилия М., еще немало среди молодежи. Они не способны сами увлекаться и снисходительно посмеиваются над увлечениями других — что ж, тем хуже для них. Им кажется, что все люди созданы по их образу и подобию, романтика и дерзания, высокие побуждения и чистые порывы существуют лишь в книгах, а в жизни все происходит проще и грубее... Может быть, и проще, но только на первый, поверхностный взгляд. Жизнь сложнее, и дай бог автору очерка «Счастье трудных дорог» в следующий раз поближе приглядеться к ней. А может, письмо Эмилии М. уже кое-что подсказало ему?

Оно многое подсказало бы и девушкам. Конечно, они не узнали бы себя в этом письме, зато вполне нарисовали бы портрет Эмилии М. и отвернулись бы от нее. И если у кого-то из них таилось в душе нечто похожее, о чем пишет Эмилия М., они устыдились бы собственных мыслей. Это явилось бы для них суровой, но полезной, очищающей проверкой. Марта Ивановна считает такую проверку неоправданной жестокостью. Зато все встанет на свои места. Не надо будет гадать, что и как случится дальше. Крепкий выдержит, слабый отсеется сразу. Просто и ясно. Это и есть воспитание жизнью.

Логинов сам удивился, как легко он пришел к такому выводу. Но, в сущности, об этом же самом он думал уже тогда, когда читал письмо, только скрывал это от себя. Ему с самого начала претило «сюсюканье», как он выражался, Марты Ивановны с новенькими. Ни к чему это. Работа есть работа. Эмилия М. права: ника-

кого героизма тут нет. И не надо было расписывать о девочках в газете. Растрезвонили на весь белый свет, а теперь боимся, как бы сохранить престиж...

Недовольный собой, Логинов рассеянно просматривал газетные заголовки. Читать он уже не мог. Пора было уходить домой.

И Логинов ушел бы, если бы в кабинет неожиданно и неслышно не пробралась Катя. Он, как всегда, тщательно запирали ящики стола и не заметил, когда она встала у дверей. Только поднял на нее глаза, а Катя уже протягивала ему бумажку со словами:

— Я к вам, Сергей Емельянович. Принесла заявление...

Голос ее дрожал, но был звонок и напорист — видеть, она еще не потеряла запаса решимости, очутившись за порогом председательского кабинета.

Озадаченный Логинов молча взял заявление. Он даже не пытался предположить, о чем оно могло быть — просто взял и прочел, как это бывало бесчисленное множество раз, когда к нему приходили с заявлениями колхозники. И только потом осознал, что поставлен в тупик и не знает, что сказать девушке.

То была просьба Кати отпустить ее из колхоза, так как она должна в ближайшее время выйти замуж. Так и было написано — «должна», но Логинов даже не улыбнулся.

— Вам бы следовало обратиться с этим заявлением к Марте Ивановне, — неуверенно сказал он, пододвигая бумажку по столу к Кате.

— Но ведь не нет, а вы же председатель и вообще...

Катя запнулась. Не могла же она сказать, что целый час простояла на улице, выжидая, когда уйдет из конторы Марта Ивановна.

— Да, конечно, я председатель, но я тоже по многим вопросам советуюсь с Мартой Ивановной. Да вы садитесь, в ногах правды нет... — Логинов с трудом собирался с мыслями. — А с подругами вы об этом говорили?

— Пока нет. Да это не важно, они и так знают, — бойко ответила Катя, для приличия опуская глаза. Она не испытывала никакой неловкости, с Логиновым, как она и предполагала, было легко разговаривать. Хорошо, что она пришла к нему, а не к Марте Ивановне.

Вот наслушалась бы всяких нотаций — с тоски умереть.

— А когда ты ехала в колхоз, тогда думала выходить замуж? — спросил Логинов, почувствовав некоторое облегчение оттого, что перешел с Катей на ты.

— Н-нет, не думала. Вы же знаете, Сергей Емельянович, это не только от меня зависит.

— Да, да, конечно, — торопливо согласился он. — Ну и кто же он, твой жених?

— Парень один, с льнокомбината. Мы с ним давно дружим.

В этот момент Логинову показалось, что он нашел выход. Он как можно убедительнее и теплее заговорил:

— Вот и отлично. Пусть твой жених приезжает к нам, и тебе не надо будет никуда уходить. Он кто по специальности? Электрик? Чудесно! Колхозу позарез нужен такой специалист, есть где развернуться. Условия создадим райские. Будете жить да добра наживать. И пример для твоего жениха есть: Володя Булавин. Тоже сначала сомневался, а теперь чудесно работает и нисколько не жалеет, что приехал сюда...

— Фи, Володя! Он тоже у вас долго не проживет, — с великолепной уверенностью сказала Катя.

— Это почему же? — изумился Логинов.

— Очень просто. Он нигде подолгу не задерживается, такой уж у него непостоянный характер. А тут еще он одного вашего парня к Верочке приревновал, ну и психует, понимаете?

— К Верочке?

— Ну да, к Верочке, к бригадирше нашей. Только он сам виноват. Она же у нас скромница, а Володька перед ней фордыбачит. Ну я не буду вам всего рассказывать, а то еще подумаете, что я сплетница какая-нибудь. А что касается Виктора — ну жениха моего — то я уже говорила ему, а он ни в какую. Даже, знаете, дурой меня обозвал.

— Вот как! Не рано ли? — невольно улыбнулся Логинов.

— Ничего, я это ему припомню, когда будем вместе жить, — заверила Катя.

— М-да... Когда же свадьба?

— О свадьбе мы, правда, не договорились, но это же формальность. Главное, что мы поженимся, и мне надо поскорее быть там, как можно скорее, понимаете?

— Не совсем. Он тебя торопит, что ли?

— Ну ему-то торопиться некуда, а я же в колхозе, вот и получается: он — там, а я — здесь. Мне никак больше нельзя оставаться, Сергей Емельянович, вы же старше меня, должны понять...

В голосе Кати Логинов уловил скрытый страх и мольбу. Взгляд ее темных запавших глаз (он только сейчас заметил это) отражал внутреннее смятение и тревогу. Катя напряженно ждала его слова. От былой решимости не осталось и следа. Теперь Логинов понял ее, знал, что с ней случилось. Но что он мог сказать? Что должен был сказать? Марта Ивановна, конечно, не растерялась бы. Как досадно, что ее нет. Катя, бледная от стыда и напряжения, ждала. Логинов подумал, что другая на ее месте давно бы заплакала. Но глаза Кати были до жути сухими. Горло Логинова перехватила колючая спазма и долго не отпускала. Так долго, что он чуть не задохся.

— Хорошо, Катюша. Я тебя не удерживаю. Постараюсь все объяснить Марте Ивановне...

— Нет, нет, пожалуйста, ничего не говорите ей! Я сама... потом... расскажу. Когда все уладится.

Катя порывисто встала.

— Все будет хорошо, Катя, я в этом уверен. Главное, что ты любишь, а любовь все может преодолеть. Очень бы хотелось увидеть вас обоих в колхозе. Помни, что ты многое оставляешь здесь, скоро ты сама это почувствуешь. Желаю тебе счастья.

Кажется, Катя сказала «спасибо», но Логинов не услышал.

Он взял со стола заявление и не то подумал, не то сказал вслух: «А что я мог еще сделать? Она не могла не уехать».

XV

— **КАК ЖЕ** вы допустили, девочки? Ведь она была вашей подругой!

Лена и Верочка молчали. Что они могли ответить? Они просто принимали всю вину на себя, но от этого Марте Ивановне не стало легче. Она так им всем верила! Об этом можно было не говорить, девушки и без того все понимали, но Марта Ивановна, потрясенная случившимся, все-таки напомнила:

— Вы даже не представляете, что это значит. Это позор не одной Кати. А я вам верила, как самой себе!

Верочка теревила концы косынки. Лена, отвернувшись к окну, хмурилась. Если утром, обнаружив под чайником записку Кати, Лена лишь презрительно усмехнулась и не выразила особого беспокойства, то теперь упреки Марты Ивановны раздражали ее. Верила! А почему, собственно? Потому только, что Катя произнесла тогда, на пленуме, красивую речь? Или потому, что Катя легко подписалась под новыми обязательствами? А знала ли Марта Ивановна, что волновало Катю в последние дни? Вот Верочка знала, во всяком случае догадывалась, а что она могла предпринять? И кто может знать, как поступит завтра она, Лена? Скажи ей Володя завтра одно слово — и она способна на любое безрассудство...

Девушки пришли к Марте Ивановне не сразу. Верочка, прочитав записку, не могла поверить, что Катя не вернется. Уже не раз бывало, что она возвращалась из поселка к дневной дойке. Дико было подумать, что Катя уехала вот так воровски, не простившись ни с кем, не объяснив, что с ней произошло. Впрочем, Верочка уже догадывалась, что могло произойти. Иначе Катя не уехала бы тайком. И все-таки Верочка не могла поверить, что случилось непоправимое. Это было бы слишком ужасно. Они ни о чем не рассказали Ане Шустиковой, по безмолвному согласию подоили Катиных коров, так же молча вернулись с пастбища. Кати дома не было. Лена сказала:

— По-моему, они с Виктором обо всем договорились. Не понимаю, зачем ей было скрывать от нас?

И тут Верочка высказала уже с утра мучившую ее мысль.

— Если бы договорились, она бы не скрывала. Но как же она решилась?

— Сумасбродка какая-то, — пожала Лена плечами.

— Мне так ее жалко, так жалко, ну, не знаю как... Даже обидеться на нее как следует не могу, — призналась Верочка, страдая от противоречивых чувств.

— Да, досадно, — поморщилась Лена. — Пойдут разговоры, то да сё. Придется обо всем сообщить Марте Ивановне.

— Пойдем, — вздохнула Верочка.

Марта Ивановна почувствовала себя лично оскорбленной, и незаслуженно. Столько сил и сердца вложить в создание комсомольской фермы, столько питать надежд — и на тебе! Позор на весь район! Нет, этого она не могла допустить.

— Вот что, девочки, — решительно заговорила она. — Катя бесчестно подвела нас, но все равно ваша ферма должна стать коммунистической. Я уж постараюсь, чтобы вам присвоили это звание. Одним человеком больше, одним меньше — не в этом суть. Нагрузка у вас, конечно, увеличится, зато и почета больше. По шестнадцать коров у нас еще никто не обслуживал, вы первые будете. Я думаю, Аня тоже согласится. Бригада была и есть, а о Кате надо поскорее позабыть, вот и все. Она вам теперь не подруга. Какой позор! Вот уж не ожидала. Узнают в районе — глаз туда не покажешь. Ну ничего, главное — не падайте духом и поменьше говорите об этом. Особенно с корреспондентами, если они, паче чаяния, приедут. Понадобится, я сама в газету напишу...

— Марта Ивановна, — робко перебила Верочка, — а может, съездить кому из нас в поселок, поговорить с Катей?

— О чем? Если даже она и одумается, ее поступок все равно позорным пятном ляжет на всю бригаду. Когда она решила бежать, она думала только о себе, почему же мы должны сейчас думать о ней?

— Она думала о нас, только, наверно, ей иначе нельзя было...

— То есть как это? — недовольно спросила Марта Ивановна.

Верочка переглянулась с Леной. Однако лицо Лены было непроницаемо. Верочка поняла, что ей предстоит выкручиваться одной.

Судорожно проглотив слюну, она с решимостью отчаяния сказала:

— Конечно, Катя дезертировала, другого слова не подберешь, и мы ее коров будем доить, и бороться за звание, но она же выходит замуж, у нее будет ребенок, а я Виктора знаю, и какая у них любовь — еще неизвестно. Может, Катя так переживает, так переживает, что ей и дохнуть нечем, а мы и знать ничего не знаем...

Марта Ивановна досадливо повела рукой, подозрительно взглянула на Верочку, потом на Лену и сказала:

— Ты хочешь ее оправдать? А ты задумалась над тем, почему Катя все скрывала от вас? Замужество и все прочее — это только предлог. Между прочим, из «Восхода» двое девчат тоже убежали под этим предлогом. Что и говорить, выдумка нехитрая. Давай уж, Вера, называть вещи своими именами. Дезертирство есть дезертирство, и оправдания ему быть не может. Катя попросту струсилa — вот как я понимаю ее поступок, хотя мне и больно признавать это.

Марта Ивановна скорбно отвернувшись, Верочка потерянно молчала. Лена спокойно сказала:

— Что ж, дело ясное. Пойдем, Вера, нам пора.

— Да, да, идите, девочки, — рассеянно проговорила Марта Ивановна. — Я на вас надеюсь. Все будет хорошо. Только, пожалуйста, не рассказывайте пока об этом никому. Я сама все сделаю...

Что она хотела и должна была сделать — Марта Ивановна и сама в эту минуту не знала. Знала только, что надо все рассказать Логинову, но это-то и страшило ее больше всего. Она всегда в душе побаивалась его как будто бы и дружеской, смягченной шутками, но все-таки обидной иронии, а тут случилось такое дело, да еще после вчерашнего злополучного письма из редакции. Быть может, Логинов прав, и надо было сразу же познакомить девчат с письмом, тогда, возможно, одно лишь самолюбие не позволило бы Кате решиться на побег. В том, что Катя была самой своей нравой и самолюбивой из подруг, Марта Ивановна догадывалась давно. На этом, наверно, и можно было сыграть, но теперь уж поздно. Теперь о письме и заикаться было опасно — это окончательно убьет девчат. Самое страшное было в том, что сейчас Марта Ивановна уже не верила ни Лене, ни Верочке. Ей казалось, что бегство Кати было началом конца. Ведь сбежали же из «Восхода» все добровольцы. Не двое, как сказала Марта Ивановна девушкам, а все шестеро — одна за другой. Правда, там ситуация выглядела проще: добровольцы работали на разных фермах, у них не было бригады, борющейся за звание коммунистической. Но сам факт был достаточно красноречив...

Логинова Марта Ивановна нашла возле гаража. Гараж был построен на окраине деревни нелегально, до этого автомашины хранились где попало, и Логинов очень гордился новым сооружением. Сейчас он что-то растолковывал шоферу, приготовившемуся ехать и сидевшему в кабине. Завидев секретаря парторганизации, Логинов сам захлопнул кабину и махнул шоферу рукой. Машина тотчас тронулась.

— Ну-с, чем мы сегодня расстроены? — без обычной улыбки спросил он, и Марта Ивановна, с трудом сохранявшая на лице независимо спокойное выражение, с ужасом подумала, что Логинов уже обо всем знает. Как он сейчас в душе смеется над ней! Но, черт возьми, разве его это не касается, разве она одна во всем виновата? Он-то за девочек тоже ведь несет ответственность!

— Допустим, я расстроена, а тебе, что же, весело? — впервые за все время совместной работы с нескрываемой неприязнью сказала Марта Ивановна. Чего-чего, а злорадства она не потерпела бы даже и тогда, когда была права.

— Веселого мало. Получил из райкома телефонограмму, а в ней нагоняй за недопустимую раскачку в заготовке кормов. Оно и верно, сроки-то силосования подошли, да дождя вот бог не дает, а без него трава худо растет. Придется что-то придумывать.

— Так ты ничего не знаешь?

— Это ты о чем?

Марта Ивановна в бешенстве округлила черные глаза. Он еще притворяется! Делает вид, будто она одна во всем виновата!

— Сергей, брось! Не изображай из себя праведника. Да, я тут не доглядела, проявила детскую доверчивость, и я открыто признаю это. Но и ты не безгрешен. Если бы ты побольше интересовался настроением девочек, возможно, побег удалось бы предупредить...

— Никакого побега не было, — вдруг сказал Логинов, серьезно и виновато глядя в лицо Марте Ивановне. — Катю Орешкину отпустил из колхоза я. По ее личному заявлению. Вот так...

Марта Ивановна с мгновение не могла произнести ни слова. Теперь уже не злость, а негодование закипело в ее душе. Значит, виноват он, а не она. Уж она-то

бы Катю ни за что не отпустила. Ну и лицемерка же эта Орешкина! Логинов и трех раз с ней не разговаривал, и все-таки она разузнала его слабую струнку. Поэтому-то и обратилась к нему. Какая неблагодарность!

— Это заявление при тебе? — неприступно-официальным тоном спросила Марта Ивановна.

— Представь себе, при мне. Брал домой и перечитывал... — Логинов протянул бумажку. — Хотя там и читать-то нечего.

Марта Ивановна единым духом прочла заявление, чисто по-женски, горестно и широко, всплеснула руками.

— Так я и знала! Она, видите ли, должна выйти замуж. Ну не смешно ли! Наверно, и те, из «Восхода», писали это же самое. Но как ты-то мог попасться на эту удочку? Убей, не понимаю!

— Вот и я еще не до конца все понял, — раздумчиво проговорил Логинов, присаживаясь на вросшее в землю ржавое колесо от косилки. — Только убежден, что никакой «удочки» тут нет. Быть может, в этом впопыхах написанном словечке «должна» кроется какая-то драма. А может, и нет, может, это только мне так показалось. И еще показалось, что если бы я ее не отпустил, она все равно бы уехала. Я рассчитывал, что ты все это мне объяснишь, а теперь вижу, что и ты ничего не знаешь. А надо бы знать...

— Не беспокойся, я бы узнала, если бы она пришла ко мне, а не к тебе.

— В том-то и дело, что не к тебе...

— Потому что заявление это — фальшь, предлог. Я бы ее сразу раскусила.

— Может быть, — с сомнением пожал плечами Логинов.

— Ну, конечно, все это неискренне. Катя просто струсила, неужели тебе не ясно? Ты обязан был ее переубедить, доказать, что ее поступок позорит не только ее, но и бригаду, весь колхоз. Да если бы и не переубедил, ты не имел никакого права ее отпускать. Мы обсудили бы заявление на комсомольском собрании, приняли бы меры...

— Меры тут не помогли бы, — сдержанно, но с явной досадой перебил Логинов. — Пожалуй, они оскорбили бы ее. По-моему, Катя ждет ребенка, и это надо

понять. Хорошо, если все обойдется благополучно. У меня такой уверенности почему-то нет. А что говорят девушки?

— Они страшно подавлены, и теперь я ни за что не ручаюсь, — с ударением произнесла Марта Ивановна.

— Вот как! — Логинов усмехнулся знакомой усмешкой, больно уколотившей Марту Ивановну. — Ну если так, надо обязательно разузнать, как там получится у Кати.

— Ты отпустил, ты и узнавай, — в сердцах вырвалось у нее. Она сама испугалась подобной грубости, но поправиться было уже поздно.

— Обязательно разузнаю, — просто сказал он. — Надо поговорить с девушками, наверняка они знают больше, чем мы. К сожалению...

— К сожалению? — недоуменно переспросила Марта Ивановна.

— Впрочем, они и должны знать больше. Удивляюсь, почему они ничего не рассказали тебе.

— Ничего они не знают. Катя обманула всех, даже подруг. В общем, я считаю, что нам незачем раздувать это дело. Бригада была, есть и будет, теперь-то я за ними присмотрю. А тебе, хочешь, не хочешь, придется признать ошибку. Ты не имел права ее отпускать.

— Имел, не имел, а отпустил. Я не мог иначе. Если Катя будет счастлива — что ж, значит, все правильно. А если она обманула — тем более не стоило ее задерживать.

— Если так рассуждать, — в тон ему сказала Марта Ивановна, — можно распустить всех...

— Нет, — решительно возразил Логинов, однако не стал пояснять, почему он так думает. — Это письмо из редакции... у тебя?

— Конечно, нет, — с вызовом ответила Марта Ивановна. — Уж не собираешься ли ты вывесить его на стенах конторы?

— Именно собираюсь, — улыбнулся Логинов. — Нет, серьезно, дай-ка мне это письмо, пригодится.

— Нет, Сергей, пока все не успокоится — не дам, — категорически заявила она.

— Ладно, — примирительно сказал он, — я и так его запомнил.

Марта Ивановна вздохнула, зачем-то оглянулась вокруг — нигде никого не было видно, устало опустилась рядом с Логиновым на траву, ворчливо и ласково проговорила:

— Ох, и путаник ты у меня...

Он пристально, с понятной лишь для нее усмешкой посмотрел в ее черные усталые глаза и ничего не ответил...

XVI

ЛЮБОПЫТНЫЙ ко всему, что имело хоть какое-то касательство к Лене, Алексей Осипов одним из первых узнал об отъезде Кати Орешкиной. Правда, подробностей он не смог раздобыть, но сразу смекнул, что тут дело нечисто.

Не успел Володя вечером переступить порог, как Алексей не без злорадства огорошил его вопросом:

— Слышал? Катя-то свою путевку подальше в чехмодан упрятала и обратно домой подалась. Логинов говорит, что он отпустил ее по семейным обстоятельствам, а по-моему, брехня это. Надоело ей тут, ну и драпанула. Увидишь, и другие сбегут, как пить дать. Тоже, нашлись добровольцы...

Он был зол на Лену за ее высокомерно-насмешливое отношение к нему и теперь изливал душу.

Новость в первую минуту не особенно удивила Володю — Катя могла и не такое выкинуть, — но слова и тон Осипова разозлили его.

— А ты чему радуешься? Может, у Кати и верно дома несчастье, а ты зубы скалишь. Так просто Логинов бы не отпустил. И других к этому делу не приплетай, понял? Тебя это не касается.

— Зато тебя касается — компания-то у вас одна, — язвительно сказал Осипов, но тут же подумал, что ссориться с товарищем из-за такого пустяка не стоит, закончил благодушно: — Оно и верно, мне-то какая забота? Хоть завтра все сматывайтесь, я и слова не скажу. Я, может, и сам на такой же вакансии. Помнишь, я тебе сразу объяснил: удовольствия здесь мало. Только к чему было девушкам такую шумиху затевать? Ну поработали бы малость, узнали бы, почем фунт лиха — и на том спасибо. Ты вот сколько здесь делов переделал — кто же тебя упрекнул бы?

Володя, казалось, не слушал его. Он прошел к окну, оперся ладонями о подоконник, некоторое время смотрел на улицу, потом спросил, не поворачивая головы:

— Так ты думаешь, что Катя сбежала?

— Понятно, сбежала, — беспечно ответил Осипов. — Сам знаешь, она и до этого целыми днями пропадала в поселке.

Володя оттолкнулся от подоконника, избегая взгляда Осипова, буркнул:

— Схожу в контору, узнаю насчет аванса...

— Ну-ну. С ужином подождать?

— Как хочешь.

— Ежели ты с магарычом придешь — подожду. У меня тут как раз наряды подсчитать надо.

— Вряд ли. Пожалуй, не жди.

Чуть не стукнувшись о низкий брус пола и чертыхнувшись, Володя вышел.

«Ну ясное дело, зачем ему аванс понадобился, — усмехаясь, подумал Осипов. — Орешкина сбежала, а он что, рыжий? Знаю, чем они все дышат. И Ленка не удержится, иначе с чего бы это она так задавалась? А того не понимает, дура, что я бы с ней хоть куда подался и не хуже любого другого ей жизнь устроил. Это я здесь незаметная личность, так оно и понятно — развернуться негде. Ладно, ежели она такого же духу, как Володька, я ее не упущу, растолкую все как есть...»

Володя и в самом деле повернул к конторе. Он шел, не поднимая глаз и не здороваясь со встречными. Впервые ему было стыдно — он и сам еще толком не знал, перед кем и отчего. Узнав Осипова поближе, Володя увидел, что тот в чем-то сродни ему самому — такой же «неприкаянный» и взбалмошный, хотя и пытается прикрыть свою неприкаянность разными трескучими словами. Он мечтал о какой-то красивой жизни, а Володя — лишь о том, чтобы, как он говорил, определиться по-настоящему, почувствовать себя полезным и нужным людям. Ему надоело мотаться туда-сюда, хотя в разговорах с Осиповым и другими он по-прежнему любил повторять, что в жизни все надо повидать и испытать. А жизнь была везде — в том же, например, колхозе, куда Володя попал по собственной опрометчивости. Он это почувствовал совсем недавно, после того, как Логинов пригласил его вместе с другими

механизаторами и строителями на заседание правления и советовался с ними насчет строительства и монтажа доильного помещения и передвижных доильных площадок. Опыта в этом деле ни у кого не было, приходилось на каждом шагу ломать голову над какой-нибудь хитроумной мелочью, и Володю это увлекло. Увлекло потому, что он уже давно открыл в себе страсти к технике. И теперь все чаще товарищи по работе обращались за советом к нему, и он не мог не гордиться этим. Володе хотелось довести начатое дело до конца, и в случае, если он все-таки уедет из колхоза, хотя бы оставить по себе добрую память.

А Осипов об этом даже и не подозревал, потому что Володя не привык разглагольствовать о том, что делалось в его душе. Особенно с Осиповым, хотя они, казалось, и сошлись характерами. Со временем Володя стал относиться к нему все насмешливей, считал Осипова пустозвоном и хотя продолжал водить с ним компанию, все упорнее подумывал о перемене квартиры.

Вот почему злорадство такого человека по поводу бегства Кати не на шутку задело Володю. Еще больше задело и возмутило его то, что Осипов, как видно, ни во что не ставил искренность и твердость Верочки, а уж в ней-то, несмотря на ее шашни с Юркой, Володя был уверен, как ни в ком другом.

Сейчас Володя не мог не думать о Верочке. Он думал о том, что, если кто и переживает из-за Кати и за Катю, то это, конечно, Верочка. Ей, наверное, худо сейчас. Зря он тогда не поехал в поселок и не разузнал, что там происходит между Катей и Виктором. В общем-то Катя, пожалуй, неплохая девушка, и, может, у них там с Виктором все по-серьезному, но зачем же тогда было ехать в колхоз?..

И Володя, скрепя сердце, решил поговорить с Верочкой и выяснить обстановку. В контору он и не собирался идти. Пусть Осипов ждет, сколько ему влезет и нудится в догадках, черт с ним...

Володя посмотрел на часы. Было около восьми. Пожалуй, девчата, еще не вернулись с пастбища. Но туда он не пойдет, не хватало еще, чтобы Юрка подумал, будто Володя навязывается к Верочке. Он встретит ее где-нибудь в дороге. Лена не помешает, к тому же она не из болтливых.

Он репнительно повернул с главной улицы в переулок, потом задами выбрался на затравевший зимник. Шел, беспокойно оглядывая чудесно зазеленевшие, ставшие такими знакомыми места. Вот здесь, у спуска в ложину, у большого, гранитно отшлифованного водой и ветрами камня, он как-то повстречался с Верочкой и от неожиданности позабыл с ней поздороваться. Она, жалко позванивая дужкой ведра, ускорила шаг, а Володя сел на камень и закурил, ни разу не взглянув ей вслед. Вспомнив об этом, он, словно ему свело челюсти от чего-то кислого, скрипнул зубами. Провалиться бы ему тогда сквозь землю вместе с камнем, а то получилось так, будто он гордился собственным свинством. Ну и дурак же он был! Да и потом вел себя не лучше...

Но сегодня он должен поговорить с Верочкой. Как-никак, они приехали сюда одним отрядом, он тут не посторонний. Ну и что из того, что тогда отказался съездить в поселок? Сейчас он не вправе лезть в кусты. Пусть Осипов заткнется со своими намеками.

Володя не стал спускаться в ложину, к скотному двору, а пошел по-над оврагом, чтобы сократить путь. Из-под ног, между чаклой травяной порослью, веялась пыль. Ох, как надо бы дождя! Это лишь издали поля и луг казались красивым сплошным зеленым ковром, а на самом деле земля, лишенная влаги, плохо гнала вверх озимые и травы, они не шелестели, а скрипели под подошвами, словно жалуясь на свою судьбу. Прежде, бывало, Володя радовался такой весне — сухо, тепло, можно было купаться, загорать, радоваться солнцу, а теперь безоблачное небо его не радовало. Просто он не мог радоваться, когда все люди говорили о дожде, ждали его. И Володя тоже сейчас думал о том, что если дождя долго не будет, колхоз может остаться без кормов, и Верочка, конечно, опять станет переживать, как переживает из-за Кати. Уж такая она, эта Верочка — переживает за все, хотя ее это вроде и не касается.

Между прочим, Володя прошел мимо и того оврага, где Верочка вместе с Юркой косила траву, но он не знал об этом, ему сказали только, что Юрка по собственной инициативе возил Верочке им самим

накошенную траву, минуя других девчат. Володя сказал тогда: «Пусть старается, на дураках и воду возить можно», но в общем-то еще больше обозлился на Юрку за его вмешательство в чужие дела.

Не доходя до первой клетки пастбища, Володя присел на бугорок возле небольших кустиков ивняка. Дорога, по которой возили молоко и ходили доярки, была в пяти шагах. Пройти незамеченными девчата никак не могли. Володя еще раз не без досады поглядел на синее, гораздо более синее, чем днем, небо, нетерпеливо закурил.

К счастью, ждать пришлось недолго. Вскоре, выглянув из-за куста, Володя, увидел Лену. Высунулся подальше — так и есть: Лена шла одна. «Вот так раз! А где же Верочка? — подумал Володя. — Неужели раньше прошла?»

Раздосадованный, он снова уселся на бугорок. Лена шла неторопливо, перекинув через плечо снятый халат. Наверное, она несла его, чтобы постирать дома. «Ну ладно, пусть постирать, но куда же девалась Верочка? И Ани нет. Значит, они там остались», — разрозненно, волнуемый каким-то предчувствием, размышлял он.

Замстив Володю, Лена еще больше замедлила шаги. Лицо ее выразило беспокойство, но она тут же овладела собой, воровато повела вокруг глазами. Только грудь ее вздымалась и опускалась все чаще да легкий румянец плитami проступил на щеках. Побледневшие губы чуть приоткрылись, словно ей не хватало воздуха.

— А где же остальные, Лена? — спросил Володя и притушил окурок о землю.

— Остальные? — протяжно переспросила Лена, все так же медленно, но решительно идя прямо к нему. — А остальные купаться с Юркой пошли.

Она остановилась перед ним, глубоко и часто дыша, обжигая его горячим, в упор, взглядом. Он невольно поднялся, хриловато сказал:

— А! А ты чего ж?

— Не хочу. Я как чувствовала, что ты будешь ждать... Нет, скажи, как ты здесь оказался? Зачем? Хотя нет, лучше не говори, не надо. Я знаю. Только

ты ошибаешься, Володя, во всем, во всем ошибаешься. Ты ничего не видишь, ты как слепой... Сядь.

Она задохнулась. Ошеломленный, Володя молча сел. Лена порывисто опустилась рядом, прижала ладони к горящим щекам.

— Да, ты слепой, Володя, да и я не очень-то зрячая. Нет, нет, Верочка тебя не обманывала, она еще и сама не понимает, что это такое — любовь. Она всех любит одинаково, ты же должен почувствовать. Время такое у нее еще не пришло, чтобы по-настоящему полюбить. И никто в этом не виноват. И я не виновата, что люблю тебя, Володя... Думай что хочешь, а я не могла этого не сказать...

Он хотел что-то возразить, но она остановила его, почти коснувшись ладонью Володиных губ.

— Понимаешь, мне невольно стало, я просто места себе не находила. Можешь ты поверить, что бывает так? Помнишь, ты приходил к нам в общежитие, я и внимания не обращала, а уйдешь с Верочкой — я об обоих о вас думала. И не о чем бы думать, а думала. А потом уж об одном тебе, даже и сама не знаю, как получилось. Думаю и думаю, хоть и презираю себя за глупость. Может, это и прошло бы, если бы ты в колхоз с нами не приехал. Скажи, Володя, ну зачем ты сюда приехал?

Понемногу Володя приходил в себя, только никак не мог решиться посмотреть Лене в глаза. Он чувствовал лишь досаду, даже злость на Верочку за то, что ей вздумалось пойти купаться и поставить его, Володю, в такое неловкое положение...

— Как зачем? Работать, — твердо ответил Володя, сам веря в эту минуту, что он поехал в колхоз только ради работы, а не ради Верочки. — Вы же вот работаете, пользу даете, ну и я здесь не лишний.

— Ох, Володя, не верю я, что ты тут долго выдержишься, да ты и сам не веришь, только признаться не хочешь. Давай уедем отсюда, а? С тобой бы я — хоть куда...

Она настойчиво ловила его взгляд, а он упорно смотрел в землю, все больше хмурился, искал и не находил удобного положения, словно сидел на сосновых шишках.

— Катя уехала, и мы туда же? Нет, так не пойдет. Ты подумай, о чем говоришь-то? — Он поднял на Лену неласковые, чуть растерянные и все-таки непримиримые глаза. — Уедем, а потом каждый, вроде Осипова, в меня пальцем бы тыкал? Нет, давай уж это дело... здесь решать.

Почувствовав, что сказал не то, что хотел, Володя, трудно подбирая слова, добавил:

— Я же вовсе не знал, что ты так ко мне относишься... совсем наоборот. Не хочу тебя обижать, Лена, но и обманывать не буду — нету у меня к тебе этого чувства. Товарищем я всегда буду верным, можешь на меня во всем положиться. Ты уж извини, пожалуйста...

Лена как-то сразу вся обмякла, и глаза ее, только что светившиеся решимостью и надеждой, словно потухли. Она опустила голову, пальцы правой руки бесцельно теребили редкую травку, вздрагивали. Ей стало так стыдно, что уже не было сил подняться и уйти. Гордость ее снова, во второй раз в жизни, оказалась растоптанной. Злые слезы душили Лену, и все-таки она превозмогла себя, деланно усмехнулась, каким-то чужим голосом проговорила:

— Ну и дура же я — кому поверила? Думала, ты настоящий человек, такой, о каком я мечтала, видишь, чуть сама на шею не повесилась. Верочка-то умнее меня оказалась.

— Ну про себя-то я получше вашего знаю, — угрюмо сказал Володя. — Я ведь про тебя тоже разное думал, а ты вон какая. Чего же тут обижаться? Вспомни, когда я вернулся, вы все на меня косо поглядывали — думаешь, мне легко было? Может, Верочка понимала, да и то так — умом, а не сердцем, видать.

— Вот уж неправда, — вырвалось у Лены, но она тут же осеклась, горько договорила: — Что уж там, признаваться было глупо, а обижаться и того глупее. Ну, а как же жить теперь — может, посоветуешь?

Она мстила теперь себе за все — и за то, что прежде не оумела оценить Володю и глупо надеялась, что он сам заметит и поймет ее, и за то, что поехала в колхоз, и главное — за тот стыд, который она испытывала сейчас. Как она могла решиться на столь не-

обдуманый разговор — она, всегда старавшаяся все делать и говорить обдуманно! Да нет и не было, видать, у нее никакой настоящей гордости, а было лишь надутое самомнение и самоуверенность, которыми она прикрывала свою душевную боль и опустошенность. И все это исчезло теперь разом, она действительно почувствовала себя слабой и одинокой и, как ни странно, искренне просила у Володи совета, как жить, хотя слова ее и прозвучали иронически.

Кажется, Володя понял Лену, понял ее смятение, однако из деликатности, которой до сих пор не подозревал в себе, даже виду не подал, что догадывается о ее душевном состоянии. Ему было жаль Лену, он опасался, что она может решиться на любой поступок, и в то же время она все еще представлялась ему прежней Леной, гордой и неприступной, словно и не было того, что произошло между ними минуту назад.

— Тебе мои советы ни к чему, — сказал он смущенно. — Тут главное — самого себя как следует понять, цель определенную наметить... Вот ты про Катю, например, что думаешь?

— Что ж Катя? У нее цель ясная...

— А по-моему, ни черта не ясная, — с внезапным ожесточением заговорил Володя. — Куда ветер дует — туда и ее несет. Про вас в газетах писали, за коммунистическое звание взялись бороться, это что — шуточки? С таким делами не шутят, я так понимаю. Вас же за язык никто не тянул, когда обязательство принимали. Ну и нечего людей смешить, себя позорить.

— Вон ты как заговорил! — удивленно подняла брови Лена. — Давно ли таким стал?

— Это каким же? — поморщился он. — Каким был, такой и есть, но я же не слепой, хоть ты и сказала, будто я ничего не вижу. Кое-что вижу, а Катю навсквозь понимаю. Нету у нее настоящего характера, а так, лишь бы ей нравилось, то и делает. Гордости у нее нет, а она в каждом человеке должна быть.

— Да, конечно, — пролепетала Лена. — Только Катю нам трудно судить, в чужую душу не влезешь. Вот если ты такой гордый, скажи, зачем ты в колхоз поехал? Что ты здесь нашел?

Володя откашлялся, нащупал в кармане папиросы, но доставать не стал, только переменял положение правой, неудобно подвернутой ноги.

— А чего мне было искать? Взял да и поехал — испытать новую жизнь. Думал, потом пригодится. А тут интересная работа попалась, я давно о такой мечтал. Во всяком случае бегать туда-сюда, как Катя, пока не собираюсь. Меня приняли как полагается, а я бы наплевал на все и опять в другое место подался? Нет, это не по мне.

Лена сидела, понурив голову, не решаясь ни уйти, ни продолжать разговор. Мыслей в голове не было, было лишь желание остаться одной, лечь лицом в траву и заплакать, как это бывало в детстве после жестокой обиды, нанесенной взрослыми.

Володе вновь стало безотчетно жаль Лену. Он чувствовал себя виноватым перед ней, хотя и не знал — в чем.

— Лена, — сказал он глухо, дотрагиваясь до ее руки, — знай, Лена, что я тебя очень уважаю, больше прежнего... Если бы мы раньше встретились, все было бы по-иному... Ты очень хорошая, Лена, только я не умею это выразить...

Она легла лицом в траву и заплакала — легко и беззвучно, словно плакали и страдали одни глаза, а не все ее существо. А может, это были не только слезы жалости к себе и горечи по утраченным надеждам, но и слезы благодарности за теплые, искренние слова, которых она ждала столько времени.

Володя беспокойно оглянулся, приподнялся на локте и бережно обнял Лену за плечи...

XVII

А ДОЖДЯ все не было. Если в конце мая, когда досеивались последние гектары яровых, люди радовались неизменно чистому и жаркому небу, то теперь с тревогой и недоумением оглядывали горизонт, тщетно выискивая хотя бы единое облачко, предвещавшее перемену погоды.

Дождь был нужен позарез — и травам, и яровым, с неистребимым упорством пробивавшимся к солнцу

сквозь сухую корку земли. Но настоящей силы в выбрызнувших поверх полей зеленых ростках не было. А трава даже на заливных лугах выглядела не лучше, чем в прежние годы на суходолах. Одни сутки теплого обильного дождепада решили бы все. Однако небо по-прежнему слепило и обдавало людей и землю изнуряющим зноем.

Самойлов нервничал все больше. Да и было отчего: урожай под угрозой, заготовка кормов недопустимо затягивалась. Но секретарь райкома обвинял в этом не засуху, а людей. Он был убежден, что задержка с silосованием вызвана застарелой привычкой председателей колхозов к самотеку. И он не мог допустить, чтобы все его усилия по чьей-то глупости полетели прахом.

Он решил поехать к Логинову. В колхоз имени Ильича Самойлов собирался давно. Еще прошлой осенью, вскоре после партконференции, его заинтересовал здешний председатель, человек, как показалось секретарю, дельный и умный, несмотря на его спорные выступления на совещаниях и частые стычки с работниками райкома. Постепенно, однако, это мнение о Логинове изменилось. Вопреки возлагаемым на него надеждам, Логинов до сих пор ничем особенным себя не проявил, хуже того — в отдельных случаях неправильно реагировал на указания райкома, а то и просто игнорировал их. Это не могло не настораживать. Очевидно было, что вся его так называемая самостоятельность и здравый смысл — не что иное, как обыкновенная самоуверенность и зазнайство, порожденное прежней безнаказанностью.

Что ж, подобных людей Самойлову уже приходилось встречать. Их, правда, не всегда удавалось раскусить сразу, но рано или поздно они сами разоблачали себя. Странно, почему так верят в Логинова Локтев и другие? Или так же свыклись с ним, как и с этим бесхребетным Дубцовым, которого годами держали у руководства, хотя и видели, что он заваливает дело? Да, конечно, и тут сказывается эта проклятая боязнь нового, боязнь перемен, давно уже назревших и требующих риска.

Зато он, Самойлов, не намерен останавливаться на полпути, хотя бы ему пришлось восстановить против себя всех. Самое обидное состояло в том, что, сколько он

ни приглядывался к людям, ему до сих пор не удавалось найти ни одного, на кого он мог бы по-настоящему положиться. Надеяться приходилось лишь на себя самого, и Самойлов бестрепетно готов был работать и думать за всех, даже если бы ему довелось спать не больше четырех часов в сутки. Он знал: сил у него хватит. Не на отдых же послали его сюда.

Оставаясь наедине, Самойлов пробовал проанализировать и оценить свою деятельность как бы со стороны и всякий раз приходил к выводу, что в создавшихся условиях иначе действовать он не может и не имеет права. При этом он искренне старался быть объективным и даже признал однажды, что в данном случае поступил опрометчиво. Однако исправлять ошибку не стал: незачем было давать подчиненным повод для злорадства. А что люди непременно стали бы злословить по его адресу — в этом Самойлов не сомневался. Он не обманывал себя насчет подлинных чувств тех, кому он повседневно говорил неприятную правду...

Да, он не любит болтунов — и вот уже про него говорят, что первый секретарь зажимает критику; он требователен и беспощаден к тем, кто работает спустя рукава, — на него обижаются, будто он только угрожает и наказывает; он с утра и до позднего вечера не знает покоя и не дает его другим — ему пытаются доказать, что он плохо знает людей, подменяет их, глушит инициативу... Да если бы все это было справедливым, он первый признал бы свое банкротство. Между тем дело обстояло как раз наоборот: в колхозах стало больше порядка, район неплохо провел весенний сев, в обкоме Самойлов на хорошем счету. Так почему же, к примеру, председатель райисполкома обиделся и заговорил даже об «отставке», когда Самойлов потребовал на предварительный просмотр его доклад на сессии райсовета? К тому же выяснилось, что тон доклада действительно был недостаточно требовательным, а задачи и сроки мероприятий не столь жесткими, как диктовала обстановка. Почему тот же Логинов возмутился, когда одно из его путаных выступлений не появилось в газетном отчете? Ничего похожего не было в том районе, где Самойлов работал раньше. Или там люди были другие, не такие мелочные, как Локтев и Логинов?

Что ж, если так, он найдет таких людей и здесь...

В это утро, проснувшись словно от толчка, Логинов глянул в окно и ахнул: на дворе с мягким, устойчивым шумом лил дождь. В другое время он переждал бы ливень, быть может, подосадовал бы на помеху в работах, а сейчас подумал: «Жаль, с утра пошел — к обеду перестанет».

Наскоро позавтракав, Логинов набросил на плечи неизносимый брезентовый плащ, пошел к бригадиру.

Василий Бугров, приоткрыв окно и с наслаждением прислушиваясь к буйному перестуку дождевых струй о затвердевшую землю, поспешно допивал четвертый стакан чаю. Завидев председателя, вынырнувшего из водяной пелены прямо под окном, Бугров без сожаления поставил недопитый стакан на блюдце, встретил Логинова у порога.

— Ишь, как оно хлещет — благодать. Дождались-таки.

— Да, пора. Ты вот что, Василий Прокопьевич, с закладкой того бурта, у фермы, не тяни, кончай сегодня. Дождь силосованию не помеха.

— Массы-то этой самой близко нет, вот загвоздка, — помялся бригадир.

— Коси на Вербном острове, не жалей.

— На заливному-то? — недоверчиво переспросил Бугров. — А сено где будем брать? Вся надежда на Вербный.

— Хватит сена, не прибедряйся. Каждый год о нем плачем, а дальние покосы чужим людям оставляем. Ранний силос поценнее корм, не прогадаем.

— Оно, пожалуй, верно, — раздумчиво проговорил Бугров. — Это спервоначалу меня оторопь взяла, сам знаешь — прежде-то с заливного никогда на силос не косили.

— Там еще какая трава вырастет, возьмем ее попозже. Бери обе косилки, лошадей побольше и выезжай сам на остров. Одной силосорезкой справишься? Людей наберешь?

— Все наготове, а трактористы у меня ухари-ребята. Будь спокоен, Сергей Емельянович.

Говоря, Бугров ловко и споро передвигался по избе — снял с гвоздя фуражку и ватник, подпоясался ремнем, сунул в карман папиросы и спички. Его жена,

прибравшаяся на кухне и слышавшая разговор, спросила:

— Доярки тоже могли бы подсобить. Покликать их?

— А техника на что? Без вас управимся. Ежели что — дам знать.

— Доярок пока не тревожь, у них своих хлопот достаточно, — сказал Логинов. — Бери молодежь, она, брат, ни под каким дождем не размокнет.

— Я и не тревожу, это она сама напрашивается, — улыбнулся бригадир. — Зайдешь поглядеть?

— Приду, — коротко кивнул Логинов.

Вообще говоря, он мог бы и не проверять, как организуется дело Василий Прокопьевич, — знал, что тот своему слову хозяин. Логинов еще и прежде, до объединения, отдавал себе полный отчет, что сила председателя колхоза в деятельных, грамотных, хозяйственных бригадирах. Их роль еще больше возросла, когда укрупнились и комплексные бригады. Что толку в хороших указаниях, если нет твердой уверенности, что они будут выполнены? Поэтому-то Логинов с такой придирчивостью приглядывался к подходящим на эту должность людям, прежде чем остановить свой выбор. Так было и с Бугровым. Сначала Бугров взялся за дело нерешительно, нередко поддавался влиянию остальных колхозников, по мелочам ждал указаний «сверху», однако Логинов угадал в нем хозяйственную хватку, скрытые до поры до времени упорство и самостоятельность характера. Лучше всего на Бугрова действовало доверие. Но еще больше он уважал в председателе расчетливую смелость в решении острых вопросов. «Этот не промахнет», — говаривал он колхозникам и тем самым как бы скреплял авторитетом председателя собственные распоряжения. Вскоре они научились понимать друг друга с полуслова, и им не приходилось тратить много времени и нервов, чтобы уладить разногласия и бить в одну точку. Чаще все-таки оказывался правым Логинов. С другой стороны, Бугрову нравилось, что председатель прислушивается к советам колхозников и не стесняется признаться в ошибках даже тогда, когда о них никто не напоминал. Василий Прокопьевич до сих пор краснел и сердито отплевывался, вспоминая скандальную оплошность, допущенную Логиновым и членами правления при закупке телят, и удивлялся,

что Логинов не перестает открыто говорить об этой истории, словно наказывая себя...

Дождь несколько стих, но все еще шумел весело и бойко. На улице появились лужицы. В них бродили, довольно похрюкивая, поросята с обгоревшими на солнце красными ушами. Нахохлившиеся куры, переступая с ноги на ногу, жались к завалинкам и стенам сараев. Ветра не было, и омытая, посвежевшая листва тополей и берез почти не шевелилась, подставив свои ладошки под благодатный душ. Пробираясь по бровке дороги к правлению, Логинов бережно ступал на мураву и, оглядываясь, видел, как она упруго выпрямлялась там, где оставался след сапога.

Уже подходя к конторе, Логинов чуть не столкнулся с райкомовским «газиком», круто вывернувшимся из переулка. Он был доверху забрызган грязью. Логинов остановился. Из машины вылез в черном прорезиненном плаще Самойлов.

* * *

— У меня к вам несколько вопросов, — сказал Самойлов, едва они вошли в председательский кабинет. — Во-первых, выполнено ли указание райкома насчет телят? Во-вторых, почему срывается выполнение полугодового плана по продаже мяса? В-третьих, когда вы намерены приступить к силосованию кормов?

— Давайте сначала разденемся, а то с меня течет, как с утопленника, — миролюбиво улыбнулся Логинов. — Или вы к нам проездом? Тогда, конечно, раздеваться не стоит.

Самойлов уловил в голосе Логинова скрытую иронию, нахмурился.

— Нет, я не спешу, но, само собой, длинных докладов мне не нужно, — сухо и многозначительно сказал он.

«Настроен, как и всегда, серьезно, — подумал Логинов, усаживаясь на свое обычное место за столом. — Да оно и понятно, зря бы он не приехал. Но, черт возьми, здесь же не бюро, должен же он заговорить по-человечески».

— Я тут думал насчет телят, — начал он, желая высказать давно беспокоившую его мысль. — Сейчас

они, конечно, все на ферме, но вот вопрос — до каких пор мы будем закупать скот на стороне? Райком дал разнарядку, сколько каждому колхозу купить телят, а ведь это денег стоит. Баш на баш получается, Семен Михайлович. За что купил, за то почти и продал, откуда же доходы будут? Мы-то купили немного, а иные колхозы наполовину рассчитываются с государством за счет покупного скота. Свой надо выращивать, иначе превратятся наши колхозы в перекупные конторы, где уже тут думать о рентабельности.

— По-твоему, райкому об этом неизвестно? — суживая глаза, спросил секретарь. — А ну, скажи, сможешь ты выполнить обязательство по мясу и по выходному поголовью за счет своего скота?

— В этом году — нет. А в будущем — обязательно. Иначе какие же мы хозяева?

— Похвально, ничего не скажешь, — усмехнулся Самойлов. — А вот другие колхозы и в будущем году не смогут этого сделать. Как прикажете поступить?

— Ну это разговор длинный и всем известный, — пожал плечами Логинов. — Ликвидировать яловость, не допускать падежа, правильно организовать откорм и нагул скота... Об этом мы говорим на каждом совещании. Но пока мы будем надеяться на закупки, все останется по-старому.

— У каждого председателя должна быть голова на плечах.

— А если вы и в будущем году дадите разнарядку?

— Там видно будет. Во всяком случае обязательство надо выполнять, а как — это ваше дело.

— Не только наше, а и райкома, я думаю...

Самойлов с любопытством посмотрел на Логинова, словно впервые его увидел.

— Так как же все-таки с планом? — почти грубо спросил он.

Логинов устремил взгляд в угол, как бы прикидывая свои возможности, ответил:

— Выполним. Резервы есть. Правда, будем сдавать пока свинину, нагульные гурты подготовим к осени. Продавать тощий скот нет смысла.

— Это называется — от сих и до сих, — иронически поджал губы Самойлов. — Выходит, те председатели, которые сдают мясо сверх плана, плохие хозяева?

— У каждого своя голова на плечах... Мы выполним свое годовое обязательство, но возможности для этого создаются не за один месяц.

— Допустим. Сколько свиней у вас сейчас стоит на откорме?

— Примерно шестьсот. Не считая разовых свиноматок.

— А сколько разбазарено?

И как бы желая сверить ответ Логинова со своими данными, Самойлов достал из кармана блокнот и стал листать его.

Логинов понял, коротко улыбнулся, предупредил:

— У вас устаревшие сведения, Семен Михайлович. Не семьдесят, а сто тридцать поросят было продано на сторону. В прошлом году продали больше трехсот.

— Почему?

— Бесхозяйственность, конечно... Еще живуча проклятая привычка занять хоть синицу в руки, чем журавля осенью. Да и кормов не хватало. Впрочем, все это было до объединения...

Но тут же Логинов подумал, что это похоже на попытку свалить вину на других, досадливо поморщился, переменял тон:

— В общем, все дело в кормах. Над этим мы сейчас и думаем.

— Думаете? Почему же в таком случае у вас до сих пор не заложено ни одной тонны силоса?

— Ах да! Вы же спрашивали... Силосовать начали во всех бригадах, около тысячи тонн уже заложено. Но мы еще не успели об этих тоннах сообщить в райплан.

— Черт знает что! — невольно вырвалось у Самойлова; он смущенно потянулся к лежавшей на столе пачке папирос. — На эффект бьете?

— Да нет, просто ждали пятнадцатого числа. Отчетность-то у нас пятидневная.

— Тогда вот что: проедем сейчас по бригадам, а потом я двину к твоим соседям и дальше. Придется кое-кому напомнить об ответственности. Откровенно говоря, я не ожидал, что именно вы проявите инициативу в этом деле.

— Другие тоже, наверно, не спят. На днях приезжал ко мне из района уполномоченный, шумел, давал

указания, грозил вам пожаловаться. Как будто я сам не знаю, когда и что делать. Пора бы этих уполномоченных совсем отменить, а присылать, когда это необходимо, хороших организаторов. Плохому хозяину все равно никакой уполномоченный не поможет.

«Ишь ты, хорошим хозяином себя считаешь, — с прежней неприязнью подумал Самойлов. — Ну и самоуверенный тип...»

— Когда тот или иной руководитель делает промах, не вредно его и поправить, — наставительно произнес он.

«Если б только поправляли, а то ведь, бывает, сразу делают оргвыводы», — подумал Логинов, а вслух сказал:

— За добрый совет и помощь обижаться, конечно, глупо. Но и для обид причины имеются.

— В серьезных делах не приходится считаться с самолюбием отдельных лиц.

— Самолюбие самолюбию рознь, Семен Михайлович, — глядя прямо в глаза секретарю, сказал Логинов.

Тот молча встал.

Логинов набросил на плечи мокрый плащ, но тут же раздумал и повесил его обратно. Уже садясь в машину, Самойлов внезапно спросил:

— Как у тебя девчата-добровольцы работают? Жалоб нет?

Он обращался к Логинову то на вы, но на ты, и, по-видимому, это нimalo его не стесняло — все зависело от настроения. Логинов это почувствовал еще раньше, при первых встречах, и решил, что сейчас секретарь настроен миролюбиво. «Сказать или не сказать?» — мелькнуло у него в голове, но тут снова заговорил Самойлов.

— Я читал про них в газете, молодцы. Думаю, сейчас надо бросить клич ко всем добровольцам равняться на ваших девчат. Я скажу Поповкину, чтобы подняли их на щит. Это же очень важно — иметь такой пример.

— Да, да, конечно, — машинально сказал Логинов, но уже в следующее мгновение проклинал себя за поспешный ответ, за трусость, за то, что в эти последние два дня в суете неотложных дел забыл о Кате...

ВЕРОЧКА десять раз решала и все не могла окончательно решиться на поездку в поселок, чтобы все разузнать о Кате и если не вернуть ее, то хотя бы убедиться, что она счастлива. Обида и тревога терзали бесхитростную душу Верочки.

«Ну я понимаю, Катя не могла иначе, — говорила она себе, — но написать-то нам могла бы. Тоже стыдно? А так-то разве не стыднее? Подруги ведь... Ох нет, потому Катя и не пишет, что плохо у нее, а признаться самолюбие не позволяет. Куда же она теперь денется? На комбинате на нее тоже, небось, худо смотрят».

Но тут же Верочка начинала ругать себя за черные мысли, говорила себе, что у Кати все хорошо, Виктор, конечно, ее любит и не оставит одну, что Катя сейчас просто одурела от счастья, а когда она придет в себя, то обязательно напишет, а может, и приедет навестить прежних подруг. Кто-кто, а Верочка всегда будет ей рада.

Проходило время, и снова жгучая обида закрадывалась в Верочкино сердце. А что если Катя обманула всех — Логинова, Марту Ивановну, Верочку, Лену, наплевала на то, что говорила тогда на пленуме райкома, и теперь смеется над ними, считая бывших подруг простофилями, и не будет у нее никакого ребенка, а будут новые знакомства и прежние тонкие пальчики с нежной кожей, которыми Катя всегда гордилась... Верочка содрогалась от отвращения и без колебаний отбрасывала еще недавно желанную мысль о поездке в поселок. Уж лучше мучиться в догадках и предположениях, чем собственными глазами убедиться в падении Кати. Верочка пыталась даже вовсе не вспоминать о ней, но это оказалось выше ее сил.

А тут примешалось еще одно. С Леной снова произошла странная перемена. В последние перед уходом дни, когда Катя незаметно, но неуклонно все дальше отдалялась от подруг, Верочка и Лена так же незаметно, без особых усилий с чьей-либо стороны, сблизились. Таких разговоров, какие они вели сейчас, раньше между ними не было. После признания о том, что

старое забыто, Верочка думала, что теперь у Лены нет и не будет ничего такого, о чем она не захотела бы рассказать. Правда, в тот раз, когда они чуть не поссорились из-за Юрки, а потом долго сидели молча на хозяйском сундуке, Лена что-то не договорила, что-то скрыла от Верочки, вызвав у нее мимолетное подозрение, но разве мало того, что Лена успела высказать? Ничего подобного Верочка никогда не слышала в поселке. Откровенно говоря, и Верочка кое-что утаила от подруги. Кто знает, может, она и доверилась бы, если бы разговор принял другое направление. Она и сама не знала, что тогда удержало ее. Но главное было не в этом. Главным для Верочки было то, что она начала понимать Лену, а Лена наконец-то поверила ей. Ледок сдержанности, казалось, был сломан окончательно.

И вот опять с Леной происходило непонятное. Снова Верочка перестала понимать ее. С недоумением и досадой наблюдая за ней, Верочка определила душевное состояние Лены одним словом — ожесточение. Именно так. Она и работала теперь с какой-то лихорадочной поспешностью, словно хотела поскорее отделаться от осточертевших обязанностей, и разговаривала с необычной резкостью, беспричинно раздражаясь по всякому поводу. Недавнего тепла в их отношениях как не бывало. Верочка со страхом заметила, что в последние дни Лена упорно избегала ее взгляда, как будто боялась, что каждый прочтет в ее глазах то, что с ней происходит.

Возможно, Верочка не придавала бы всему этому особого значения, если бы, вернувшись однажды домой, не увидела, что Лена лежит нераздетая на кровати и плачет. Верочка догадалась об этом по ее вздрагивавшим плечам и всей жалко съезжившейся фигуре, прильнувшей к стене.

— Лена, что с тобой? — растерянно спросила Верочка, присаживаясь на край кровати и пытаясь повернуть Лену лицом к себе.

Та схватила за подушку, но Верочка своими сильными и бережными руками приподняла подругу и увидела, что глаза ее с набухшими и покрасневшими веками сухи. Лена плакала без слез.

— Леночка, что случилось? Расскажи мне, вот и будет легче. Что же ты молчишь?

Лена порывисто села, поправила волосы, чужим, неестественно небрежным тоном сказала:

— Так, ничего особенного... Письмо от мамы получила, ну и расчувствовалась. У меня это бывает... изредка. Я не думала, что ты скоро вернешься. Хорошо покупалась? Вода еще, наверно, холодная?

Верочка пристально взглянула в напряженное, настороженное, холодное лицо подруги (взгляд Лены был устремлен в окно), почувствовала неискренность в ее голосе, но ответила весело:

— Что ты! Вода совсем теплая. Зря ты не пошла с нами. Оказывается, Юрка уже давно купается. Пойдешь завтра?

— Не знаю. Что же, нам так и не дадут четвертую доярку?

Верочка не ожидала такого вопроса. Ведь они же договорились работать втроем, неужели Лена передумала?

— Зачем? Скоро доильные площадки установят, вовсе легко будет, да и Катя, может, вернется, — высказала Верочка заветную мысль.

— Как же, держи карман шире, — зло проговорила Лена. — Дура она, что ли, ехать обратно? Нет уж, на Катю ты не рассчитывай, товарищ бригадир.

Она по-прежнему избегала прямого взгляда. Верочка встала, ощутив неприятный холодок в груди.

— На тебя-то, по крайней мере, можно рассчитывать? — спросила она твердо, готовая к любому ответу.

Лена свесила с кровати ноги, ощупью нашла босножки, зачем-то тщательно застегнула их. Верочка молча наблюдала за ней.

— Да уж как хочешь, — не выпрямляясь, глухо произнесла Лена. — А почему, собственно, ты об этом спрашиваешь?

— Да потому, что не слепая, вижу, как ты себя изводишь. Может, уже решила что, так скажи, чего же мы будем в прятки играть?

— Ничего ты не видишь, и давай прекратим этот разговор. Не бойся, если решу — скрывать от тебя не стану, предупрежу заранее.

— А по-моему, ты уже решила, — настаивала Верочка, которой вовсе не хотелось откладывать этот серьезный разговор.

— Да нет же, уверяю тебя, — снова тем же противным небрежным тоном сказала Лена, все еще не поднимая головы.

Но на этот раз от Верочки не так-то просто было отделаться.

— Значит, решила, — тихо, с горечью и большой внутренней силой заговорила она. — Как же так? Не понимаю. Мы же вместе тогда пришли в комитет, говорили хорошие слова, гордились, что едем в колхоз, мечтали о новой жизни. Сколько же раз мы будем начинать эту новую жизнь? До каких пор будем выбирать? Вот так помечемся лет до сорока, а потом и окажется, что ни к чему мы не приспособлены, ничего не любим и не умеем по-настоящему, а так... даже и вспомнить нечего. Страшно и подумать об этом. Ты смотри, в наши-то годы люди на целину, на сибирские стройки едут, а нас, по-твоему, можно туда брать? Да мы еще по дороге захныкали бы, а уж на голом-то месте и подавно...

— Сравнила! Там размах, романтика, гигантские заводы на глазах вырастают, а тут что? Ты думаешь, трудности некоторых пугают? Не в них дело. Тоска одолевает... Куда же мы придем со своими коровами, скажи?

Лена тоже заговорила вполголоса, потому что за дверью застучала ухватом тетя Паша, и неизвестно было, как отнеслась бы она к их спору, если бы услышала его. Но оттого, что ей приходилось сдерживать себя, Лена злилась еще больше. Подумать только, Верочка читает ей нотацию! Как глупо, что она застала Лену с заплаканными глазами. Недоставало еще, чтобы Володя рассказал ей о том, что произошло на лугу. Ну и пускай, теперь уж все равно. Не стоило ввязываться в этот никчемный спор, но раз уж Верочка начала его, пусть пеняет на себя. Не одной ей, Лене, мучиться, снова и снова передумывая, что делать, как жить. Она сделает так, чтобы и Верочка провела сегодня бессонную ночь. Так ей и надо...

— Ты уткнулась носом в навоз и считаешь, что нашла свое призвание, — с откровенной издевкой продолжала Лена, обжигая Верочку презрительным взглядом. — Ну и, пожалуйста, работай на здоровье, но не всем же быть такими навозными жуками, как ты.

— Лена! Как тебе не стыдно? — Верочка, побледнев от негодования, села на сундук, но сейчас же вскочила. — Да, я верю, что нашла свое призвание. И цель у меня есть — себя и других переделать, пример людям показать, и не на словах только... Ты уйдешь — другие придут. Говоришь, романтики здесь нет? Ну это уж от нас самих зависит. В яму смотреть — восхода солнца не увидеть. Я так понимаю свою работу, что я не просто доярка, а что эта должность у меня общественная, всем нужная. Это ты о навоз споткнулась и обижаешься невесть на кого, а я запачкаться не боюсь...

— Замолчи! — Лена болезненно скривила губы. — Я тоже никогда белоручкой не была, не гордись.

— Не в том дело. Душа у тебя оказалась хлипкой.

— Много ты в этом понимаешь! У тебя, наверно, никакой души нет, раз тебе все легко и ясно.

— Да уж не легче твоего, только я так метаться не буду, как ты с Катей.

— Я по Катиной дорожке не собираюсь идти, но я тоже человек, можешь ты это понять?

Лена спохватилась, но было уже поздно. Она вовсе не хотела этого говорить. К чему? Пусть Верочка думает и судит ее как хочет, теперь это для Лены, пожалуй, не имело особого значения, только бы оставили ее в покое. И без того тошно, а тут изволь тратить нервы на бесполезные пререкания. Пока Лена сама не придет к какому-то решению, Верочке ни в чем не удастся ее убедить.

Но, боже мой, какая она стала, Верочка! Кто бы мог подумать, что она способна так воспламеняться? Послушал бы ее сейчас Володя... Нет, Володю Лена ей не отдаст, что бы там ни было. Невозможно представить их вместе, нет, нет... Интересно, целовал ли он когда-нибудь Верочку?

Лена невольно схватилась за шею, инстинктивно прикрыв ладонью то место, где Володя, обняв ее, плачущую и жалкую, прикоснулся губами. Это было совсем-совсем легкое, летучее прикосновение, но и сейчас, вспомнив, Лена вновь почувствовала то же, что и тогда, на лугу.

Она круто повернулась и упала на кровать, зарывшись лицом в подушку.

Верочка с изумлением смотрела на нее, испытывая почему-то жалость и злость одновременно. Ее одолевало желание выговориться до конца. Уж если Катю она по робости и неопытности упустила так легко, то за Лену будет бороться всеми силами. Это стало ее долгом — пусть не по праву старшинства, но по праву дружбы. Ведь они в последнее время так хорошо понимали друг друга.

Но что происходит с Леной? Откуда у нее такое отчаяние? Что она задумала?

— Ну а я, по-твоему, не человек? — спросила Верочка с обидой. — Переживать не умею? Мне тоже многое еще не ясно, и как все будет дальше, я точно не знаю, но я верю, что все должно быть лучше — и колхоз, и работа, и мы сами. Я часто об этом думаю и всякие планы строю, хочешь, расскажу, как у нас все переменится, ну, допустим, через год?..

Поскольку Лена молчала, Верочка тихонько присела на сундук и мечтательно продолжала:

— Во-первых, Катя вернется. Ну я не знаю, как это выйдет, а только Катя должна вернуться. Совесть заставит. Мы же по своей совести сюда приехали... И знаешь, мы уже, наверно, не будем доярками. То есть на ферме-то мы будем, но за нас все машины станут делать, только научиться управлять ими надо. Вот стационарную «елочку» Володя строит — это же целая доильная станция. Ты закончишь девятый класс, а то, может, сразу в десятый поступишь? Ты как-то говорила, что всего год в средней школе не доучилась. Конечно, придется материал повторить, но это же просто сделать, скоро свободного времени больше будет. Я первый курс в техникуме кончу, Аня — семилетку. А потом... — Верочка, сама дивясь собственным мечтам, смущенно улыбнулась, хотя и знала, что Лена не видит ее улыбки. — Потом всё будет нам доступно, только надо хорошенько захотеть, понимаешь? Бригаду мы коммунистической обязательно сделаем, пусть даже и Катя не приедет. Там в обязательстве ее фамилия стоит — как, по-твоему, заставят вычеркнуть, а? Марта Ивановна еще не знает, а может, забыла, но уж ежели увидит — сию секунду велит вычеркнуть. А мне не хочется. Просто рука не поднимается, до того досадно и жалко...

Лена не цевелилась. Верочка еще посидела немного на сундуке, сложив на коленях руки и глубоко заду-мавшись, затем встала и почему-то на цыпочках про-шла к своей кровати. Кровать была деревянная и ши-рокая, как полати; наверное, много лет назад на ней спали вповалку трое сыновей тети Паши, а теперь вот не осталось ни одного.

Верочка знала: старший из них погиб в последние дни войны под Берлином. Не война — работали бы они сейчас в колхозе, и радовалось бы материнское сердце, и люди говорили бы: добрых работников вырастила тетя Паша...

Вздыхнув, Верочка тихо разделась и юркнула под одеяло.

С того дня и порвалась нить дружбы, еще недавно казавшаяся Верочке такой надежной и прочной. Лена больше не заговаривала о своем отъезде, но Верочка видела: какая-то неотвязная мысль мучит Лену, за-ставляет ее напрягать все душевные силы, и неизвест-но, хватит ли у нее их. Вот это-то и беспокоило Вероч-ку, тем более, что помочь подруге она ничем уже не могла. Все попытки заговорить с ней оканчивались од-ним и тем же: Лена тотчас раздражалась, кривила гу-бы и грубо просила оставить ее в покое. Верочке остава-лось только пожимать плечами. Ее поражало, что Лена, всегда такая выдержанная, хладнокровная, мо-жет вести себя так. «Уж уезжала бы, что ли, чем себя изводить, — в отчаянии подумала однажды Верочка, но тут же ужаснулась своей мысли. — А ну и вправду уедет, как же я тогда? Хоть бы с Володей поговорить, он-то чем дышит? Да как к нему подойдешь? Удивля-юсь, как он тут еще держится. Говорят, пить даже пе-рестал. Ну вот этому-то я никак не поверю. Он же всегда хвалился: я сам себе хозяин, никто мне не ука-жет, как и что... Нет, на Володю плохая надежда, чего уж там. Вздумает — только его и видели. Даже и про-ститься не зайдет, окаянный. Ладно, будь что будет, а Лену я пристыжу. Неужели у нее нисколько самолю-бия не осталось?..»

А Лена и не помышляла об отъезде. Летучий Воло-дин поцелуй жег ей сердце, против воли питал зыбкую надежду, и Лена, заранее решившись на любое уни-жение, искала с ним новой встречи.

XIX

КУКУРУЗА подвела Осипова, Осипов — председателя колхоза... Больше, пожалуй, виноват был сам бригадир Бугров, который, хотя и соглашался весной с Логиновым, что кукуруза выгодная и вполне урожайная в этих местах культура, если к ней приложить руки, вскоре после сева начисто забыл о кукурузных полях. Видать, не дошли до его ума и сердца тогдашние доводы Логинова, и соглашался Бугров с ним лишь из приличия, чтобы не прослыть «консерватором».

Главное поле — десять гектаров — находилось на участке Алексея Осипова. За полторы недели теплых и солнечных дней кукуруза, как бы на зло маловерам, дала дружные и богатые всходы. Тут бы Осипову провести рыхление, подкормить растения, прорезжить рядки, но он, проходя мимо и невольно любуясь распушившимися бледно-зелеными и уже кое-где начинавшими желтеть стеблями, думал: «Гляди-ка, вся взошла как есть! Жалко, квадратов не получилось, а то бы можно культиватором проехать. А так где же людей на это дело возьмешь? Нехай! Она, видать, и так вырастет, теперь ей деваться некуда».

«Деваться» кукурузе действительно оказалось некуда. Гладкая, как столешница, с редкими трещинами, земляная корка не пропускала воздуха, недостаток азотистых удобрений тронул желтизной листья, стоявшие в рядках сплошным растением отчаянно боролись за право выжить.

Такую картину и застал секретарь райкома на осиповском поле. Он прошелся с Логиновым по рядкам, трогал мокрые, чуть приободрившиеся от дождя острые листья, ожесточенно вырывал совсем хилые, мешавшие более мощным соседям стебли, топал ногой по затвердевшей земле (кратковременный ливень почти не смягчил корку), с закипавшим гневом, прерывисто, не глядя на Логинова, говорил:

— Вот так дискредитируется большое партийное, государственное дело... Приказали — вы план сева выполнили, но ведь сеем-то мы не ради плана, а ради урожая. Смотрите, как она хорошо взошла, и это богатство вы хотите загубить. Только имейте в виду, Логинов, это вам дорого обойдется — вам лично, я хочу ска-

зять... Почему до сих пор не провели рыхление, позвольте вас спросить? Где ваши агрономы, бригадиры, учетчики? Поразительная безответственность! Неужели вы не видите, что посевы загущены, что им не хватает азота, воздуха, простора? Чего ждете? Какие еще указания вам требуются? Ведь вы же, как недавно мне объясняли, все делаете с расчетом? А это, что же, расчет на бескормицу? Так надо понимать, или, может, у вас какая-то особая агротехника возделывания кукурузы? Поделитесь в таком случае, постараюсь понять. Не пойму — посоветуюсь с членами бюро райкома. Думаю, это их заинтересует не меньше, чем меня...

Его сарказм, намеки на бюро райкома и, главное, чувство собственной вины и невозможности сказать Самойлову то, что он переживал и думал в эту минуту, подавляли Логинова. Он угрюмо ответил:

— Не буду оправдываться, Семен Михайлович. Думаю, что еще ничего не потеряно. Сделаем все, чтобы получить с этого участка самое малое по 400 центнеров зеленой массы с гектара.

— Чушь! Слова! Сколько я их уже слышал от вас сегодня! — окончательно вспылil секретарь; он круто повернул обратно, всем видом показывая, что дальше осматривать поле — пустая трата времени. — Скажите прямо, эта тысяча тонн силоса действительно заложена или существует в вашем воображении? Тогда мне, собственно, здесь нечего делать. Будет больше проку, если мы встретимся и поговорим в райкоме.

«Да, чутье не подвело меня, — с горечью и одновременно с чувством собственного превосходства подумал Самойлов. — Самые худшие предположения о Логинове подтверждаются. Фразер, умело морочивший головы прежним руководителям района. А на деле — пустышка».

— Я готов отвечать за свои слова где вам угодно, — холодея от унижения и сдерживаемого гнева, сказал Логинов в спину секретарю. — В конце концов, цыплят по осени считают.

Самойлов болезненно поморщился. Логинову стало стыдно за беспомощные свои слова, которыми он против воли все-таки пытался оправдаться.

«Недоставало еще, чтобы он узнал о Кате Орешкиной. Ну почему же я, идиот, сразу не сказал правду?

Пожалел Марту, что ли? Да нет, просто струсил, чего уж там... Ах, какой я слюнтяй! Сам засеивал это поле и вот — понадеялся на Осипова, не нашел времени проверить, сделано ли что-нибудь. Самойлов прав, и обижаться тут, пожалуй, нечего».

Однако обида колючим комом подступала к горлу, и Логинову стоило большого труда взять себя в руки. Но говорить он уже не мог, только коротко отвечал на вопросы.

Между прочим, Самойлов спросил, где сейчас секретарь парторганизации (фамилию Марты Ивановны он так и не мог вспомнить, назвал ее — Перова). Логинов ответил, но на этом разговор и кончился. Зачем Самойлов спрашивал о Репиной — Логинов так и не мог догадаться. Из приличия, что ли?

Они поехали ко второй ферме, где Бугров заканчивал закладку большого силосного бурта наземным способом. Самойлов с живейшим интересом следил за гусеницами трактора, трамбуящими зеленую массу, удовлетворенно мямля в пальцах изрезанную влажную траву и при этом как-то не замечал людей, которые шепотом спрашивали у Логинова: «Кто это? Не из области?..» — и удивленно переглядывались. Очевидно, секретарю важно было, что дело шло быстро и правильно, а кто его делал — интересовало мало.

Потом они ходили по скотному двору, построенному еще по старым проектам, со стойлами и кормушками, с проходами посередине и возле стен. Логинов собирался переоборудовать двор к зимовке для беспривязного содержания скота. Секретарь райкома молча выслушал его объяснения, несколько раз одобрительно кивнул головой и, шурша плащом, вышел на волю. Он и здесь не заметил двух женщин, убравших навоз, хотя среди них была та самая Анна Ляпунова, которую Самойлов упоминал весной в докладе на совещании животноводов. В другое время Логинов непременно сказал бы секретарю об этом, а сейчас только осуждающе усмехнулся.

В другие бригады Самойлов не поехал. Расстались они холодно, однако Логинова это уже не задело. Он был зол на себя и думал о том, что, так или иначе, эта встреча с секретарем райкома оказалась поучительнее всех прежних...

ОСИПОВА с работы сняли. Логинов решился на эту меру с нелегким сердцем, так как чувствовал, что и он виноват в промахах бедового учетчика-нарядчика. Но, помимо того, что Осипов и раньше относился к своим обязанностям пренебрежительно, словно делал кому-то одолжение, Логинов считал, что этот шаг послужит уроком для других. С Бугровым у него был по-мужски прямой разговор, после которого тот два дня неотлучно находился на «чертовом» кукурузном поле. Культиватор пустить не удалось, сколько ни бились. С полсотни метров все шло хорошо, но в каком-то месте междурядья то суживались, то расширялись, и лапы культиватора безжалостно вырывали все растения подряд. Да, квадраты не получились, и это тоже был для Логинова горький урок. Пришлось все делать вручную. Бугров доказывал Логинову, что прореживание гнезд и рядков — глупость, нелепая причуда агрономов, наносящая вред урожаю, но Логинов был неумолим. С болью в сердце смотрел Бугров, как проворные руки колхозниц выдергивали лишние растения, как на его глазах оголялось, сиротело поле, еще недавно сплошь покрытое всходами. И не понимал, почему над ним посмеивались. Ему было по-крестьянски жаль каждый, пусть даже совсем хилый стебелек, только и нашедший в себе сил, чтобы взойти и затем зачахнуть, отняв у более сильного собрата пищу...

Логинов с четырех часов утра разъезжал по бригадам и участкам. С Мартой Ивановной он почти не виделся, но о приезде Самойлова и обо всем, что тогда произошло, рассказал ей при первой же встрече. Марта Ивановна возмутилась «придирками» и «черствостью» секретаря райкома, но в душе была рада, что Логинов умолчал о Кате. Умолчала и она о своем недавнем разговоре с Верочкой, хотя Логинов и спросил ее о самочувствии девушек.

— Все хорошо, не беспокойся, — уверенно сказала она. — Работают отлично, надои растут. Да ты разве не видел в газете? Звонили из райкома комсомола, спрашивали о показателях. Ну так вот, наша бригада на первом месте среди молодежных.

— Об Орешкиной ничего не слышать?

— Нет. Да о ней уже и забыли все.

Логинов с внезапной горячностью сказал:

— Не верю! Не может быть, чтобы Вера и Лена могли забыть о своей подруге. А ты? Как ты можешь спокойно говорить об этом? Она же уехала в такой тревоге, я это сразу почувствовал, я не мог ошибиться... Но если я и ошибся, все равно надо узнать, что с ней.

— Нет уж, уволь, — сердито сузила она свои темные, не вбирающие сочувствия глаза. — Орешкина столько вреда бригаде принесла, а я бы о ней справлялась: не обидели ли вас, уважаемая?.. Небось, знала, на что шла, а у меня и без того хлопот дай боже.

— Уж не с бригадой ли?

— Ну вообще... — Марта Ивановна неопределенно развела руками. — А бригада, что ж... я же сказала, что у девчат показатели отличные.

Логинов искоса глянул на нее, сказал раздумчиво:

— А все-таки я чувствую себя перед Катей в чем-то виноватым. Чёрт его знает, не сумел к ней подойти, что ли. Теперь-то я понимаю, что она могла бы рассказать о себе больше, а тогда постеснялся расспрашивать. Напрасно поделикатничал. Неужели девчата ничего о ней не разузнали?

— Говорю тебе — нет, — с явной досадой ответила Марта Ивановна. — Не понимаю, для чего это нужно? Чтобы разбередить живую рану? Странная у тебя чуткость. То ты отпускаешь человека невесть по какой причине, даже не задумавшись о последствиях, то начинаешь раскаиваться.

— Я вовсе не раскаиваюсь, что отпустил Орешкину. Ты все понимаешь шиворот-навыворот. Она уехала бы и без разрешения, это было совершенно ясно. Ладно, кончим этот разговор. — Он устало махнул рукой.

— Я тоже так думаю, — сухо сказала Марта Ивановна, не скрывая обиды. — Не об этом с тобой надо бы говорить, да, вижу, и ты не очень-то меня понимаешь. Вернее, не хочешь. Что ж...

Она медленно повернулась и, опустив покрытую старым, уже выцветшим платком голову, пошла прочь.

Логинов не шевельнулся, думая о чем-то своем.

Марта Ивановна шла к себе на квартиру подавленная и растерянная. В начале разговора она хотела поделиться с Логиновым своими заботами, но, как толь-

ко он спросил о Кате, это желание сразу пропало. Да, Логинов смотрел на вещи другими глазами и, конечно, не понял бы ее. Ему, кажется, вовсе безразлично, будет ли существовать бригада, завоеует ли она звание коммунистической. И если бы ему сказать, что бригада близка к развалу, он наверное спокойно ответил бы: «Что ж, значит, ты поспешила, Марта...» Снова виноватой оказалась бы она.

Но она не чувствовала себя виноватой, напротив. Она отнюдь не спешила, но и не собиралась ждать, пока девчата станут совсем «чистенькими». Если бы не Катя, наверняка все бы шло так, как задумано. А теперь вот и Лена...

Марта Ивановна ежедневно бывала у девушек, чтобы поднять их дух. Она рассказывала им о новых и новых коллективах, вступавших в соревнование за право называться коммунистическими, читала статьи из газет о тех, кто уже завоевал это звание, говорила, что все это не так трудно и сложно, как некоторые представляют. Она сама садилась под корову, если у девчат что-нибудь не ладилось, дополнительно выписала на все стадо концентратов, а коровам-рекордисткам установила повышенный рацион. Ее не смущало, что другие фермы не получали ни концентратов, ни картофеля, хотя там коровы паслись не на культурных пастбищах, а на скудных лесных полянах. Все это Марта Ивановна делала потому, что была уверена — так делается везде. Не могла же она поставить девчат в равные, а тем более в худшие условия по сравнению с остальными фермами, особенно после того, что случилось. Они должны почувствовать свое превосходство над другими, и тогда можно за них не опасаться. Быстрый, ошеломляющий успех разом покончит со всякими сомнениями, заставит забыть любые неприятности. Девушки станут героями, и это будет делом рук одной Марты Ивановны, никого больше.

Как и в первые дни, Марта Ивановна была по-матерински ласкова и заботлива со всеми одинаково, приучилась называть девчат Верочкой, Леночкой и Анечкой, дарила им разные вещички из своего неисчерпаемого гардероба и думала, что такая близость позволит ей тотчас уловить малейшие движения души у своих подопечных.

Так оно, пожалуй, и было. Марта Ивановна знала, например, что Верочка дружна с Юркой Ивашкиным, так как Верочка сама сказала, что Юрка хороший парень. И Марта Ивановна всячески расхваливала перед Верочкой — Юрку, а перед ним — Верочку. Правда, ей казалось странным их упорное молчание, но она не теряла надежды стать их единственным поверенным. Лена интересовалась нарядами, и Марта Ивановна охотно рассказывала ей о последних модах. Еще проще было с Аней. Аня по-детски радовалась, что сумела перегнать многих опытных доярок колхоза и только беспокоилась, как она после двухгодичного перерыва будет учиться в седьмом классе. Раньше она об этом как-то не задумывалась, но теперь, когда ее имя то и дело упоминали в числе передовиков, учиться, конечно, необходимо. И Марта Ивановна с трогательной нежностью ободряла Аню.

Да, так это было, и уверенность Марты Ивановны в близком успехе крепла день ото дня. Вот почему она попросту растерялась от неожиданности, когда Верочка при известии, что через месяц в райцентре состоится слет молодых доярок-добровольцев, внезапно покраснела и с безутешным отчаянием сказала:

— Никуда мы не поедем, Марта Ивановна. Да и вы не захотите на позор себя выставять.

— Какой позор? О чем ты говоришь? — опешила Марта Ивановна.

Они вдвоем стояли возле изгороди, на том месте пастбища, где доярки сливали в бидоны надоенное молоко. Молоковозчик кормил лошадей в полсотне метров от них, Лена и Аня додаивали последних коров в дальнем конце клетки. Юрка Ивашкин, сморенный полуденным зноем (отпустив напарника на обработку кукурузы, он пас теперь стадо круглые сутки), спал в тени натянутой на кольях парусины. Подушку ему заменял мешок с концентратами.

Верочка со звоном захлопнула крышку бидона, взялась за пустое ведро, стукнув им о бидон.

— Тише, Юрку разбудишь, — почему-то испугалась Марта Ивановна. — О каком позоре ты говоришь? Что за чушь?

Верочка потупилась, потом подняла свои овальные, поблескивавшие от сдерживаемых слез глаза, заговори-

ла громким, торопливым полусшепотом, прижимая к груди пустое ведро:

— Вовсе это не чушь, а правда, разве вы не видите? Катя убежала? Убежала. Вернется она, нет ли — все равно позор. Да если бы только Катя, а то ведь, вон, и Лена то же думает, все у нее из рук валится. Я сколько раз пробовала с ней поговорить — и близко не подпускает. Что у нее на душе, я не знаю, а только не на месте душа, мне же видно. Ну, а уж Лена что решит, то и сделает, ничем ее не удержишь. Какая же мы бригада, выходит? А вы про слёт говорите. Вот в газете опять пропечатали, что мы на первом месте, а я скажу — зря это. Не от души все делаем, вот что обидно. Опять же концентратов вы нам дали, вчера картошки привезли, а молоковоз ехидничает: ишь, как вас подкармливают, не иначе бласт имеете... По-моему, всем поровну надо, раз один колхоз. Вот и получается, что мы кругом опозорились. С какими же глазами на слёт ехать?

Марта Ивановна не раз пыталась прервать Верочку, но та лишь приглушала голос, оглядывалась — не идет ли Лена — и говорила, говорила... Самое удивительное было то, что еще сегодня утром, думая о Лене, Верочка решила ничего не говорить об этом Марте Ивановне. Может быть, попозже, а сейчас рано. Не потому, что она ей не доверяла, нет, но что-то подсказывало Верочке: Марта Ивановна может испортить все дело. Ее непримиримость к Кате пугала, вызывала внутренний протест. Верочка хотела выждать, она все еще надеялась, что ей удастся откровенно поговорить с Леной, рассеять одолевавшие ее мучительные сомнения. Она понимала, конечно, насколько зыбки ее надежды, но она так хотела верить во все хорошее в людях!

Кончив, Верочка ужаснулась тому, что сказала. Она испугалась не за себя — за Лену. Лицо Марты Ивановны не предвещало ничего доброго.

— Я знаю, что делаю, — с необычной жесткостью заговорила она, скрывая подавленность и горькое недоумение. — У вас же стадо малоудойное, поэтому и концентраты вам дали. Радоваться надо, а ты... На слёт, конечно, вы поедете, а с Леной я сегодня же побеседую. Ну что же это такое, в самом деле? Совесть-то у нее есть или нет? Комсомолка она или кто?

— Все у нее есть, только, может, счастья нету, вот и тоскует, — горячо сказала Верочка. — Я вас об одном прошу, Марта Ивановна: не говорите пока ни о чем с Леной, не надо. Я вам скажу, когда можно будет. Очень прошу. Она сейчас в таком настроении, что ничего от нее не добьетесь, только хуже сделаете. Честное слово, она так не уедет, как Катя уехала, она, может, сама с вами заговорит, а уж со мной обязательно. Пожалуйста, Марта Ивановна...

— По-твоему, так будет лучше? — с робкой надеждой в голосе спросила Марта Ивановна, сама дивясь тому, как легко она соглашается с бессвязными и во все неубедительными доводами этой девчушки.

— Конечно, лучше, уж поверьте мне. Я-то Лену давно знаю, это не то, что я или Катя. На всякие соvestливые слова она не откликнется, ей прежде самой надо все передумать.

— Да о чем ей думать, скажи на милость? Чего она хочет? Пусть открыто скажет, чем она недовольна. К чему же таиться от всех? Не понимаю.

— Вот я же и говорю: уж такая она, Лена... Что-то ее мучает, я не знаю — что, может, и вправду из дому неприятное письмо получила, но только недовольства она ни в чем не проявляла. Была бы недовольной — сразу бы высказала. Хотя... — Верочка вспомнила, как Лена назвала ее «навозным жуком» и чуть покраснела, закончила неуверенно: — Конечно, привыкнуть к колхозу ей не просто, но она же не маленькая, понимает, что это нужно.

— Если бы понимала... Но, имей в виду, я ничего такого не допущу, хватит с меня Кати. К вам здесь относятся с огромным вниманием, надо же все-таки ценить. Постарайся поговорить с Леной, выяснить, что у нее на уме. Возможно, придется этот вопрос обсудить на комсомольском собрании. Юра ничего не знает?

— Я ему не говорила, но он, по-моему, и сам видит. Вчера меня спрашивает: «Лена, случайно, не от несчастной любви страдает?» Я ему говорю: «Чудак ты, Юрка, в кого же она могла бы здесь влюбиться?» В общем он, конечно, кое-что подозревает, но пока молчит, присматривается.

Разговор пришлось прервать, так как к изгороди подошла Лена с полным ведром молока. Верочка мол-

ча приняла у нее ведро. На мгновение они встретились глазами, и Верочка прочтала во взгляде Лены немой вопрос: «О чем это вы тут говорили? Уж не обо мне ли?» Верочка так же молча ответила: «Так, о разных делах».

Марта Ивановна незаметно, но пристально глянула на Лenu, пыталась найти в ее лице какую-то перемену — и не находила. Лицо Лены было спокойным и непроницаемым, настолько обычным и спокойным, что Марте Ивановне все рассказанное Верочкой показалось каким-то дурным сном. Во всяком случае, подумала Марта Ивановна, Верочка сильно преувеличила. Ей очень хотелось теперь же заговорить с Леной, прямо спросить, что ее тревожит, но Верочка, словно угадав ее намерение, устремила на Марту Ивановну такой умоляюще-отчаянный взгляд, что слова замерли на устах.

«Странно, однако, почему она не хочет, чтобы я поговорила с Леной? — уязвленная в своих лучших чувствах, недоумевала Марта Ивановна. — Боится, что я не найду с ней общего языка? Это я-то, сделавшая для них столько хорошего? Невысокого же обо мне Верочка мнения. Учит, как мне себя вести. А что, если Лена в самом деле уедет? Ну нет, этого позора я не допущу. Завтра я ей такое скажу, что самый отпетый человек устыдится. Это предательство — вот что это такое, уважаемая товарищ Прилуцкая. Это забвение комсомольской чести, трусость, преступление... И все потому, что Катя показала пример».

Все-таки ее смущало, что, ежедневно встречаясь и разговаривая с Леной, она ровным счетом ничего не заподозрила. До чего же скрытная девушка, кто бы мог подумать! Верочка оказалась проницательнее. Ну это и понятно, они же и знают друг друга больше, и живут вместе. Однако сделанное открытие не на шутку огорчило Марту Ивановну. Да, до сих пор она была слишком доверчивой. Пожалуй, даже слепо доверчивой. А надо, оказывается, всегда быть готовой ко всяким неожиданностям. Ведь и на Верочку тоже нельзя целиком положиться. Кто ее знает, какие порывы волнуют эту светловолосую хрупкую девушку с овальными, такими правдивыми на первый взгляд глазами. Еще несколько минут назад Марта Ивановна считала, что

хорошо изучила Лену и что та предельно откровенна с ней, а на деле вышло иное. Невыносимо тяжело сознавать это. Неужели никому нельзя верить? И что сказал бы Логинов, если бы узнал, как рушатся ее, Марты, честолюбивые надежды на этих непостоянных, легкомысленных девчат?

Нет, с Леной она завтра же поговорит начистоту. Надо только найти верный тон. Однако мысль о предстоящем и, судя по всему, тяжелом разговоре, результаты которого были по меньшей мере сомнительны, угнетала Марту Ивановну. К этому примешивалось острое, как укол, чувство обиды на людскую неблагодарность.

XXI

— **Н**У и дурак! — Никифор Савельич, потеряв терпение, стукнул сухим розовым, как его лысина, кулаком по столу. — Тебе дело говорят, а ты морду воротить. Выгодней косилки теперь никакой работенки не придумаешь: заработок завидный и опять же сена тебе дадут для коровы. Ну и садись, не кочевряжься попусту.

— Не пойду, — решительно качнул головой Осипов. — Они ко мне так, ну и я им тем же макарком. Не нужна мне ихняя работа, хотя бы и на косилке. Логинов упредил, а то бы я сам ушел с этой собачьей должности. Давно собирался, да есть одна причина...

Они сидели в осиповской избе одни, допивая вторую бутылку. Алексей уже неделю нигде не работал, хотя сам Бугров дважды давал ему наряды. Пока имелись свои деньги, жить было просто, в друзьях тоже недостатка не было. Потом стало хуже: мать и родственники туго давали в долг, корили обидными словами. Алексей скрипел зубами от унижения и распиравшего грудь презрения к этим ничтожным людишкам, дрожавшим над каждой десяткой, брал эту десятку и шел в магазин. Несколько раз выручал Володя Булавин, но и он вчера наотрез заявил: «Хватит. Деньги самому нужны, поеду в поселок, дружков навестить...» Володя раза два выпил с Осиповым, советовал ему дурака не валять, а взяться за какое-нибудь дело, но из этого ничего не вышло — Осипов ругал всех на свете, грозился всем «доказать» и говорил, что скоро уедет из

деревни, только прежде ему надо повидаться с одним «нужным» человеком...

Никифор Савельич, прослышав о падении Осипова, не замедлил по-своему выразить ему «сочувствие».

— Какая может быть причина, чего ты мелешь? — пренебрежительно сказал он, косясь на полупустой стакан. — Лодырство твое да фанфаронство — вот и вся причина. Я тебя сколько раз предупреждал, то-то и оно. Да и Логинов на ум разов до пяти наставлял, мало тебе? Вот и не ерепенься, попил и хватит. Мать вон на сенокосе хребтину гнет, а ты пузыри пускаешь, тьфу...

— Ладно, не учи, пей лучше. — Осипов в тяжелой задумчивости морщил красивый лоб, ерошил и без того спутанные волосы.

— Я не учу, на что мне сдалось? Погулять, конечно, всякому интересно, я это многожды проделывал, но... — дед укоризненно поднял указательный палец, ожесточенно потряс им перед самым носом собеседника, — разума не прогуливал, понятно?

— Мой разум при мне, не беспокойся, дед, — скривил губы Алексей.

— Между прочим, я и не беспокоюсь, это уж твоя забота. Сам-то выпьешь?

— Не хочу. Хотя нет, налей грамм сто. Мне много сегодня нельзя. Есть одна думка...

— Правильно, раз думка — воздержись. Ну, дай бог нам здоровья.

Никифор опрокинул стакан в рот, искал глазами закуску, но на столе, кроме хлеба, луку и соли, ничего не было. Презрительно пожевав сухую корку, спросил:

— Дружок твой, квартирант-то, где?

— В поселок подался, дружков повидать. Еще вчера укатил и сегодня нету. По-моему, там и останется, на кой черт ему колхоз нужен?

Никифор энергично поскреб лысину, хмыкнул.

— То есть как это — на кой черт? А здесь, что же, не люди живут? Мясо там, молоко, хлеб и прочие овощи кто дает? Мы, хлеборобы. Без хлеба много не напрыгаешь, хоть ты и резвый, как я погляжу. Было, конечно, время, что мужик от земли шарахался туда-сюда, а теперь землю по-настоящему к рукам прибирают. И ты мне про Володьку ерунду не пори, я слышал, как он здесь в работу вкিপелся. Говорят, по всякой машинной

части он дока, сам механик нахваливал. Ни в жизнь не поверю, чтобы он, такой-сякой, летуном оказался. С головой парень, точно тебе говорю.

— А с головой в другом месте плохо?

— Может, и неплохо, не в том суть. Нам хорошие головы тоже надобны, а дело по душе мы любому найдем. По-твоему, у нас и свету не видно? Ну и дурак, молодой, а меньше меня, старика, понимаешь. Я так считаю, что колхозы в скором времени будут что твоя фабрика, а то и почище. К этому дело идет. А почету нам, прикинь, и теперь предостаточно...

— Нашел чему радоваться: трехрублевый подарок, видишь ли, ему вручили, — усмехнулся Осипов.

— Пускай трехрублевый, а вручили. А тебе нет, — отпаривал Никифор. — Это почему?

— Потому... я о нем и не думал.

— Вот и видно, что размышления у тебя узкие. Сам не знаешь, чего хочешь. Пропадешь ты, Алешка, в жизни, как пить дать.

— Ладно, не каркай. Пей да уматывайся отсюда, пока мать не заявила.

— Сколько времен-то? — Дед шустро обернулся, посмотрел на старые, с потемневшим циферблатом, настенные часы. — Мать честная, восьмой час! Возможная вещь, что твоя мамаша это наше занятие не одобрит. Ну давай по маленькой и шабаш.

— Не буду. Пей.

Дед поспешно выпил, вытер ладонью рот, закусывать раздумал. Уходить ему явно не хотелось — в бутылке еще оставалась водка, но тут Осипов решительно встал, убрал бутылку на полку, прикрыл ее газетой. Никифор Савельич молча следил за ним глазами. Потом крикнул, грузновато поднялся со стула.

— Ну прощай пока. Напоследок скажу: бросай эту дурь, пойдй к Сергею Емельяновичу, потолкуй с ним по хорошему. По совести советую.

— Там видно будет...

Старик потоптался возле стола, хотел, наверно, еще что-то сказать, но так и не придумал — что. Поправив под пояском рубаху, нетвердым шагом пошел к двери.

Некоторое время Осипов сидел неподвижно, тупо уставившись в стол. Минут через пять, словно прогоняя хмельную одурь, он потряс головой, улыбнулся каким-

то своим сокровенным мыслям, глянул на себя в зеркало.

— М-да, ничего себе... — пробормотал он, приглаживая волосы. Вскочил, взял на кухне ведро, пошел к колодцу. Долго плескался ледяной водой у умывальника, растирая лицо, шею, плечи. Вспомнил, что в сенах у матери стоит бутылка с квасом. Выпил две кружки и сразу почувствовал себя легко, как после крепкого сна на свежем воздухе. Тщательно причесываясь, вдруг увидел в окно Володю Булавина и глазам своим не поверил.

«Приехал все-таки, — удивился Алексей. — Может, сказать ему? Свой же парень, должен помочь».

Володя быстро взбежал на крыльцо. Был он весь в пыли — как видно, лишь недавно соскочил с попутной машины, необычно возбужден, разговорчив. «Хорошо погулял, не то что я с дедом», — не без зависти подумал Осипов.

— Здорово, Леша. Все пьянствуешь?

— Брось, без тебя тошно. Где пропадал?

— С ребятами повидался, всякие новости разузнал.

— То-то веселый, смотрю...

— Веселого мало, наоборот, — вдруг серьезно сказал Володя, стаскивая с плеч пропыленный пиджак и отряхивая его у порога. — Вода есть? Умыться бы.

— Валий, я налью, — великодушно вызвался Алексей; ему очень хотелось сегодня задобрить Володю, тем более, что он не знал еще, как начать щекотливый разговор.

— Ты не думай, я там не яблоки с берез околачивал, — фыркая и стуча носиком умывальника, говорил Володя. — Надо было одну детальку у главного механика комбината достать, ну я и поехал. Достал, конечно. Договорился на будущее — помогут. У тебя что нового? К Логинову не ходил? Нет, к Логинову надо подождать, поработай сначала рядовым, докажи, что ты не слюнтяй, а потом и к Логинову можно, понял?

Осипов поморщился, однако сдержался, сказал натужно:

— Слушай, можешь ты мне удружить? По-товарищески?

— Смотря в чем... Денег, например, у меня лишних нет.

— Деньги мне пока не нужны. И к Логинову я тоже сегодня не собираюсь. Хочу с Леной вашей поговорить, понимаешь?

Володя перестал вытираться, полотенце повисло на мокрой шее.

— С Леной? О чем?

— Обо всем, — угрюмо ответил Осипов, решивший на этот раз не отступать. — Начистоту. Скажу, что не могу больше без нее...

Володя недоверчиво глянул на него, собираясь с мыслями и выигрывая время, переспросил:

— Это ты серьезно, Леша?

— Небось, сам видишь...

Осипов отошел к столу, побарабанил пальцами по столешнице.

— Но ты же разговаривал с ней, и вы, по-моему, ни о чем не договорились, — осторожно сказал Володя.

— Тогда было другое дело.

— Допустим. Чем же я могу помочь?

— Вызови ее. Придумай что-нибудь. Нет, лучше вызови Верочку, а я зайду к ним на квартиру. Лена же в последние дни нигде не появляется, все время дома сидит. Не выгонит же, думаю...

Володя не спеша надевал рубашку, тасовал в голове разбегающиеся мысли. Осипов смотрел на него исподлобья, не замечая, что мнет в пальцах подобранный на столе окурок. Он злился на себя за то, что не удержался и выдал тайну, которую берег от всех, и презирал Володю за его трусливую деликатность. Ведь до сих пор Володя был уверен, что Осипов и не задумывается всерьез о Лене, а та давнишняя их встреча была пустой болтовней. Что ж, в таком случае Осипов пойдет один. Ждать больше он не может.

— Понимаешь, какая штука получается, — с противным самому себе смущением сказал наконец Володя. — Мне как раз надо повидать Верочку. Хотел отложить до завтра, но теперь это не имеет значения. Пошли. Они дома, я видел их, когда приворачивал в мастерскую. Зайдешь и скажешь Вере, что я из поселка, встретил там Катю. Тогда она обязательно выйдет. Даже и не спросит, почему я сам не зашел. Понял? А там уж дело твое.

— Ясно, — обрадованно кивнул Алексей.

По дороге, словно стыдясь друг друга, они не проронили ни слова. И только возле дома тети Паши Володя вдруг сказал:

— Вот что, Леша... Я очень хочу, чтобы Лена тебе поверила... чтобы как-то все вышло по-хорошему. Главное, держи себя в руках и не торопись. У Лены же была любовь, а это не скоро забывается. Ей потребуется время, чтобы в себе самой разобраться.

Таким тоном Володя еще никогда не говорил, но Алексей даже не глянул на товарища — настолько он волновался. Его решимость таяла с каждым шагом. Он наверное так и не свернул бы сразу к заветному крыльцу, если бы Володя не подтолкнул его в бок:

— Давай. Не забудь, что я видел в поселке Катю...

Осипов с величайшей осторожностью (так бывало в детстве, когда он с разорванной рубашкой хотел незаметно от матери пробраться на сеновал) поднялся по ступенькам. К счастью, на дворе и на кухне тети Паши не оказалось. Дверь в боковушку была чуть приоткрыта. Осипов прислушался — нигде ни звука. Глухо постучал согнутым пальцем о косяк.

— Входи, открыто же, — с легкой досадой сказал Верочкин голос.

Осипов вошел, бегло огляделся. Две кровати — одна узкая, другая широкая, большой сундук, этажерка и столик, на которых не было ничего, кроме книг, несколько фотографий на стене. Верочка, держа в руках кофточку, которую только что сняла, удивленно оглянулась на Осипова. Лена лежала на узкой кровати с закрытыми глазами и лишь после того, как Осипов несмело поздоровался, медленно, словно нехотя, их открыла. Ему показалось, что в этих далеких от него, равнодушных глазах отразилось столь же далекое, равнодушно заглядывающее в окно вечернее небо.

— Вера, там Володя тебя ждет, хочет о Кате поговорить. Он с час тому назад из поселка приехал, ну и...

— Он ездил к Кате? — Большие глаза Верочки стали почти круглыми. — Чего же он сюда не заходит? Где он?

— Здесь. Просил, чтоб ты вышла.

— Ты слышишь, Лена? Володя видел Катю! Сейчас я его притащу сюда, и мы все узнаем. Да встань же, что ты, в самом деле!

Лена закинула руки за голову, брезгливо сказала:

— Иди, меня он не приглашает.

Верочка и без того уже стояла в дверях, натягивая кофточку, в спешке не попадая в рукава. Через секунду ее быстрые шаги дробно простучали по избе и враз стихли.

Осипов безмолвно опустился на стул, как раз в ногах у Лены.

Она одной рукой одернула платье, вопросительно покосилась на него и сейчас же отвела взгляд. Алексей смотрел на нее как зачарованный. Беспорядочно бывшее до этого сердце словно остановилось, дышалось тяжело, с хрипом. Лежавшая на кровати любимая девушка была так близко... Может, и не надо никаких слов?

Лена вдруг рывком поднялась и села на постели, свесив босые ноги на пол.

— Это правда, что он ездил в поселок и Катю видел? — в упор глядя на Алексея, спросила она.

Алексей в замешательстве поерзал на стуле — пытался угадать, чего от него хотят, так как почувствовал, что вопрос задан неспроста.

— Он так велел сказать, а там кто его знает...

Она отвернулась.

Дивясь и радуясь вновь обретенной решимости, Осипов негромко и как можно проникновеннее произнес:

— Если бы Володька не попросил, я все равно сегодня пришел бы к тебе, Лена. Я несколько дней собирался, да все духу не хватало... А сегодня решил и basta. До каких же пор в жмурки играть? Я к тебе с чистым сердцем, а ты вроде отворачиваешься. Уедем отсюда, Лена! Я же вижу, как ты мучаешься, а ради чего? Конечно, если ты другого любишь, тогда мой разговор ни к чему, я же чуткий человек и могу понять, но знай, что крепче, чем я, тебя никто не полюбит. Я это сразу почувствовал. Уедем отсюда, Лена! Все мне тут осточертело, силам негде развернуться. У меня ж способности большие, и жизнь я такую организую — будь спокойна. Я же видел в больших городах, как люди живут. Эх и красиво живут! А в этой дыре мы оба пропадем, сама видишь — уцепиться не за что. Что же ты молчишь, Лена, милая?..

Он сказал это чуть ли не плачущим голосом, дотронувшись дрожащей от возбуждения рукой до ее колена.

Лена вяло отвела его руку, против воли глубоко, в два приема, вздохнула, словно всхлипнула.

— Это верно, Осипов, уцепиться-то не за что. Только и ты не зацепка, Осипов. Не могу я с тобой поехать, сам же сказал — другого люблю.

В ее словах не было уверенности, не было непреклонного отказа, а была лишь грусть, жалость к себе и непонятная Осипову растерянность. Он деловито спросил:

— Он где? Далеко?

— Какая разница — далеко или близко?

— Очень даже большая. Если далеко, в силу необходимости ты не можешь с ним встретиться да и неизвестно еще, что он там думает. Вполне возможно, что и забыл, а я — вот он, рядом, и любовь моя верная, как говорится, — до гроба.

Он был вознагражден: Лена улыбнулась, хотя и с чуть приметной иронией.

— Интересно, за что же ты меня любишь?

— Странный вопрос, — пожал он плечами. — За красоту, за... — Осипов запнулся, подбирая нужное слово, но оно не находилось. «Вот если бы ты разрешила тебя поцеловать, тогда бы поняла, за что девчат любят, а так что же?» — с досадой подумал он и снова положил руку на ее колено. Лена, уже явно посмеиваясь, пересела на кровати подальше от него.

— Так за что же? Таких, как я, много. Фельдшерница красивее меня.

— Ну это совсем не то, — поморщился Осипов. — Я ей и слов таких не говорил. Так, пустое времяпровождение. Она с хворыми бабами да стариками возится и довольна, а у тебя же вовсе другая натура, к деревне не приспособленная. Какое же тут сравнение?

— А я ей, знаешь, завидую. Довольна — значит свое место в жизни нашла. Ну, а куда бы ты меня повез? И какую жизнь организовал бы? Очень даже любопытно.

— Куда хочешь, — оживился Осипов. — У меня документы хорошие. В любой организации примут с лапочками. В Вологде у меня дружки есть, они со своими друзьями сведут, а те у начальства на виду, могу

даже письма показать. Главное, чтоб деньги были, с ними всего можно достичь. В театр или там в гости зайдёмся — все ахнут: какая у Осипова жена красивая! Никто и не догадается, что ты дояркой была. Как представлю тебя в театре, в красивом платье, в туфлях лаковых — ну прямо в горле спирает, на колени бы встал перед такой. Но ты не подумай, я и сейчас...

Осипов сполз со стула на пол и обнял ноги девушки, прижался к ее коленям головой. Лена в первое мгновение сидела неподвижно — быть может, вообразила, что это не Осипов, а другой в порыве раскаяния ласкает ее, потом резко отстранилась, сказала холодно:

— Это глупо, Осипов. Тебе пора домой.

— Лена! Значит...

— Да, то, что ты тут сказал, меня не устраивает. Я не кукла. И уезжать пока никуда не собираюсь. Не стоит объяснять — почему. Вряд ли ты поймешь. Может, ты в общем-то и неплохой парень, но голова у тебя забита разной чепухой. Куда бы ты ни уехал, везде надо работать, иначе превратишься в пройдоху, а их у нас не любят. Ты думаешь, я стыжусь, что я доярка? Нисколько. Работа есть работа. Твоя красивая жизнь слишком уж мелковата.

— Что же ты думаешь делать? — горечь и стыд исказили его лицо.

— Я приехала сюда работать, вот и буду работать.

— А дальше?

— Чего же загадывать? Ну, допустим, стану мечтать о том времени, когда смогу гордиться, что я доярка, и буду довольна, как фельдшерица.

— Все это слова. Ни о чем таком ты не будешь мечтать, да это тебе и не нужно. Лена, почему ты не веришь мне?

— Я верю, но это ничего не меняет.

— И никогда не изменится?

Лена долго смотрела в окно, словно выискивая кого-то на сумеречной улице, затем тихо ответила:

— Не знаю...

Осипов шумно вздохнул, переминаясь с ноги на ногу.

— В поселке у тебя никого нет, ты сама как-то сказала... Дома не была два года, — как бы размышляя вслух, пробормотал он. — Не понимаю... Значит, ты не советуешь мне уезжать?

— Делай, как хочешь, — не оборачиваясь, ответила Лена. — А вообще не советую. Ничего путного из этого не выйдет.

Он подождал, не скажет ли она еще что. Не дождавшись, с робкой надеждой проговорил:

— Если бы знать, что ты передумаешь, тогда, конечно, в силу необходимости... Ведь я тебя в самом деле люблю, Лена, просто не могу без тебя. Скажи, по крайней мере, приходиться-то к тебе можно будет?

— Почему же? К нам многие приходят.

— Ну тогда спокойной ночи.

— До свиданья...

В полном смятении Осипов, пятясь, вышел из комнаты, бережно прикрыл дверь.

Лена не шелохнулась, все так же глядя в окно.

XXII

Я СНОЕ дело, я поступил подло. На черта мне было посылать Осипова, все равно у них ничего не выйдет, а Лена подумает, что я все это подстроил нарочно. Конечно, было бы куда честнее зайти самому и объяснить все, как есть. А что, если Осипов начнет подбивать ее уехать из колхоза? Как я не подумал об этом раньше? У нее теперь такое настроение, что она может решиться на все. Ну и олух же я! Ладно, а что я мог еще сделать! Осипов-то, по-всему видать, по-настоящему влюбился в нее. Надо же ему объясниться. Лена, понятно, сразу раскусит, по-настоящему или нет, по крайней мере все будет ясно. Да и Верочка, если она выйдет одна...»

Тут Володя понял, что все, что может произойти между ним, Леной и Осиповым, вовсе не так волнует его, как предстоящий разговор с Верочкой. Он, наверно, и Катю не стал бы разыскивать в поселке, если бы не знал, как это важно для Верочки. И уж если быть до конца откровенным с самим собой, то надо честно признать: все эти дни он немножко ревновал Верочку к Кате. Смешно, конечно, но это так и никуда от этого не денешься. Даже о Юрке вспоминал реже.

Вообще Володя теперь с каким-то внутренним удивлением присматривался и прислушивался к самому себе, отмечая, как меняются его мысли и отношение к лю-

дям и вещам, о которых еще недавно у него было вполне определенное суждение. То ли новая обстановка играла тут роль, то ли проявлялись его истинные душевные качества, затушеванные до сих пор наносным, временным. Например, он знал, что поехал в колхоз по прихоти и не собирался оставаться здесь долго, а сейчас ему уже трудно было представить, как можно «смыться» отсюда, когда начато большое дело и он в нем — важный винтик. Конечно, он мог бы работать не хуже в любом другом месте, если бы захотел, но, видать, не попадалось ему такого интересного места. Но еще месяц тому назад он разве назвал бы колхоз «интересным» местом? Тут было что-то другое. Может быть, то, что он недавно в разговоре с колхозными механизаторами высказал свою мечту «до корешка» электрифицировать сельскохозяйственные работы? Он сам себе казался донельзя самонадеянным, тем более, что признавал, как мало у него знаний, и все же такая мечта неистребимо жила в нем, не давала покоя.

Или взять Верочку. Раньше, еще до ареста, Володя относился к ней покровительственно, с мальчишеской бравадой, для которой нежные чувства, пылкие слова, полные глубокого смысла недомолвки — не больше, чем ерунда на постном масле, о чем пишут лишь в книгах. В колонии Володя впервые понял, что такое тоска и одиночество. Он писал Верочке длинные бессвязные письма, пытался и не мог выразить, что он к ней чувствует. Он не просил, чтобы она оставалась ему верна — признавал, то эта просьба нелепа, но он любил ее тогда чуткой и нежной любовью. Возвращение домой было для Володи вторым рождением, хотя и угнетало постыдное прошлое. Ему показалось, что и Верочка в глубине души порицает, а может, и презирает его, встречаясь с ним лишь из жалости. Он стал встречаться с девушками, которые ничего о нем не знали. Ощущение своей неполноценности не проходило, и он по-своему мстил тем, кто, как ему казалось, считал себя выше и чище его — презирал их, грубил, отлынивал от работы («все равно спасибо не скажут»), сошелся с завсегдатаями пивных. А Верочка... Она стала понемногу сторониться его, и была права. Она не могла понять, что с ним происходит, нет, она понимала, но что она могла сделать? Он сам оттолкнул ее. И сознавать это сейчас было боль-

нее всего. Ведь она когда-то его любила, ее слова, ее глаза не могли солгать, а сколько раз он смотрел в эти глаза!

Смотрел и самодовольно усмехался... Дурак! Он же всегда любил Верочку, только в разное время по-разному. Да, всегда, что бы там между ними ни было. Встреча с Леной на лугу пробудила в нем столько мыслей и чувств, что он не выдержал и опрометью бросился в поселок, чтобы иметь потом повод поговорить с Верочкой. Он должен с ней поговорить, должен узнать, осталось ли в нынешней Верочке хоть немного от той, прежней Верочки. По сути, он не говорил с ней уже целую вечность... Только бы она пришла!

Володя стоял в проулке, сразу же за огородом тети Паши, в том самом проулке, который выводил на дорогу к ферме и пастбищу. Медленно, слишком медленно спускались на деревню дымчатые сумерки. Володя знал: пройдет часа два, и снова станет светло, как было недавно, только солнца не будет. Оно взойдет огромным красным диском в третьем часу утра вон там, как раз над крайними трубами школы, потом сместится вправо и величаво поднимется над лесом, на той стороне реки.

А на крыльце никого... Осипов, наверно, все перепутал.

И вдруг, словно выстрел, стукнула дверь. Вздвигнув, Володя выронил папиросу. Верочка, ухватившись за косяк, с разбегу останавливается на верхней ступеньке, смотрит сначала на дорогу, оглядывает двор, потом, уже на цыпочках, снова просматривает безлюдную улицу. А Володя почти прямо перед ней, стоит только перелезть через изгородь. Он машет рукой, и Верочка, не сдержавшись, радостно вскрикивает. Она прыгает на землю, бежит к изгороди, с маху переваливается через верхнюю жердь и, еще не осознав, что случилось, чувствует, как крепкие руки бережно держат ее на весу, а лицо ее вспыхивает от частых поцелуев.

— Володя!.. Пусти! Ты с ума сошел! Люди кругом...

Он ставит ее на землю, но его руки по-прежнему сжимают ее плечи. Вырваться невозможно. Она опускает глаза.

— Верочка, — тихо говорит Володя, — ну взгляни на меня. Я же тебя так давно не видел.

Верочка поднимает глаза и видит не Володино лицо, а только его взгляд, устремленный в самую ее душу — трепетную, чуть испуганную внезапной радостью, ощущением той полноты жизни, когда хочется и смеяться, и плакать, и говорить незначущие слова, которые для посвященных обозначают многое.

— А я?... — прошептала она, не слыша своего голоса.

— Родная моя...

Он поцеловал ее долгим поцелуем, таким долгим, что у Верочки перехватило дыхание. И если бы люди, увидев их, показывали на них пальцем, Верочка все равно позволила бы Володе поцеловать ее, потому что она хотела этого, потому что он никогда еще не целовал ее так — она знала это, а люди не знали. Они не знали, что она всегда любила его, ждала его, хоть и боялась в том себе признаться. Она верила и не верила, и вот теперь сбылось. Как люди могут знать обо всем этом?..

— Володя, не надо... Подожди... Ты зачем меня вызвал? Почему сам не зашел?

— Хотел тебя увидеть, вот так, как сейчас... А там Лена, Осипов, им тоже есть о чем поговорить. Пойдем. Вон туда, по дороге, помнишь, там есть камень? Ох и идиот же я тогда был! Ты идешь, ведро у тебя в руке, а я смотрю и молчу, как дурак. Так и прошла, а я сижу и думаю: что же я есть такое? Ведь люблю же, жизнь за тебя отдам, и вот ты проходишь, будто чужая. Неужели в наши годы все бывают такие глупые? Знаешь, как я в колхоз поехал? Узнал, что ты уезжаешь, сел в автобус и в райком. Не мог я один в поселке остаться. Ты, конечно, тогда мне не поверила, а это так и было, теперь-то я могу и тебе, и себе признаться. И вообще я во всем виноват, только все это не со зла было, а так... в жизни еще маловато смыслил...

Она ласково посмотрела на него сбоку, улыбнулась.

— А теперь смыслишь?

— Ну не совсем, конечно. Жизнь — она, брат, хитрая штука, но кое в чем разобрался. К примеру, что я тебя люблю, что ты у меня замечательная, самая красивая и добрая...

— Володя, как тебе не стыдно? Ну можно ли после этого тебе верить?

— Верь, это же правда, — сказал он серьезно, на ходу обнял ее и прикоснулся губами к щеке. — Ты чудесная, Верочка.

Она смущенно отмахнулась от него рукой. Они прошли несколько шагов молча.

— О чем ты думаешь? — вдруг спросил Володя.

— Представь, ни о чем. Просто иду и иду, потому что ты идешь... Нет, я думала о том, что ни разу не слышала таких слов и даже не подозревала, что ты знаешь их.

— Я тоже, — мягко улыбнулся он. — Это ты меня научила. Скажи, ты меня любишь?

Верочка, зардевшись, опустила глаза.

— Я, Володя, не могу... мне стыдно.

Но она тут же посмотрела на него — не обиделся ли? Володя взял ее за руки:

— Ну и не надо. Так даже лучше. Ты скажешь это, когда мне будет трудно, хорошо?

— Да. Я обязательно скажу, милый. А ты?

— Я буду повторять это каждый час. Только тебе это скоро надоест.

— Нет, нет! Как ты можешь так говорить?

— Но я не смогу этого делать, потому что мы будем видеться два, а то и один раз в день. Нам надо быть вместе, Верочка. Это будет лучше всего.

— Да, но... нельзя же так сразу. У нас даже жилья нет.

Сказала — и осеклась, боясь взглянуть на него. Думала — сейчас он спокойно, уверенно хозяйским тоном ответит: «Как это нет? У меня же с сестрой свой дом в поселке, две отдельные комнаты...» Но Володя беспечно проговорил:

— А чего нам ждать? Подумаешь, жилье! Да я здесь в два счета комнату найду, хватит на первое время. А там, ежели потребуется, свой дом построю. Логинов поможет.

Если б он знал, как она любила его в эту минуту! Но она сдержалась, сказала просто:

— Я согласна, Володя.

— Ты не волнуйся, — ласково произнес он, тронутый до глубины души ее быстрым согласием, — я тебя не тороплю, мы еще успеем все это обговорить. А зато, что веришь мне — спасибо.

Володя пожал ей руку, но тут Верочка не выдержала, склонилась ему на грудь, спрятала лицо в отворотах белой рубашки и замерла так, прислушиваясь к биению своего и его сердца. Он целовал и гладил светлые ее волосы и думал о том, что для счастья, в сущности, надо не так уж много, все дело в том, как его добиться и удержать. Потом он сказал:

— Вот мой камень, Верусь. Посидим. После того случая я часто на нем сживал и разное такое думал. Мечтал, одним словом... Что же ты о Кате ничего не спросишь?

Верочка покраснела до корней волос. Она совсем забыла о Кате! Это так поразило ее, что она не сразу нашлась что сказать. Как же это могло случиться? Неужели она такая черствая и бесчувственная, что способна ради собственного счастья забыть обо всем на свете, даже о том, что Катя, возможно, несчастна? Она презирала себя за беспримерный эгоизм.

— Вот видишь, что ты наделал, — жалким голосом проговорила наконец Верочка. — Нет, ты тут ни при чем, это я во всем виновата, я одна. Противная, гадкая эгоистка, вот кто я, и ты сделаешь большую ошибку, если женишься на мне, так и знай.

— Ладно, ладно, садись. Уж на такую-то ошибку я всегда готов, — усмехнувшись, сказал Володя: но так как она продолжала стоять, он легко поднял ее на руки и, поцеловав, осторожно усадил на камень. Сам сел на траву, у Верочкиных ног.

— Ну что же ты молчишь? — нетерпеливо спросила она. — Ты видел ее? Говорил с ней, да? Она живет у Виктора? Говори же!

Володя сцепил руками колени, сгорбился, заговорил с внезапным ожесточением, не поднимая на Верочку глаз:

— С Виктором? Черта с два! У девчат в общежитии ночует. Едва разыскал. Девчат, понятно, попросил удалиться, объясняю ей, что приехал по твоему поручению. Вроде повеселела. Спрашивает, как, мол, там дела идут, кто да что. Ну я рассказал коротенько. Ругать не стал — вижу, она и так глаза прячет. А под глазами синие круги... «Работаешь?» — спрашиваю. «Пока нет...» «А с Виктором как?» — «Нормально, говорит, все хорошо...» Ну я не вытерпел, сказал ей напрямки: «Чего же хо-

рошего, ежели ты по чужим углам скитаешься?» Зря, конечно, сказал, и без того все понятно, но она сама разве признается. Это, говорит, никого не касается, где я буду жить. А все-таки, спрашиваю, может, вернешься? Там Верочка и Лена о тебе беспокоятся, каждый день ждут. Отмолчалась. Напоследок велела привет вам передать, сказала, что напишет. В общем, худо дело. Потом я с девушками разговаривал, узнал, что Катя весь день сидит дома, вечерами куда-то уходит, но в клубе ее не видали. Приглашали в драмкружок — не пошла. А Виктор, между прочим, в нем участвует... Хотелось мне его повидать, потолковать по-товарищески, да жаль — не удалось...

Верочка не перебивала. Она сидела, скрестив на коленях руки, прислушиваясь не столько к словам Володи, сколько к тому, что происходило в ней самой. Было поздно жалеть о том, что она не сумела разобратся, что происходит с Катей, завоевать ее доверие, не отговорила от опрометчивого поступка. Верочка страдала оттого, что сразу не поехала в поселок, не попыталась узнать положение подруги. Сможет ли она помочь ей теперь?

— Володя, а ты знаешь, что Катя ждет ребенка? — дрогнувшим голосом спросила Верочка. Еще час назад она ни за что не сказала бы ему об этом.

— Вот это вовсе, пожалуй, ни к чему, — мрачно отозвался Володя. — А ты откуда знаешь? Катя сама проговорила?

— Нет, что ты! Только это точно. Логинов тоже догадался. А иначе она, по-моему, и не уехала бы. Страх да стыд ее толкнули.

— Понятно. Эх, черт, зря я еще на денек не остался. Уж я бы с этим нахалом поговорил! Ну ничего, мы еще с ним встретимся...

— Не в том дело, Володя. Может, Виктор ничего такого ей не обещал, с него взятки гладки.

— Тем более следует морду набить. Но и Катя глупая же... На кого понадеялась?

Володя сокрушенно покачал головой.

Однако Верочка смотрела на вещи иначе.

— Не глупая, а доверчивая очень. Все мы, наверно, в наши годы такие... Прямо не верится, что Виктор может обмануть. Такой способный и серьезный парень.

— Серьезный! Я да я — только и слышно. Он, наверно, потому и с Катей по-свински обошелся, что считает ее ниже себя. А вы все тогда в рот ему заглядывали, восхищались — какой Виктор вежливый да талантливый! — с горечью сказал Володя, вспомнив настороженное отношение к себе той же Кати, а вместе с ней Лены и Верочки. Впрочем, насчет Лены он, оказывается, ошибался. Да и Верочка... поняла ли она его намек? Володя виновато отвел взгляд.

— Неправда! — горячо запротестовала Верочка. — Виктор и тогда мне не нравился, только я вмешиваться не смела.

— Ладно. Если оно все так, как я предполагаю, значит надо Катю оттуда вытаскивать, — внезапно решил он. — Нечего ей перед этим хлюстом унижаться.

— А ребенок? — тихо проговорила Верочка.

— Да, верно. Вот чертовщина! — Володя стукнул кулаком по колену, сосредоточенно, как бы ища совета, посмотрел на Верочку, потом твердо сказал: — Ну и что ж, что ребенок? Тем более нельзя ее там оставлять. Неизвестно, на что она может решиться, ты же ее знаешь. Езжай-ка к ней сама, а то давай вместе поедem. Не пропадать же человеку.

— Нет, лучше я одна, — тотчас решила Верочка. — Завтра мне нельзя, у нас в первый раз механическая дойка, а послезавтра обязательно. Скажу Марте Ивановне, что неотложное дело есть. Ох и зла же она на Катю!

— А ты с Логиновым посоветуйся. Наверняка поймет и поможет. К тому же он ее и отпустил.

— Неудобно как-то... — замаялась она.

— Ерунда. Чего тут неудобного! Точно говорю: иди к Логинову — не пожалеешь.

— Ладно, попробую. А вдруг он тоже разозлится, скажет: чего вы с этой Орешкиной возитесь, небось, знала, что делала?

— Не скажет! — заверил ее Володя, хотя в душе полной уверенности у него не было. — Ты его еще не знаешь, это же такой человек... — не найдя подходящего слова, он выразительно сжал пальцы в кулак, добавил:

— В общем, иди к Логинову, так или иначе он должен знать, что и как.

— Ладно, я поговорю с Сергеем Емельяновичем, — уже смелее кивнула Верочка. — А все-таки нехорошо у нас получается: с Катей такая история, а тут Лена за последние дни как ошпаренная ходит, все не по ней, слова путного не добьешься. Говорит: я в навозе всю жизнь не хочу копать, а причем тут навоз, подумай сам. Что-то ее мучает, а что — разве поймешь? Она и раньше была скрытная, а теперь и вовсе замкнулась, вся ровно в колючках. Боюсь я, Володя, добром это не кончится. А вдруг и Лена уедет? Совсем тогда опозоримся.

«Сказать или не сказать? — почему-то краснея, подумал Володя, пока Верочка говорила. — Нет, сейчас нельзя... потом скажу».

Верочка не рассчитывала, что Володя поможет ей понять Лену и разрешит все сомнения, просто она не могла теперь не поделиться с ним тем, что тяготило душу, омрачало мысли о настоящем и будущем. Поэтому Верочку не удивило его молчание, она даже не заметила неловкости, испытываемой им, и подумала, что напрасно затеяла этот разговор, никак не относящийся ни к Кате, ни к ним самим. А о чем же мог сейчас думать Володя, как не о их совместной будущей жизни? И стоит ли вообще переживать за Лену, раз Володя твердо решил остаться в колхозе и к тому же любит ее, Верочку?

Верочка наклонилась с камня к нему, взяла его за руку, нежно сказала:

— Пойдем, пора. Хочешь, мы завтра вернемся сюда? Нет, лучше ты меня здесь встретишь вечером. Не успеешь — я подожду.

— Конечно, успею! — заверил он. — Если б ты знала, как мне хорошо с тобой...

— Теперь я знаю, Володя...

Он поднял ее с камня и несколько шагов пронес на руках, не чувствуя ноши. Внезапно застыдившись, Верочка выскользнула с рук на землю, быстро пошла вперед. Не догоняя, он зашагал чуть сзади. Лишь спустя минуты две Верочка услышала за спиной его глуховато-смущенный голос:

— За Лену ты особо не волнуйся, в случае чего — пусть уезжает. Силком ее не удержишь да и ни к чему это.

Верочка не ответила. Она не знала теперь, лучше или хуже ей будет, если Лена решится уехать... Что делать, любовь ревнива и эгоистична!

XXIII

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, к вечеру, Верочка пришла в контору совершенно расстроенная. Она бы не пришла, если бы в дневную дойку сама не сказала Логинову о том, что ей надо поговорить с ним. Он явно обрадовался ее словам, чем очень удивил Верочку. Она и не подозревала, что председатель колхоза давно ищет случая потолковать с ней. Он и на пастбище пришел за этим, но раз Верочка первой вызвалась прийти в контору, сказал только:

— Вот и хорошо. Ты мне очень нужна. Смотри же, обязательно приходи, я буду ждать.

Верочка шла в контору, а на душе у нее скребли кошки. Володя так и не встретил ее у камня. Зато явился серьезный, чопорный Осипов и объяснил, что механик послал Володю в колхоз «Большевик» и вернется он поздно. Так и так, мол, просил извинить... Осипов был необычно вежлив, даже предупредителен, и Верочка сразу догадалась, что Володя все рассказал ему. Она и сама не утерпела, призналась вчера ночью Лене, что они с Володей, наверное, скоро поженятся. Лена оскорбительно сухо сказала:

— Поздравляю, — и сейчас же повернулась к подруге спиной.

Именно в эту минуту внезапного прозрения Верочка поняла все. Поняла — и растерялась от обиды, ревности и стыда за свое счастье. Но вскоре это прошло. Глупо было бы высказывать Лене сочувствие или оправдываться перед ней — все случилось так, как должно было случиться. И хотя еще раньше смутные догадки беспокоили Верочку, все-таки она с недоумением спрашивала себя: неужели это правда? Да, это была правда. Лена не спала, дожидаясь ее. Она любила Володю, а он, может быть, даже и не знал об этом. Что ж, уж теперь-то Лена в колхозе ни за что не останется. Сэтой мыслью, не раздеваясь, Верочка легла на кровать.

Они почти не разговаривали весь следующий день. Почему-то обоим было стыдно, Верочка прекрасно ви-

дела это по выражению лица Лены и удивлялась, что такое может быть. «Но почему? Почему она любила Володю, а не кого-нибудь другого?» — не оставляла ее мысль, хотя Верочка и понимала, что ответа на этот вопрос ей все равно не найти.

Когда пришел Осипов, она тотчас собралась и отправилась в контору. «Ведь Осипов же славный парень, ну немножко безалаберный, так это же по молодости. Вот и Володя тоже...» — неясно думала Верочка по дороге, желая удачи Осипову и в то же время несколько не веря, что это возможно.

Логинов тепло встретил Верочку, усадил ее на новенький деревянный диванчик, сам присел на краешек стола, оживленно спросил:

— Ну как механическая дойка? Понравилась? Я давеча смотрел, по-моему, неплохо получается.

— Не совсем, Сергей Емельянович. Многие коровы не отдали все молоко, пришлось поддаивать.

— Это временное явление, привыкнут. А вообще, конечно, тут есть свои правила. Вы надевали доильные стаканы на соски, когда корова не припустила молоко. Подмывание и массаж вымени обязательны. Неприятно действует на коров, если вы оставляете стаканы на сосках после дойки. Ничего, освоитесь, все пойдет нормально. Главное — начать. Так о чем же ты хотела со мной поговорить?

Верочка подвинулась на диванчике, ответила не сразу.

— Собираюсь завтра к Кате съездить, вот пришла посоветоваться.

Логинов слез со стола, смущенно потер ладонью крутой подбородок.

— Видишь, какой я недогадливый... Давно собираюсь тебя о ней спросить, а ты сама пришла. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Где она теперь, Катя? За муж вышла?

— В том-то и беда, что нет. Володя ездил в поселок, видел ее, да резону никакого не добился. Худо ей, Сергей Емельянович...

— Так, так... понимаю. — Он присел рядом с Верочкой на диван, покачал головой, осуждая не то Катю, не то себя. — Что же он, жених, сам раздумал или посорились?

Почувствовав искреннюю заинтересованность Логинова в близком ее сердцу деле, Верочка осмелела.

— Да он, по-моему, и не думал ничего такого. Ну вы понимаете, что я хочу сказать... Просто не представляю, как у них там все получилось, только, по-моему, Катя теперь жалеет, что уехала. Вот я и хочу ее повидать.

— Думаешь, вернется? — быстро спросил Логинов.

— Ой не знаю, Сергей Емельянович. Катя же такая самолюбивая, она что хочешь на зло себе может сделать.

— Самолюбивая, говоришь? — Логинов по-молодому встал, прошелся по кабинету. По-видимому, какая-то новая мысль захватила его, но он еще не решался ее высказать.

Верочка с любопытством и потаенной надеждой смотрела на него.

Разговор был прерван Мартой Ивановной. Как всегда, она вошла без стука. Присутствие Верочки явно смутило ее. Впрочем, Верочка смутилась еще больше. Она тотчас поднялась с дивана, собираясь уходить. Логинов жестом остановил ее.

— Вера? Что-нибудь случилось? — спросила Марта Ивановна почти испуганно.

Она столько перетерпела за эти дни от девушек, что в любую минуту ожидала новой каверзы. К тому же ей было стыдно перед Верочкой и особенно перед собой за то, что она до сих пор так и не собралась поговорить с Леной. Только это удержало Марту Ивановну от прямого вопроса — не сбежала ли Лена?

— Ровно ничего не случилось, дорогая Марта, — весело сказал Логинов и совсем уж по-мальчишески подмигнул Верочке. — Вот Вера собирается поехать завтра за Катей, и, знаешь, ей, по-моему, очень пригodiлось бы то письмо. Достань-ка его, Марта Ивановна. Оно у тебя здесь, в столе.

Марта Ивановна не сразу сообразила, что лучше — возмутиться или уйти. Она метнула на Логинова испуганно-удивленный, но в общем-то беспомощный взгляд, молча вышла и сейчас же вернулась с письмом. Всем своим отрешенным видом она как бы хотела сказать Логинову: «Делай, как знаешь, а я умываю руки».

Логинов тотчас подал письмо Верочке.

— Почитай-ка. Ваша сверстница пишет. Выглядит не по возрасту умной и сознательной, а на деле — анахронизм какой-то, черт ее знает. Плунет в чистую душу и будет воображать, что имела на это право.

— А что это такое — анахронизм, Сергей Емельянович? — спросила Верочка, развертывая письмо и размышляя, от кого бы оно могло быть.

— Ну пережиток, что ли. В общем, то, что должно обязательно отжить. Да ты прочти, сама поймешь.

Марта Ивановна с застывшим лицом смотрела в угол. Логинов снова пристроился на краешке стола.

Верочка читала и медленно краснела. Логинову показалось даже, что у Верочки не хватит сил дочитать до конца, но она дочитала, сказала оглушительно тихо:

— Да как она смеет!

И поспешно протянула письмо Логинову.

— Оставь у себя, оно же вам адресовано, — успокаивающе произнес он. — Вот ты сказала: как она смеет! А Катя что сказала бы?

— По-вашему, Катя за славой да за подъемными сюда приехала? — прерывающимся голосом спросила Верочка, переводя сразу повзрослевший жесткий взгляд с Логинова на Марту Ивановну. — Ни о чем таком мы и не думали, и в герои не лезли, зачем она так? А что Катя уехала, так вы же, Сергей Емельянович, знаете причину. Может, и воли у нее не хватило, я с этим согласна, а только ехала она в колхоз с чистым сердцем. Да она и вернется еще, вот увидите. И Лена тоже...

Верочка запнулась, судорожно проглотила слюну и снизу вверх выжидающе посмотрела на Логинова. Странно, что о Марте Ивановне она в эту минуту как-то забыла. Выпущенное из рук письмо незаметно упало с Верочкиных колен на пол.

— И Лена тоже. Все правильно, Верочка, — спокойно сказал Логинов, как будто он все знал про Лену. — Подожди, скоро придет время, когда в колхоз проситься будут, а мы еще посмотрим — взять или не взять. Разную накипь, конечно, не возьмем, да и сейчас бы не взяли. За хороший ваш почин, Вера, и за добросовестную работу вашу — большое спасибо. Такие, как ты, нигде не подведут, а это и есть самое главное. Ну беги, отдыхай. Вернешься завтра — плохое или

хорошее — обязательно Расскажи. Да привет от нас Катю не забудь передать.

Верочка стремглав выбежала из кабинета. Логинов поднял с пола письмо, улыбнулся:

— Забыла-таки. Тоже, пожалуй, правильно. А вообще-то надо бы ответить через газету этой Эмили. Было бы ей над чем подумать. — Он искоса глянул на преувеличенно нахмурившуюся Марту Ивановну, заодно, не скрывая радости, спросил: — Что, какова наша Верочка? Такую разными штуками с правильной дороги не собьешь, даром что маленькая! Ей-богу, она Катю обратно привезет. Понадобится — вместе с женихом привезет.

— Вспомни, ты еще несколько дней назад в них сомневался, — холодно упрекнула Марта Ивановна.

— Нисколько. Я только говорил, что не следует с ними слишком нянчиться. А ты все-таки нянчилась. Что ж, поздравляю. Твой метод имеет определенный успех, хотя я и сейчас убежден, что во многом они разбираются не хуже нас с тобой.

— Моей тут заслуги нет, можешь мне поверить. И я не знаю, какой для них метод подходит, знаю только, что это легкомысленные девчонки, которых ежеминутно надо держать в руках. Катя тому пример, да и Лена...

— Что это вы обе спотыкаетесь о Лену? — насторожился Логинов. — В чем дело? С ней что-нибудь произошло?

— Пока нет, — пожала плечами Марта Ивановна. — Но боюсь, что произойдет. Я же сказала — никогда не угадаешь, что они могут выкинуть через час.

— Ерунда какая-то! — с досадой и недоверием проговорил Логинов, чувствуя, однако, что хорошее настроение у него уже испорчено. — Что может произойти с Леной? Такая серьезная, вдумчивая девушка. Уезжать, что ли, собралась?

— Я не знаю, что у нее в голове, да вряд ли она сама знает, чего хочет, — с непонятным для Логинова раздражением ответила Марта Ивановна. — Вера сама сказала, что может и уехать.

— Вот этого я не понимаю! — воскликнул Логинов. — То есть не того, что Лена может уехать, а что ты этого не знаешь. Ты же с первого дня неотлучно

при девушках, мне казалось — крепко сдружилась с ними, и вдруг заявляешь: они легкомысленные, не поймешь, чего хотят... Странно. Хотя... — он, жалея Марту Ивановну, отвернулся, закончил негромко: — Ты увлеклась внешней стороной и не сумела заглянуть в душу девчат. А они, видишь, какие не простые...

— Тебе легко говорить, а мне... — она опустила голову.

Логинов быстро обернулся, положил руку на ее плечо.

— Все обойдется, Марта. Мы еще увидим, какими молодцами будут наши девушки. Ну довольно, успокойся...

Не поднимая глаз, Марта Ивановна лишь на одно мгновение прикоснулась щекой к его сильной загорелой ладони, лежавшей на плече, прикоснулась и тут же устыдилась своей слабости. Она уже давно знала, что эта рука никогда не обнимет ее...

XXIV

ПОД ВЕЧЕР к конторе верхом подъехал председатель колхоза «Большевик» Андрей Александрович Мамонтов.

Логинов увидел его из окна, обрадовался, поспешно вышел на крыльцо. Его оседланная лошадь была привязана у перил.

— Каким тебя ветром?.. Здравствуй, здравствуй, сосед, милости просим.

Мамонтов не стал слезать с коня, скупой улыбнулся, спросил:

— Ехать куда собрался? Лошадь, смотрю, взнузданная стоит.

— В пятую бригаду, дело есть. Да раз гость дома, какая езда? Слезай, входи.

— В пятую? Тогда поехали, мне же это по пути. Домой пробираюсь.

— Откуда?

— Прямоком из райкома. Там, брат, разговор один был...

— А, — заинтересованно кивнул Логинов и взобрался на седло. — Самойлов вызывал?

— Он.

— Завидую, — усмехнулся Логинов. — А вот про меня секретарь забыл. Грозился на бюро вызвать и забыл. Наверно, махнул на меня рукой — дескать, Логинов же безнадежный, о чем с ним толковать?

Мамонтов не ответил, пока они не выбрались из проулка на проселочную дорогу. Логинов сбоку с любопытством приглядывался к нему. Они не виделись с самой весны. Из сводок и разговоров с другими людьми Логинов знал, что «Большевик» одним из последних в районе закончил сев, неважно там шла и заготовка кормов. В газете то и дело появлялись едкие заметки о непорядках в бригадах, о плохом руководстве. Логинов верил и не верил им. Не верил потому, что считал Мамонтова серьезным и способным председателем, чувствовал в нем недюжинную силу и упорство. В чем же тогда дело?

Со времени той, весенней, встречи Мамонтов порядочно изменился внешне. Крупное, мужественное лицо его крепко задубело от солнца и ветра, все черты обострились, стали жестче, суровей. В глазах тоже появилось нечто новое, Логинов даже не сразу уловил — что. «Неужели, мил-друг Андрей, ты устал?» — с тревогой и горечью подумал он, когда Мамонтов, прикуривая, встретился с ним взглядом.

Они ехали шагом, стремя в стремя, опустив поводья. Прикурив, Мамонтов заговорил.

— Напрасно ты думаешь, что Самойлов о тебе забыл. Помнит. На бюро заявил, что, дескать, Логинов раньше ходил в передовиках и зазнался, сдачу мяса откладывает на поздние сроки, кукурузу явно игнорирует, к бригадирам нетребователен... Это он высказал между прочим, по-моему, в пику Локтеву, который в моем деле сослался на тебя.

— Да какое же у тебя дело, черт возьми? — вырвалось у Логинова, задетого отзывом Самойлова. — Запьянствовал, что ли, с горя?

— Впору бы и запьянствовать, да характеру на это не хватает, — сморщив в усмешке твердые губы, сказал Мамонтов. — А дело, Сергей, не простое, и не я его начал — сами колхозники. Надо было остановиться на прошлогоднем укрупнении нашего колхоза, так нет — этой зимой к нам присоединили еще два хозяйства. Ну ты знаешь...

Логинов кивнул. Теперь он знал почти все, что скажет Мамонтов. Разговоры об этом «деле» доходили до Логинова уже давно.

— Вот и получилось... Из конца в конец — почти шестьдесят километров, телефонной связи с бригадами нет, толковых бригадиров райком не помог подобрать. Будь у меня вертолет, все равно везде не успел бы. К тому же слившиеся колхозы были слабые... Сколько ни кручусь — прорех не убывает. Хозяйственные мужики взяли и написали в райком петицию: так, мол, и так, надо разукрупниться, поспешили, когда второй раз укрупняли. Я и знать ничего не знал, хотя, между прочим, задумывался над этим. По письму приезжает Самойлов и обвиняет нас с секретарем парткома, что мы инспирировали письмо колхозников. Не знаю, удалось ли его переубедить. Но когда он спросил, как мы оцениваем это «кустарничество», я прямо сказал, что считаю разукрупнение целесообразным. Самойлов, понятно, взбеленился, наговорил черт знает чего. Собрали коммунистов — большинство высказалось за разделение. Приводились факты, расчеты. Самойлов — ни в какую. Так этот вопрос и повис в воздухе, а дела пошли еще хуже. Понимаешь мое положение?

— Понять, конечно, можно. Я знаю ваши условия. Самойлов тогда вообще готов был оставить в районе не больше трех колхозов. Мне ведь тоже навязывали «Родину» и «Светоч», но каким-то чудом удалось доказать, что делать это рановато. В одиночестве тоже было плохо: у меня хорошие сенокосы, а у соседа их мало, зато есть лес и пастбища. У вас же всех сбили в кучу без разбора, лишь бы было побольше. Уверен, Самойлов в душе понимает это, он же не глупый человек, но уперся, потому что боится нанести ущерб своему престижу. Да и перед обкомом придется как-то объясняться.

— В том-то и собака зарыта, — хмуро подтвердил Мамонтов. — Престиж против здравого смысла... Сегодня обсуждали наше дело на бюро. Оказывается, группа наших колхозников написала письмо в обкомполком. Оттуда — соответствующий запрос. Самойлов требует от нас провести собрания по деревням и всеми мерами собрать голоса против разукрупнения. Он, знаешь, еще чего боится? Что наш пример взбудоражит другие неудачно укрупненные колхозы.

— Очень немногие, и тут бояться нечего. Ну и как же договорились?

— Сбирать голоса под нажимом я отказался. Пусть этот вопрос решает общее собрание уполномоченных. Локтев меня поддержал, Ступаков и другие колеблются. Самойлов обещал сам приехать и поговорить с колхозниками. Что ж, они давно этого ждут. Только, я думаю, до пленума он не придет.

— А когда пленум? — оживился Логинов.

— В следующий понедельник. Повестка — выполнение социалистических обязательств. Намечены отчеты пяти колхозов, в том числе и твой. Завтра получишь телефонограмму.

— Добро. Вот там и поговорим обо всем начистоту, по-партийному. Накипело, по-моему, у многих, не только у тебя.

— Да, выступить придется...

— И так долго молчали да приглядывались. Я, знаешь, в Самойлова верю, но тем более надо его предостеречь. Пусть побольше верит людям, поменьше администрирует. И не возводит свою непогрешимость в принцип. Прошли времена, когда нас водили на поводке, и всем было удобно. У нашего брата, председателей, должна быть такая же ответственность, как и у секретаря райкома. Впрочем, на словах Самойлов как будто за это, а фактически вообразил, что за все несет ответственность он один. В общем, поговорим, а там видно будет. Думаю все же, что с Самойловым мы сработаемся. Должны сработаться, по крайней мере... Ты как?

— Это ты о чем? — поднял голову задумавшийся Мамонтов.

— Эх, Андрей, Андрей, — улыбнулся Логинов полунасмешливо-полусочувственно. — Тяжело?

— Верно, тяжеленько, — признался Мамонтов и неловко похлопал ладонью по шее лошади. — Но ты не думай, я сдаваться не собираюсь. Помнишь наш разговор весной, на катере? Так вот, я все тот же, только стал злее, пожалуй.

— Это на кого же ты злишься?

— На себя, конечно. Знаю, разом все не перевернешь, а хочется перевернуть. Вместе с Самойловым... Ты прав, мы должны найти с ним общий язык.

— Обязательно. А на пленуме я перед ним отчитаюсь. Жалко, не по той дороге поехали, я бы показал тебе ту кукурузу. Вымахала, брат, на загляденье. Да, все от рук зависит. Сама жизнь заставит садиться на кукурузного коня. Теперь все убедятся, что этот конь не подведет.

— Однако и неверующих еще немало. Их добрым урожаем только переубедить можно, а у меня такового не предвидится.

— Даже если по 150—200 центнеров зеленой массы соберешь, — и то выгода. В пять раз выгодней горохо-овсяной смеси. Да это же первый серьезный опыт, на будущий год умнее будем.

— Тут каждый день приходится умнеть, иначе все отсталым станешь, — усмехнулся Мамонтов.

— Слушай, — вдруг вспомнил Логинов, — как там у тебя девчата-добровольцы поживают?

— Трое сбежали, а остальные работают хорошо, я доволен.

— Ты доволен — это еще полдела, они-то довольны ли? Сердцем прижились или тоже на дорогу смотрят?

— Как тебе сказать? Закрутился и с девчатами мало встречался. Не успеваю. А надо бы. Это же будущее наших колхозов, им коммунизм достраивать. А у тебя, я слышал, добровольцы молодцы, читал о них в газете. Может, привезти мне своих девчат к твоим, пусть опытом поделятся, а заодно и дружбу заведут.

— Пока не вози, — подумав, сказал Логинов. — Этак через недельку-другую, пожалуй. Я ведь тоже за недосугом мало ими интересовался, а потом взял да и отпустил сам одну из девушек. Думаю, правильно сделал, и она еще вернется. Есть у меня доярочка из молодых — прелесть, честнейшая душа, все понимает. Ну и остальные...

Мамонтов глянул на Логинова, но, почувствовав его смущенье, промолчал, не стал расспрашивать. Он подумал о том, что если бы с первых дней получше знал настроение приехавших девушек, то и те трое, возможно, не сбежали бы. Однако и у Логинова с добровольцами, видать, все обстоит не так просто, несмотря на его уверенность. Да, неладно как-то получается, когда за хозяйственными заботами забываешь поинтересоваться, чем живут люди.

— Ну мне налево. Бывай... — сказал Логинов, оставив лошадь у развилки дорог.

— До свиданья. На пленуме встретимся.

— Да уж не разойдемся. Ты подготовь там все нужные расчеты и доводы. Потребуется — поддержим. А девочек обязательно привози, я дам знать. И сам приезжай, полезно будет.

— Добре, — кивнул Мамонтов и тронул каблуками коня.

Они разъехались, и сразу же каждый из них, как вчера и неделю назад, стал думать о своих неотложных и беспокойных делах, которых почему-то никогда не убывало...

XXV

КАТЯ писала письмо. И хотя она уже твердо решила, что не отправит его, все-таки писала — то торпливо, так, что перо взвизгивало и брызгало чернилами, то подолгу задумываясь и отодвигая бумагу от себя, словно страшась доверить ей свои думы. Но еще чаще Катя оглядывалась на дверь — боялась, что придут девушки и застанут ее за этим занятием. Только сегодня утром у нее произошел с ними тяжелый разговор, так и не закончившийся ничем. Катя не хотела ничего сочувствия и никакой помощи, хотя и понимала, что она предлагается искренне, от души. Даже собственная жалость к себе была для Кати унижительной. Она сама по глупости попала в беду и сама как-нибудь выкарабкается из нее.

Ее решение было принято, и сейчас Катя писала Верочке прощальное письмо. Никогда она не думала, что объясниться с подружкой будет так трудно. Даже тогда, когда это объяснение так и не попадет в руки Верочки. Зачем? Все равно Верочка не поймет и не простит.

А в это время Верочка решительным шагом шла по коридору общежития, помахивая узелком, заботливо снаряженным тетей Пашей. Верочка сама удивлялась своему спокойствию, даже некоторой самоуверенности. Только что она побывала в комитете комсомола, где вела себя в высшей степени нахально (впрочем, осознала она это много позже). Знают ли в комитете, что случилось с Орешкиной? Ах, знают! Даже приглашали

на беседу? Катя не явилась, и вы на этом успокоились, махнули на комсомолку рукой? Да никакой она не дезертир, откуда вы взяли? Просто... ну временно сбилась с пути, и ее надо по-человечески понять.

Из комитета Верочка вышла возмущенная. Человек вторую неделю нигде не работает, живет неизвестно на что, и никто не поинтересовался узнать, отчего ему так плохо. Ладно, она, Верочка, все это выяснит и поправит. В комитете ее попросили выступить перед комсомольцами прядильной фабрики, рассказать о своей бригаде, но Верочка сказала, что с удовольствием сделает это в другой раз. Сегодня она очень спешит. Да и как бы она стала выступать, ведь ее обязательно спросят про Катю, а Катя еще не вернулась в колхоз.

В том, что она вернется, Верочка не сомневалась с той минуты, как решилась поехать сюда. И только когда она подошла в общежитии к комнате № 17, уверенность разом покинула ее. Она точно знала, что Катя дома. Что она сейчас может делать? Как начать разговор? Катя же до чертиков обидчивая...

Верочка переложила узелок из руки в руку и, не постучав, открыла дверь.

Катя испуганно обернулась, машинально накрыла письмо ладонью, потом скомкала исписанный листок.

— Вера, ты?! Как ты сюда попала?

Верочка, несмело улыбаясь, не сводя с Кати счастливых и тревожных глаз, прошла вперед, положила узелок на стол.

— Здравствуй... Приехала вот. Тетя Паша гостинцев послала. Забыла, говорит, нас Катюха, окаянная, поезжай, спроси, когда в гости приедет, я пирогов свежих напеку...

— Да ей-то до меня какое дело? — удивленно и сухо сказала Катя странно незнакомым для Верочки голосом. — Что ж, садись, я со стола сейчас лишнее уберу.

Убирать, кроме чернильницы, ручки и письма, было нечего, на столе стоял лишь увядший букет полевых цветов. Тем временем Верочка торопливо развязала узелок, выложила из газетного свертка картофельные шаньги, пару маленьких недозревших огурцов, ломоть мягкого, еще пахнущего печью деревенского хлеба.

— Ну зачем мне это? Будто я голодная, — поморщилась Катя, едва глянув на «гостинец». — Тебе Володя сказал, что я здесь?

— Он, кто же еще? — недовольно заговорила Верочка, жадно всматриваясь в похудевшее и как будто потемневшее лицо Кати. — А ты тоже хороша — уехала и весточки не даешь. Ровно чужие. Там и Лена, и Марта Ивановна, и Юрка — ну все, одним словом, интересуются, как ты живешь, а от тебя ни слуху, ни духу. Столько лет дружили — и на тебе... Меня вчера Сергей Емельянович позвал и прямо приказывает: поезжай и узнай, как там. Уж ему-то могла бы написать.

— О чем? — резко сказала Катя и встала, прошлась по комнате. — Сама, небось, видишь мою жизнь. О чем же тут писать?

— Вижу, да не знаю. Что же он?..

— Виктор? — Катя стояла полуобернувшись к Верочке, так что Верочка пересела спиной к столу, однако видела лишь ту же горестную и злую усмешку на подрагивавших губах. — Таких дур, как я, поискать. Казалось, что любила, и он любил. Он звал меня сюда, смеялся, что я в навозе зарылась. Говорил, что ему скучно без меня. Ну я и сглупила, ты, наверно, тогда еще догадалась... А он на это дело просто смотрит: сделай, говорит, аборт, все равно жениться мне нельзя, осенью на учебу посылают. Скандал, конечно, вышел, а потом я поняла: зря все это, вовсе он и не собирался на мне жениться... Ну вот и все, высказалась. Не хотела говорить, но раз уж ты приехала... Все равно бы узнала...

— Конечно, узнала бы. Только почему же все? Мне главное, что ты дальше думаешь делать?

— А мне это вовсе не главное. Я уж решила... Да тебе-то не все ли равно?

— Катя!..

— И про дальше знать хочешь? Зачем?

— Затем, что ты моя подруга, и я тебя люблю, и не хочу, чтобы ты из глупой гордости сделала еще одну ошибку. Ну хорошо, если ты не хочешь вернуться к нам, поступай на прежнюю работу, ведь ничего не потеряно...

— На прежнюю? Чтоб люди тыкали в меня пальцем? И так уж...

— Люди поймут. Стыдно должно быть не тебе, а ему... я даже не знаю, как его назвать.

— Нет уж, Верочка, люди есть разные, ты меня не утешай. Сделаю аборт и уеду на родину. Здесь мне оставаться никак нельзя. И в колхоз тоже... Расскажи лучше, как там у вас, что делается? Марта Ивановна, конечно, на меня больше всех злится, да?

Катя даже улыбнулась, по старой привычке села на кровать, подперла ладонями подбородок. Верочке тоже почему-то неудобно было сидеть на табуретке, и она присела рядом с Катей, заговорила оживленно, даже весело, обрадовавшись Катиной улыбке.

— Да вовсе она не злится, с чего это? Ну обиделась немножко, что ты ее не предупредила, так ведь она за бригаду болела, ты же понимаешь... А обязательства, которые брали, мы выполняем, хоть и рано о нас расписали в газете. Аня теперь совсем довольная, старается изо всех сил, меня обгоняет. Мы же на механическую дойку перешли, с непривычки странно как-то, но скоро совсем освоим. Твои коровы хорошо выгулялись, Добрая по пуду надаивала. Да, чуть не забыла: вчера мне Логинов одно письмо показал, горожанка пишет, среднюю школу кончила. Будто мы за славой да за подъемными в колхоз поехали, чтобы красивые слова говорить, а скоро, мол, мода пройдет, и мы все разбежимся. Вот чудачка, по себе, что ли, судит. Я это письмо забыла взять, но возьму и напишу ей. Может, и через газету...

— Про меня-то она в точку попала, — тихо сказала Катя.

— Как бы не так! Будто я не знаю, — горячо вступилась Верочка. — Конечно, некоторые испугались, обратило к мамам сбежали, так это же совсем другое дело.

— Ну, а Лена что?

— Лена? Ничего... Мы с ней как-то за последнее время мало разговаривали, она ведь и раньше была на особицу. По тебе очень скучает. У нее не всегда добьешься, что на душе, тебе она больше доверяла. Эх, собрался бы нам опять вместе и всё, всё обговорить, ну как раньше бывало. Ты приезжай как-нибудь, а то поедem вместе, вот Лена обрадуется!

Катя молча покачала головой. В ответ на нетерпеливый жест Верочки сказала:

— Беглянка я, чего уж там. Кто меня там ждет? Перед самой собой совестно, надо как-то по-иному жизнь устраивать. У тебя-то с Володей как — помирились?

— Да мы вроде и не ссорились, я уж не помню... — Верочка покраснела, однако, чувствуя, что Катя все равно догадается обо всем, закончила: — Я, наверное, скоро замуж за него выйду.

Катя вдруг обняла ее за плечи, со всей искренностью, на какую была способна, сказала:

— Поздравляю. Как я за тебя рада! Больше всех! Веришь?

Их руки переплелись, смущенная и счастливая Верочка спрятала лицо в Катиных волосах.

— Я всегда тебе верила. Только я бы совсем была счастливая, если бы ты вернулась. Никто тебе и слова худого не скажет, все рады будут. Подумай, вместе же начинали, в обязательстве твою фамилию никто и не собирался вычеркивать. Да ты попробуй шанег, тетя Паша так уж просила угостить. Подожди, а деньги у тебя есть? Я привезла немного.

— Я тут, и правда, задолжала. Ты не беспокойся, я отдам.

Эти слова дались Кате с трудом, она почти физически страдала от испытываемого ею унижения.

— Конечно, отдашь. Только... не надо, Катюша, в больницу.

— Нет уж, — еще глуше произнесла Катя. — И жалко, а не хочу от него. Давай не будем об этом.

Верочка доставала деньги, а другой рукой пододвигала Кате шаньги. Катя взяла одну.

— Значит, Логинов не ругается, что отпустил меня?

— Не ругается, а жалеет. Пусть, говорит, приезжает, крестным буду.

Катя слабо улыбнулась. Той, прежней, жалкой усмешки уже не было.

— Когда же твоя свадьба?

— Ну я не знаю. Может, совсем скоро. Квартиру еще надо найти.

— Значит, я успею. Вот это для меня праздник будет. Очень, очень я рада за тебя, Вера. Володя хороший парень, а я раньше его почему-то боялась. Смешно. Он ведь и в колхоз из-за тебя поехал, я знаю.

— Да, он так говорит...

У них начался тот беглый и как будто ничего не значащий разговор, но он-то и был нужен Кате. Верочка отлично это понимала. Она рассказывала то о самодеятельности, то о коровах, то снова о Володе и о том, что Марта Ивановна довольна работой бригады, и скоро они все вместе поедут на районный слет, а там уж подойдет осень и начнется учебный год. Катя слушала, изредка задавала вопросы и незаметно съела шаньги. Она ни на минуту не могла забыть о своем несчастье, однако вдруг заметила, что временами думает о нем в прошедшем времени, хотя и сознавала, что самое трудное еще впереди. Но рядом была Верочка, старая и верная подруга, она все поняла и не осуждала Катю, потому что верила — Катя сумеет стать такой же, какой была, только более строгой к себе и чуть-чуть умудренной всем случившимся. Если б мудрость приходила сразу! Да и не в этом даже дело. Катя нашла друзей, и будущее уже не представлялось ей таким безысходным, как тогда, когда она в одиночестве писала неизвестно кому письмо...

XXVI

ВОЛОДЯ приподнял свой чемоданишко, который пришлось-таки приобрести недавно, снова поставил его на лавку, еще раз огляделся — не оставил ли чего. Нет, все его имущество свободно влезло в единственный небольшой чемодан, только плащ еще висел на гвозде да резиновые сапоги с самой весны валялись в чулане.

— Как будто все. На, держи, — сказал Володя Осипову, подавая ему деньги за квартиру.

— Не возьму, — вдруг заупрямился Осипов. — На кой они мне? И мать не возьмет, не упрасивай. Жили вроде товарищами, давай и расстанемся по-хорошему. В силу необходимости, так сказать. На свадьбу-то позовешь?

— Соберусь вот, позову. Я ведь и на твою свадьбу рассчитываю.

— Э, у меня, брат, дело не скоро выгорит, — махнул рукой Осипов. — На другой жениться нет охоты, а Лена...

— Что Лена? Как она вообще? — Володя прикрыл окно, присел на лавку.

— Да что... Разговариваем, — неохотно ответил Осипов, хотя ему хотелось выговориться. — Вчера допоздна сидел у нее. Какая-то пасмурная, не уловишь, что ее точит.

— Скажи, Леша, ты звал ее уехать?

— Звал, — признался Осипов. — В тот, в первый вечер. Согласилась — я в землю штопором ввинтился бы, а предоставил бы ей то, что надо.

— А что ей, по-твоему, надо?

Володе впервые пришла мысль об этом. Он знал, к чему стремится он сам и Верочка, знал, о чем еще недавно мечтал Осипов, но чего добивается Лена — никакого представления не имел. Просто не было повода поговорить с ней об этом. Какой же могла бы быть ее любовь к нему? По какой дороге они пошли бы? Лена явно влияла на Осипова, в этом не было сомнения, но что из этого может получиться?

К удивлению Володи, его вопрос застал Осипова врасплох.

— В том-то и суть, — неопределенно развел тот руками. — Я думал — то, а оказалось — другое. Вроде и в колхозе ей не нравится, и уезжать не хочет.

— Не хочет? Так и сказала? — переспросил Володя, еще не зная, радоваться ему или огорчаться.

— А то бы я, думаешь, пошел здесь на рядовую работу? — вспомнив обиду, зло сказал Осипов. — Она подзадорила. Любая работа, говорит, не позор. Ладно, я подожду, докажу ей, но ежели обманет... Фельдшерице нашей позавидовала, а разве их можно сравнить?

Володя облегченно передохнул, рассмеялся.

— Ну и чудак ты, Леша! Чем фельдшерица хуже? А у Лены, оказывается, крепкий характер, теперь-то я ее понял. Она и не такое выдержит. Ну вот что, рядовой колхозник, мой тебе последний совет: держись за Лену — человеком станешь. Дошло?

— А сейчас я, по-твоему, кто? — не обидевшись, принимая шутку, спросил Осипов. Все-таки он заметно повеселел.

— Как тебе сказать?.. Сам подумай. Ну я пошел. Спасибо за все.

— Не стоит. Привет там Верочке передавай. Черт, какую девку ухватил. А я-то думал, ты на Лену целишься.

— Гляди, сам не промахнись...

Володя взял чемодан, подхватил на руку плащ и с легким сердцем вышел из осиповского дома. Беспокоила лишь мысль: пришла ли на новую квартиру, их квартиру, Верочка? Они договорились после регистрации в сельсовете, что Володя придет пораньше и наведет в комнате кое-какой порядок. Своего у них пока не было ничего. Стол, стулья, кровать — все дали люди. Тетя Паша предлагала Верочке старый семейный сундук, но Верочка отказалась, все равно хранить в нем было нечего. Володю это нисколько не смущало. Были бы голова и руки, а барахло найдется. Главное, что Верочка с ним. Вот он сейчас явится, переставит разошедшийся хозяйкин гардероб в простенок, чтобы получились две маленькие комнатки, выложит из чемодана книги, приберет полку для них...

«Интересно, как она рассталась с Леной? — вспомнив разговор с Осиповым, подумал Володя. — По-моему, обыкновенно, не в Антарктиду же Верочка уезжает. Да и Лена не позволит себе расчувствоваться. Трудно ей сейчас, а чем поможешь?..»

Он вздохнул и, словно желая отделаться от нежелательных мыслей, ускорил шаг. Обогнув угол соседней с его новой квартирой избы, Володя почти нос к носу встретился с Верочкой и Юркой Ивашкиным. Юрка в обеих руках держал Верочкины пожитки — чемодан и узел. Как видно, он нес их от самого дома тети Паши и сейчас прощался.

Володя выжидающе остановился в трех шагах. Юрка, кажется, чуть покраснел, но под густым загаром заметить это было трудно.

— Вот и Володя, — вся просияла Верочка, забирая чемодан и узел. — Спасибо, Юра, почти до самой квартиры донес. Заходи потом к нам, не забывай друзей.

— Ладно, может, и зайду, — натужно сказал Юрка и зачем-то отряхнул ладонью штаны. — До свиданья...

И, не глянув на Володю, вразвалку пошел прочь.

— Не могла сама донести? — с упреком спросил Володя.

Верочка улыбнулась ему — смело, открыто и нежно, заставив Володю устыдиться своих слов. Он смущенно пробормотал:

— Это я так, не в обиду... Идем.

— Неужели ревнуешь? Ну и глупо. Юрка, и правда, хорошо ко мне относился, и я его уважаю. Он такой скромный, старательный и, знаешь, умница...

— Не вижу ничего умного. Он же влюблен в тебя, а ты даешь повод... О чем он говорил?

— Поздравил, конечно. Словом, пожелал счастья. Нет, он и вправду хороший, ты с ним непременно поружишься. А ты смешной, когда вот так сердишься.

— Вовсе я не сержусь, ерунда все это...

Они вошли в дом, в свою комнату. Она пока была необжитой и неудобной на первый взгляд, но для Володи и Верочки это был уже родной угол. Они были одни — муж и жена, еще ни разу не произнесшие вслух этих необычных, таинственно-волнующих слов. Верочка поставила чемодан на пол, и та же улыбка — радостная, несмело-зовущая — озарила ее лицо, обожгла Володю. Он протянул к ней руки, и Верочка порывисто откликнулась на этот безмолвный призыв... Володя целовал ее полузакрытые, такие родные глаза, а она шептала:

— Теперь-то я тебя никому не отдам...
